МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга XII.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1915.

Ледоходъ.

Разсказъ изъ боевой жизни летчиковъ.

I.

Неудачный полетъ.

Сирли перегнулся и тронулъ Найсбета за плечо.

— За нами погоня,—сказалъ онъ тѣмъ напряженнымъ крикомъ, которымъ переговариваются летчики.—Кажется, таубе,—добавилъ онъ.

Лейтенантъ Обри Найсбетъ оглянулся. Изъ тонкаго морознаго облачка, плывшаго внизу, вынырнулъ монопланъ, похожій на птицу.

— Однако!—пробормоталъ Найсбетъ и въ ту же минуту сдѣлалъ поворотъ, и поставилъ свой «Ньюпоръ» круто вверхъ.

— Ты летишь ему навстрѣчу?—спросилъ Сирли, немного удивленный.

— Это Шварцъ,—коротко отвѣтилъ Найсбетъ.

Несмотря на пронизывающій холодъ, горячая волна возбужденія пробѣжала по жиламъ Сирли. Такъ это Шварцъ, тотъ самый Шварцъ, который внесъ въ лѣтописи германской военной авіаціи еще одно безсмысленное преступленіе, умышленно бросивъ бомбы на госпиталь въ Тибо, при чемъ было убито десятка два раненыхъ солдатъ, лежавшихъ въ госпиталѣ, и нѣсколько сестеръ милосердія. Невѣста Найсбета, Алиса Сальтунъ, чуть не оказалась тогда въ числѣ жертвъ, и Сирли зналъ, что Найсбетъ поклялся раздѣлаться съ виновникомъ этого возмутительнаго «подвига».

Держа винтовку наготовѣ, Сирли не сводилъ глазъ съ германскаго аэроплана, который быстро забиралъ ввысь по спирали. Это былъ одинъ изъ новыхъ аэроплановъ системы «Альбатросъ», снабженный мощными моторами Мерседесъ, которые даютъ имъ огромную скорость и силу подъема.

Но и британскій «Ньюпоръ» въ искусныхъ рукахъ Найсбета тоже могъ постоять за себя. Онъ несся въ блѣдно-синемъ небѣ, какъ метеоръ, и Сирли напряженно ожидалъ мгновенія, когда можно будетъ выпустить въ врага первую пулю.

Но вдругъ, когда «Альбатросъ» уже былъ почти на разстояніи выстрѣла, германскій пилотъ круто свернулъ въ сторону и понесся прочь. Повидимому, онъ раздумалъ вступать въ бой.

— Струсилъ,—презрительно пробормоталъ Найсбетъ, пускаясь за нимъ въ погоню.

Шварцъ снижался, и стрѣлка барографа передъ Найсбетомъ неуклонно ползла вверхъ по циферблату. Съ шести тысячъ футовъ они спустились до трехъ тысячъ, и тамъ и сямъ Сирли могъ видѣть сквозь клубы тумана покрытые снѣгомъ унылые холмы.

Внезапно «Альбатросъ» сдѣлалъ поворотъ почти подъ прямымъ угломъ. Въ ту же минуту звуки орудійныхъ выстрѣловъ прорѣзали воздухъ, и нѣсколько снарядовъ разорвалось такъ близко отъ британскаго аэроплана, что онъ закачался отъ образовавшихся воздушныхъ вихрей. Разорванные клочки зеленаго дыма взлетали вокругъ «Ньюпора», и Сирли невольно содрогнулся, когда кусокъ стали со свистомъ пролетѣлъ всего въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ его щеки.

— Попали въ ловушку!—крикнулъ Найсбетъ, хватаясь за рычаги.

Еще и еще снаряды взлетали изъ невидимой бездны внизу, и гулъ ихъ взрывовъ смѣшивался съ дробной трескотней пулеметовъ. Но Найсбетъ уже вывелъ аэропланъ изъ опасной зоны, и понемногу звуки начали затихать.

Найсбетъ повернулся къ товарищу:

— Все благополучно, дружище?

— Я-то отдѣлался благополучно, но нашей птицѣ пришлось круто. Лѣвое крыло все изрѣшетено.

— Это не бѣда. Могло кончиться и хуже. И подѣломъ мнѣ, не будь дуракомъ!

— Шварцъ опять гонится за нами,— крикнулъ Сирли.

— На этотъ разъ я поднимусь выше его,— отвѣтилъ пилотъ.— Постарайся, если можешь, попасть въ него, дружище. Мы и за это тоже должны отплатить ему.

«Ньюпоръ» опять сталъ забирать высоту, описывая круги. Сирли высматривалъ удобный моментъ, чтобы пустить въ дѣло винтовку.

— Онъ не желаетъ рисковать, бездѣльникъ,—съ досадой вскричалъ Сирли, когда нѣмецкій аэропланъ опять повернулъ прочь отъ нихъ.

Найсбетъ рѣшительно сжалъ губы.

— Мы должны съ нимъ поквитаться,— сказалъ онъ и понесся слѣдомъ за врагомъ.

Шварцъ опять сдѣлалъ поворотъ, маневрируя такъ, чтобы снова загнать «Ньюпоръ» въ зону огня. Улучивъ минуту, Сирли выстрѣлилъ—разъ, другой, третій.

Третій выстрѣлъ попалъ. Германскій пилотъ покачнулся на своемъ сидѣньи, а аппаратъ дернулся внизъ такъ рѣзко, что казалось, онъ не выправится больше и камнемъ полетитъ на землю.

— Молодчина!—радостно воскликнулъ Найсбетъ.—Подбилъ-таки Шварца.

— Нѣтъ, смотри, выправился!—разочарованно отвѣтилъ Сирли.—Спустится благополучно, мошенникъ.

— Но во всякомъ случаѣ...—началъ пилотъ.—Алло! Что случилось?

Моторъ аэроплана неожиданно пересталъ работать, и послѣ непрерывнаго гула машины наступившая тишина казалась удивительно странной.

Найсбетъ выправилъ аэропланъ и взялъ направленіе на югъ, снижаясь длиннымъ планирующимъ спускомъ. Онъ попытался снова запустить моторъ, но безъ результата. Сирли тѣмъ временемъ отыскивалъ причину остановки мотора.

— Бензина нѣтъ,—заявилъ онъ.— Осколокъ снаряда пробилъ дыру въ бакѣ.

Найсбетъ тихо свистнулъ.

— Тю-тю! Попались, голубчикъ!

— Какъ? Развѣ ты не можешь перелетѣть черезъ рѣку?

— Даже до рѣки не долетимъ, а приземлимся, видно, прямо среди нѣмцевъ.

— Вотъ такъ штука!—Сирли внимательно посмотрѣлъ внизъ.—Да, ты правъ. Мы спустимся прямо среди ихъ линій.

— Нѣтъ, этому не бывать!—вскричалъ Найсбетъ.—Что бы ни случилось съ нами, я имъ не подарю нашъ аэропланъ!

Съ этими словами онъ сдѣлалъ поворотъ, взявъ направленіе къ сѣверу.

Туманная земля быстро поднималась имъ навстрѣчу, и на ея ровной покрытой снѣгомъ поверхности внезапно обозначилось сквозь пелену тумана какое-то темное пятно.

— Лѣсокъ,—быстро сказалъ Сирли.— Спустись за нимъ, если можешь. Тогда мы выиграемъ время.

— Правильно! — хладнокровно отвѣтилъ Найсбетъ, и минуту спустя колеса взметнули облака снѣга. «Ньюпоръ» остановился ярдахъ въ ста за полосой голыхъ деревьевъ.

Оба летчика мигомъ соскочили наземь.

— Насъ замѣтили. Живѣй! Бѣгутъ сюда!—сказалъ Сирли.

Найсбетъ оглянулся и увидѣлъ нѣсколько темныхъ фигуръ, которыя бѣгомъ приближались къ нимъ. Выхвативъ револьверъ изъ кабуры, онъ разрядилъ его въ моторъ, безнадежно испортивъ тѣмъ самымъ сложный механизмъ. Сирли между тѣмъ открылъ жестянку съ керосиномъ, вылилъ керосинъ на аэропланъ и поджегъ его.

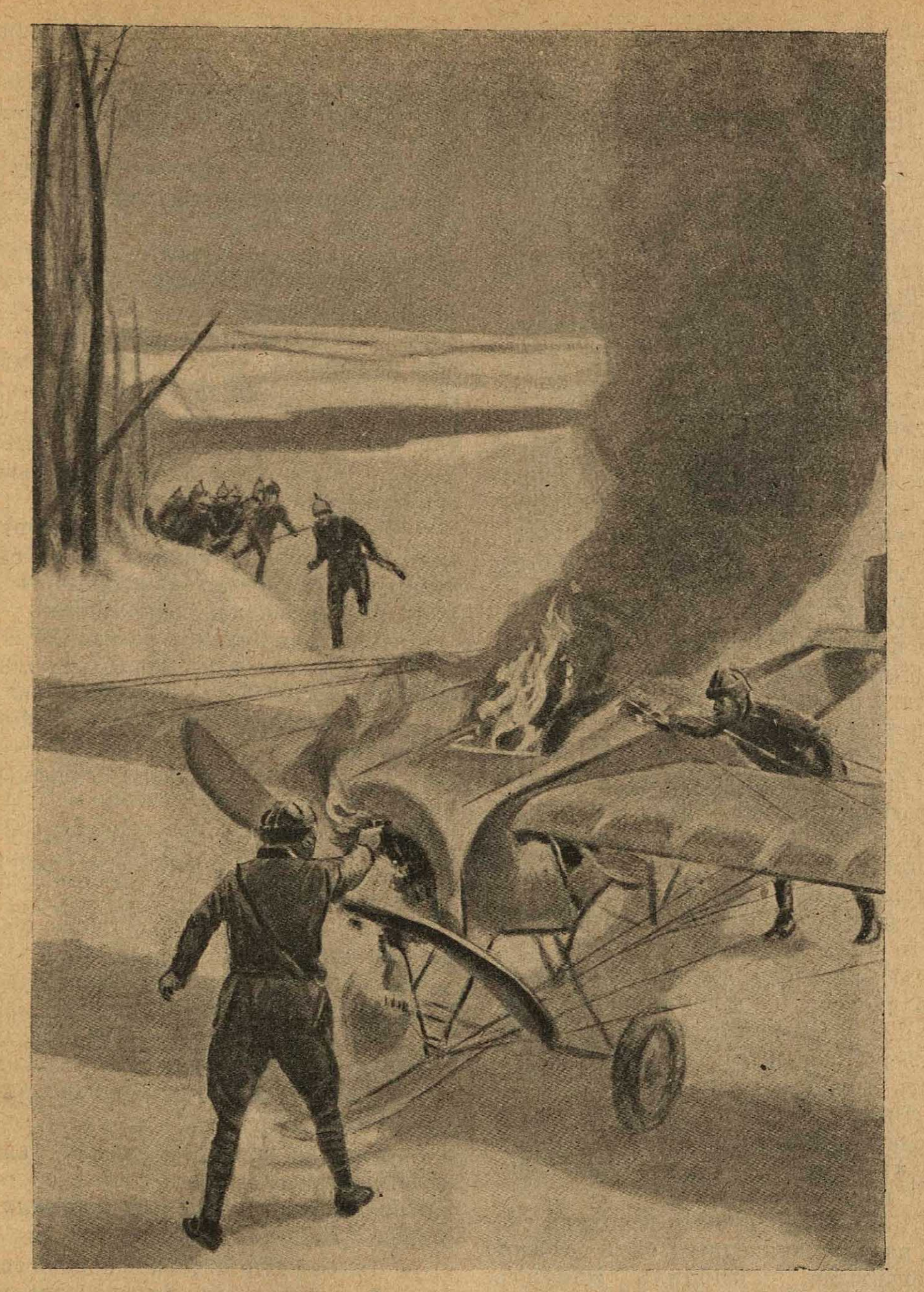
Въ тотъ моментъ, когда желтое пламя охватило аэропланъ, нѣмцы добѣжали до нихъ, и хриплый голосъ крикнулъ: «Сдавайтесь!»

— Успѣли все-таки, — проговорилъ Найсбетъ, оглянувшись на свой пылающій «Ньюпоръ». Затѣмъ онъ поднялъ руки, и его и Сирли увели.

II.

Въ плѣну.

Они ожидали, что ихъ отправятъ въ тылъ. Но, къ ихъ удивленію, этого не случилось. Ихъ никуда не отправили,

Выхвативъ револьверъ изъ кабуры, Найсбетъ разрядилъ его въ моторъ, а Сирли облилъ аэропланъ керосиномъ и поджегъ его.

а только заперли въ верхней комнатѣ большого барскаго дома, который стоялъ на берегу рѣки Бонсъ, на краю невысокаго обрыва. Окна этой комнаты выходили прямо на рѣку, которая была вся скована льдомъ, за исключенiемъ узкой полосы въ серединѣ, гдѣ среди ледяныхъ барьеровъ несся свинцовый потокъ.

— Странная вещь!—проговорилъ Найсбетъ, остановившись у окна и глядя

на снѣжную равнину, разстилавшуюся но ту сторону рѣки.—Зачѣмъ они насъ оставили тутъ? Какую игру они ведутъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ Сирли, — но сдается мнѣ, что намъ здѣсь не поздоровится, если французы начнутъ обстрѣливать эти позиціи изъ орудій «75».

— Этого они не могутъ,—въ настоящее время, по крайней мѣрѣ. У нихъ нѣтъ орудій ближе деревни Везей.

Сирли пожалъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ намъ остается только запастись терпѣніемъ и ждать. Рано или поздно мы узнаемъ, чего хотятъ мошенники.

Ждать имъ пришлось не долго. Когда они кончили скудный ужинъ, который ихъ тюремщики считали вполнѣ достаточнымъ для ненавистныхъ англичанъ, ключъ повернули въ замкѣ, дверь отворилась, и къ нимъ вошелъ кто-то.

Найсбетъ, стоявшій у окна, неторопливо повернулся и оглядѣлъ вошедшаго. Это былъ крѣпко сложенный мужчина средняго роста въ формѣ капитана германской арміи. Но лицомъ онъ не былъ похожъ на типичнаго нѣмца. Цвѣтъ его кожи былъ темный, почти какъ у негра, а коротко остриженные волосы и жесткіе усы были черны, какъ вороново крыло, составляя странный контрастъ съ широко разставленными глазами, которые сверкали желтымъ блескомъ. Лѣвая рука у него была на перевязи.

— Обыкновенно считается невѣжливымъ входить, не постучавшись, капитанъ Шварцъ,—по-нѣмецки проговорилъ Найсбетъ, обращаясь къ вошедшему.

Тотъ грубо захохоталъ.

— Вы скоро станете менѣе разборчивы, господинъ лейтенантъ,—отвѣтилъ онъ.— Могу я надѣяться, что вы довольны вашей новой квартирой?

— Какъ вы только что изволили сказать, намъ не приходится быть особенно разборчивыми, — отвѣтилъ Найсбетъ, окинувъ взглядомъ пустую комнату, въ которой не осталось ни малѣйшаго намека на то, что въ обиходѣ называютъ меблировкой.—Во всякомъ случаѣ здѣсь сухо, если не тепло.

— И какой видъ! Этого не надо забывать,—сказалъ Шварцъ, при чемъ въ его желтыхъ глазахъ вспыхнулъ какой-то странный огонекъ.—Эта деревня напротивъ—Везей.

Найсбетъ кивнулъ головой.

— Знаю. И она въ рукахъ нашихъ, если не ошибаюсь.

— Да, *пока*, — отвѣтилъ нѣмецъ съ многозначительнымъ удареніемъ на словѣ «пока».

— Вы, значитъ, думаете атаковать ее?

— Вовсе не думаемъ, а уже все устроено и подготовлено. Самое большее черезъ три-четыре дня деревня Везей будетъ въ нашихъ рукахъ. Двѣ изъ самыхъ крупныхъ нашихъ гаубицъ уже стоятъ на позиціи. И скоро установятъ еще двѣ. И тогда... врядъ ли нужно вамъ объяснять, что деревня Везей перестанетъ существовать.

— Да? Очень интересно,—сухо отвѣтилъ Найсбетъ, но каковы бы ни были чувства британскаго авіатора, на его лицѣ не отразилось ровно ничего.

Шварца это, видимо, разозлило.

— Я оставилъ вамъ ваши бинокли,— сказалъ онъ.—Съ ихъ помощью вы будете въ состояніи наблюдать дѣйствіе нашего огня.

— Очень любезно съ вашей стороны,— протянулъ Найсбетъ.

Шварцъ нахмурился и направился къ двери. Но у порога онъ остановился и снова повернулся.

— Вы знаете, кто завѣдуетъ госпиталемъ въ Везей?—спросилъ онъ.

Найсбетъ посмотрѣлъ на него въ упоръ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Понятія не имѣю,—отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу. Нѣкая миссъ Сальтунъ—миссъ Алиса Сальтунъ.

Онъ остановился, наблюдая, какое дѣйствіе произвели его слова, но если онъ ожидалъ какой-нибудь вспышки со стороны Найсбета, онъ ошибся.

— Да?—отвѣтилъ тотъ.—У васъ справочный отдѣлъ поставленъ превосходно. Въ этомъ отношеніи, какъ мы всегда признавали, ваша армія стоитъ выше всѣхъ остальныхъ.

— Побилъ его на этотъ разъ,—со смѣхомъ сказалъ Сирли, когда Шварцъ удалился, съ сердцемъ захлопнувъ за собой дверь.—Ну, и скотина!

— Онъ мститъ за пулю, которую ты въ него всадилъ,—отвѣтилъ Найсбетъ.— Но дѣло серьезное и скверное, братъ.

— Ты не зналъ, что миссъ Сальтунъ въ Везей?

— Нѣтъ, не зналъ. Но весьма возможно, что это правда. Слушай, Сирли, ихъ надо будетъ предупредить такъ или иначе!

Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ въ него.

— Рѣшетки нѣтъ,—задумчиво проговорилъ онъ.

— Потому что въ ней и надобности нѣтъ,—отвѣчалъ Сирли.

— Не знаю. Если бы внизу была вода, а не ледъ, я бы рискнулъ спрыгнуть.

— Но тутъ ледъ, а не вода, и если ты спрыгнешь, ты сломаешь себѣ шею— или ногу, что одинаково плохо.

Найсбетъ оглядѣлъ комнату.

— Если бы у насъ была веревка...— началъ онъ.

— Но у насъ ея нѣтъ. Да если бы и была, что толку? Мы не могли бы перебраться черезъ рѣку, и во всякомъ случаѣ насъ пристрѣлили бы раньше, чѣмъ мы успѣли бы попробовать.

— Да, похоже на то, что ничего не сдѣлаешь,—уныло сказалъ Найсбетъ, снова посмотрѣвъ на середину рѣки, гдѣ свинцовая вода неслась съ головокружительной быстротой среди ледяныхъ глыбъ.

— А морозецъ изрядный,—сказалъ черезъ нѣкоторое время Сирли.—Если такъ будетъ продолжаться, то рѣка совсѣмъ станетъ. И тогда, если ночь будетъ темная...

Найсбетъ кивнулъ головой.

— Подождемъ до завтра и посмотримъ, что будетъ. А пока я не прочь лечь спать.

Черезъ десять минутъ, завернувшись въ свои одѣяла, оба спали на соломѣ въ углу такъ же крѣпко, какъ если бы лежали въ постели у себя дома.

III.

Бѣгство.

На другой день морозъ покрѣпчалъ, и полоса воды въ серединѣ рѣки стала значительно уже. Днемъ обоимъ плѣннымъ разрѣшили выйти на прогулку подъ присмотромъ часового и при этомъ— безъ сомнѣнія по приказу Шварца—ихъ провели мимо двухъ исполинскихъ гаубицъ, которыя уже стояли на позиціи на своихъ бетонныхъ площадкахъ. Прикрытыя брезентомъ и полузанесенныя снѣгомъ, онѣ напоминали какихъ-то чудовищъ первобытныхъ временъ.

— Не навралъ, значитъ,—сказалъ Сирли, когда они вернулись въ свою комнату.

— Я и не думалъ, что онъ вретъ,— отвѣтилъ Найсбетъ.

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на рѣку.

— Да завтрашней ночи подожду еще, но не больше.

Сирли кивнулъ головой.

— Ладно,—только и сказалъ онъ.

Солнце зашло на ясномъ небѣ, и всѣ признаки указывали, повидимому, на то, что морозъ будетъ продолжаться. Эту ночь плѣнные попробовали связать веревку изъ своихъ одѣялъ, но должны были отказаться отъ этой попытки, такъ какъ одѣяла оказались слишкомъ ветхими.

Тогда они легли спать, и Сирли вскорѣ сладко захрапѣлъ. Но Найсбетъ не могъ заснуть. Мысль о томъ, что Алиса находится въ опасности, не давала ему покоя. Онъ готовъ былъ пойти на какой-угодно рискъ, чтобы спасти ее—и тѣмъ не менѣе не могъ не сознавать, что почти нѣтъ никакой возможности это сдѣлать.

Во-первыхъ, выпрыгнуть изъ окна было само по себѣ страшно рискованно. Но если бы даже эта часть плана удалась, то дальше вѣдь предстояло пройти пятьдесятъ ярдовъ по льду, покрытому снѣгомъ, т.-е. по бѣлоснѣжной равнинѣ, на которой онъ былъ бы великолѣпной мишенью для нѣмецкихъ часовыхъ. А на томъ берегу опять такая же открытая бѣлая равнина...

Съ какой стороны ни взгляни, предпріятіе было безнадежное. Но если онъ не предупредитъ находящихся въ Везей, имъ грозитъ гибель...

Въ концѣ-концовъ, онъ задремалъ, и проснулся отъ какого-то страннаго звука. Была еще темная ночь. Онъ вскочилъ и подошелъ къ окну, едва вѣря ушамъ. Но нѣтъ, онъ не ошибся.

Шелъ дождь—даже не дождь, а ливень!

— Вотъ такъ штука!—раздался голосъ у его уха. Это Сирли подошелъ къ окну.

— Не ъезетъ намъ!—отозвался Найсбетъ, и его голосъ, всегда такой спокойный, дрогнулъ.

Наступило молчаніе, нарушенное только свистомъ вѣтра за окномъ и шумомъ дождя.

— Мнѣ все равно,—пробормоталъ, наконецъ, Найсбетъ сквозь стиснутые зубы.—Если рѣка вскроется, я переберусь черезъ нее вплавь.

Сирли не отвѣтилъ. Онъ зналъ слишкомъ хорошо, что тревога, снѣдавшая его товарища, была сильнѣе доводовъ разсудка.

День занялся. Дождь попрежнему лилъ какъ изъ ведра. Температура поднялась на нѣсколько градусовъ. Черезъ нѣсколько часовъ поднявшаяся вода покрыла ледъ, а къ полудню рѣка вышла изъ своихъ береговъ. Дулъ штормъ, и чѣмъ сильнѣе онъ дулъ, тѣмъ сильнѣе шелъ дождь. Оконныя рамы дрожали подъ свирѣпыми порывами вѣтра, и дождь хлесталъ стекла. А внизу вздувшаяся рѣка гудѣла и ревѣла, неся на своей пѣнящейся поверхности большія льдины, доски, бревна и всякую всячину.

Сирли отворилъ окно и выглянулъ.

— Если будетъ такъ продолжаться, насъ здѣсь затопитъ,—замѣтилъ онъ.— Фундаментъ дома уже подъ водой.

Найсбетъ, безостановочно шагавшій изъ угла въ уголъ, вдругъ остановился.

— А вѣдь и правда!—взволнованно воскликнулъ онъ.

— Ну, и что же изъ этого?—спросилъ Сирли.

— Развѣ ты не понимаешь? Въ нижнихъ комнатахъ никого нѣтъ, значитъ— и на берегу тоже.

— Но намъ-то что до этого?

— Да вѣдь берегъ свободенъ, значитъ! Вотъ тотъ удобный случай, котораго я дожидался!

Сирли уставился на товарища.

— Ты рехнулся, братъ? Никакое живое существо не переберется черезъ такую стремнину.

Говоря это, онъ показалъ рукой на бушевавшую рѣку, которая неслась мимо съ такой яростью, что старый барскій домъ, какъ ни прочно онъ былъ построенъ, дрожалъ до самаго основанія. Ширина рѣки уже составляла четверть мили, а ревъ ея походилъ на непрерывный громъ.

— Надежда все-таки есть! — упрямо сказалъ Найсбетъ.

— Это чистое самоубійство!—возразилъ Сирли.—Съ такимъ же успѣхомъ ты можешь попробовать переплыть Ніагару. Вдобавокъ вода ледяная. Черезъ полминуты у тебя сведетъ руки и ноги.

Это была правда. Найсбетъ зналъ, что Сирли былъ правъ. Онъ неподвижно смотрѣлъ на неистовствовавшую, ревѣвшую воду, и что-то въ родѣ отчаянія появилось въ его глазахъ.

Вдругъ онъ рѣзко повернулся и схватилъ товарища за руку.

— Придумай что-нибудь, Сирли! — крикнулъ онъ съ дикой энергіей, такъ непохожей на его обычное небрежное спокойствіе.—Придумай что-нибудь. Я сойду съ ума, если мнѣ придется сидѣть здѣсь и смотрѣть, какъ они будутъ разстрѣливать Везей. Этотъ подлецъ Шварцъ установилъ, конечно, прицѣлъ съ точностью до одного ярда. И первые же снаряды попадутъ въ госпиталь. Если съ Алисой что-нибудь случится... что я могу предотвратить... я никогда въ жизни...

Его голосъ пресѣкся. Онъ остановился.

Сирли, тронутый больше, чѣмъ желалъ показать, повернулся къ окну.

Въ этотъ моментъ до его слуха донесся новый звукъ—какой-то странный гулъ, напоминавшій шумъ обвала въ горахъ. Онъ высунулся изъ окна.

— Что это? Гляди! Гляди! Рѣка спадаетъ!

Онъ былъ правъ. Рѣка быстро спадала, точно ее внезапно отрѣзали отъ ея верховъ. Въ нѣсколько секундъ она спала на ярдъ, потомъ на два передъ ихъ изумленными глазами.

— Удивительно... — пробормоталъ Найсбетъ.—Что случилось?.. Ахъ, вотъ оно что. Посмотри вонъ туда.

Выше по рѣкѣ виднѣлась какая-то бѣловатая масса, отражавшая тусклый свѣтъ зимняго дня.

— Это ледъ, — продолжалъ Найсбетъ, — массы льда. Цѣлыя ледяныя поля.

— Но откуда онъ явился?

— Изъ озера Шартрэнъ, въ двадцати миляхъ отсюда. Я понимаю, что случилось. Весь ледъ оттуда тронулся и запрудилъ теперь рѣку отъ берега до берега.

Сирли ничего не отвѣтилъ, весь захваченный этимъ грандіознымъ необычайнымъ зрѣлищемъ. Шумъ быстро усиливался. Онъ скоро заглушилъ своимъ густымъ гуломъ ревъ рѣки. Оба стояли молча и смотрѣли, едва дыша отъ волненія.

Когда ледъ приблизился, они увидѣли, что онъ дѣйствительно заполнялъ все русло рѣки отъ берега до берега. Онъ представлялъ собою почти сплошную массу, и такъ велики были его вѣсъ и его объемъ, что онъ дѣйствовалъ какъ запруда, удерживая часть той огромной массы воды, которая неслась за нимъ.

Главная часть движущейся ледяной плотины уже находилась подъ окномъ. Огромныя льдины съ трескомъ ударялись о стѣну подъ окнами, другія перекатывались и застревали на берегу. Домъ дрожалъ подъ этимъ медленнымъ непрерывнымъ напоромъ.

Найсбетъ повернулся къ товарищу.

— Сирли, другъ, вотъ мой шансъ на спасеніе.

— И мой тоже! — добавилъ Сирли.

— Нѣтъ. Ты долженъ остаться. Да, да, не возражай. Если Шварцъ увидитъ, что мы оба исчезли, онъ пронюхаетъ, въ чемъ дѣло. А ты можешь ему наврать что-нибудь. Скажи, что я въ припадкѣ

Найсбетъ бѣжалъ по льду, дѣлая самые рискованные прыжки.

меланхоліи выпрыгнулъ изъ окна и утонулъ. Онъ не будетъ тогда знать, что я предупредилъ нашихъ въ Везей. Понимаешь?

Сирли не сразу отвѣтилъ. Онъ тяжело перевелъ духъ.

— Да, понимаю, — хрипло сказалъ онъ наконецъ.—Ладно, будь по-твоему, дружище. До свиданія. Счастливый путь.

Они пожали другъ другу руку.

Въ слѣдующее мгновеніе Найсбетъ стоялъ на подоконникѣ.

Обрывъ, на которомъ былъ построенъ домъ, задержалъ и защемилъ ледяную плотину, такъ что ледъ стоялъ почти неподвижно.

Найсбетъ повисъ на рукахъ, а затѣмъ, хладнокровно выбравъ удобный моментъ, разжалъ руки и благополучно спрыгнулъ на гладкую поверхность огромной льдины.

Сирли, который смотрѣлъ, затаивъ дыханіе, увидѣлъ, какъ онъ повернулся, махнулъ рукой на прощанье и сталъ перескакивать съ льдины на льдину.

Скорость—вотъ въ чемъ было спасеніе Найсбета. Пока ледъ стоялъ неподвижно, путь былъ сравнительно безопасенъ. Но Найсбетъ зналъ, что такъ не можетъ долго продолжаться. Давленіе нѣсколькихъ тысячъ тоннъ воды и льда, напиравшихъ сверху, должно было скоро прорвать плотину. И тогда вся сплошная масса разлетится на отдѣльные куски, которые будутъ унесены бушующимъ хаосомъ.

Измѣряя на-глазъ разстояніе, онъ подвигался впередъ скачками. Его башмаки были, къ счастью, безъ гвоздей, но все же онъ то и дѣло скользилъ и оступался. Съ берега не стрѣляли. Германцы не замѣтили его. Были, очевидно, слишкомъ заняты спасеніемъ своего имущества отъ наводненія, чтобы думать о чемъ-либо другомъ.

Уже оставалось меньше половины пути, когда Найсбетъ почувствовалъ, что ледъ подъ его ногами тронулся. Сверху несся гулъ, подобный громовымъ раскатамъ, и еще другіе звуки, точно что-то хрустѣло, трещало и ломалось.

Онъ побѣжалъ скорѣе, дѣлая самые рискованные прыжки.

Тамъ и сямъ появились трещины, черезъ которыя видна была темная, мутная вода, и чѣмъ ближе къ тому берегу, тѣмъ шире становились эти трещины.

Подвигаться впередъ становилось все труднѣе. Каждый прыжокъ требовалъ неимовѣрнаго напряженія. Сердце Найсбета такъ колотилось въ груди, точно готово было каждую минуту разорваться. Не хватало воздуху. Онъ дышалъ тяжело, съ мучительнымъ усиліемъ при каждомъ вздохѣ.

До берега оставалось всего пятьдесятъ ярдовъ. Но ледъ опять двинулся, и въ каждую паузу между двумя скачками рѣка уносила его внизъ съ возрастающей быстротой.

Еще одинъ дикій скачокъ перенесъ Найсбета черезъ трещину въ три ярда шириной. Но онъ поскользнулся и упалъ на колѣни, и отъ этого толчка небольшая льдина, на которой онъ очутился, перекувырнулась и сбросила его въ воду.

Ледяная вода словно обожгла его. Онъ съ усиліемъ ловилъ воздухъ губами, и въ то же время отчаянно работалъ руками, стараясь добраться до другой льдины, которая плыла мимо, словно призракъ.

Отчаяннымъ усиліемъ онъ доплылъ до нея и попытался вскарабкаться. Но пальцы только безпомощно скользнули по ея гладкой поверхности—и Найсбетъ опять упалъ въ воду. Другая льдина неслась на него. Найсбетъ очутился между ними двумя. «Конецъ», подумалъ онъ.

Но въ послѣднее мгновеніе эти двѣ льдины столкнулись съ третьей, гораздо большей, и подъ напоромъ теченія взлетѣли на покатую поверхность ея. Они потащили Найсбета за собой. Собравъ послѣднія силы, онъ вскарабкался до верхушки льдины, и тамъ упалъ въ полномъ изнеможеніи, не въ состояніи больше шевельнуть ни рукой ни ногой.

Но худшее осталось позади. Въ то время, какъ онъ лежалъ такъ, безъ силъ, теченіе швырнуло его льдину къ берегу, и онъ почувствовалъ, какъ она сѣла на мель и остановилась.

Поднявшись на ноги, онъ прыгнулъ въ воду, которая доходила ему до пояса, и въ бродъ добрался до берега. А тамъ прямымъ путемъ направился къ Везей сквозь мракъ и дождь.

IV.

Спасеніе.

Къ разсвѣту въ деревнѣ Везей не осталось ни одной живой души. Раненыхъ и мирное населеніе отправили въ тылъ, а войска заняли позиціи въ новыхъ траншеяхъ.

Какъ Найсбетъ ожидалъ и надѣялся, погода все еще была слишкомъ плоха, чтобы Шварцъ могъ произвести новую воздушную развѣдку.

Впрочемъ, Шварцъ и не думалъ, вѣроятно, чтобы въ этомъ была нужда.

Въ девять часовъ утра гаубицы заработали, и французы съ англичанами тихо посмѣивались, видя, какъ врагъ даромъ тратитъ свои гигантскіе снаряды, стоившіе десятки тысячъ, бомбардируя ими пустую деревню.

Но этимъ дѣло не кончилось. Рѣшивъ на основаніи отсутствія всякихъ признаковъ жизни, что ихъ стальной дождь сдѣлалъ свое дѣло, германцы навели понтонный мостъ черезъ рѣку и двинулись занимать деревню. Французы подождали, пока врагъ подошелъ достаточно близко, а затѣмъ открыли такой убійственный ружейный и пулеметный огонь, что густыя колонны были почти цѣликомъ скошены, а жалкіе остатки ихъ обратились въ бѣгство. Французы бросились за ними и погнали ихъ назадъ черезъ рѣку.

Стоя у окна, Сирли съ замирающимъ сердцемъ наблюдалъ бомбардировку. Темнота скрыла отъ него Найсбета въ прошлую ночь, и онъ совершенно не зналъ, удалась ли товарищу его рискованная переправа черезъ рѣку.

Но когда онъ увидѣлъ нѣмцевъ, бѣгущихъ въ безпорядкѣ по мосту и преслѣдуемыхъ по пятамъ французами, радостный крикъ вырвался изъ его груди.

Черезъ нѣкоторое время шумъ битвы раздался въ непосредственной близости отъ дома, и Сирли, не помня себя отъ возбужденія, хотѣлъ уже выскочить въ окно, чтобы тоже принять участіе въ схваткѣ, когда дверь неожиданно распахнулась.

Сирли быстро обернулся.

Въ дверяхъ стоялъ Шварцъ. Его темное лицо было искажено яростью, а желтые глаза сверкали, какъ у разозленной кошки.

— Стало-быть, вы наврали мнѣ?— сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.—Найсбетъ не утонулъ.

Онъ остановился, не въ силахъ говорить отъ бѣшенства.

— Лжецъ!—прохрипѣлъ онъ затѣмъ.— Вы поплатитесь теперь.

Съ этими словами онъ поднялъ револьверъ. Его указательный палецъ лежалъ уже на спускѣ курка, однако, онъ не сразу выстрѣлилъ. Можетъ-быть, ему хотѣлось увидѣть, какъ поблѣднѣетъ ненавистный англичанинъ.

Но эта задержка была его гибелью. Двѣ сильныя руки схватили его сзади и дернули къ себѣ.

Выстрѣлъ прогремѣлъ, но пуля попала въ потолокъ, и раньше даже, чѣмъ штукатурка перестала осыпаться, Шварцъ лежалъ на спинѣ безпомощный и обезоруженный.

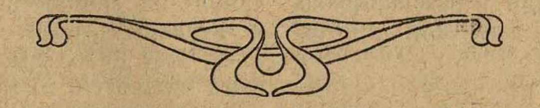
— Поздравляю, дружище! — сказалъ Сирли.

Найсбетъ, который все еще держалъ Шварца, придавивъ ему грудь колѣнкой, поднялъ голову.

— Спасибо, но скоро тебѣ придется опять поздравлять меня,—сказалъ онъ.

И въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ друга продолжалъ:

— Да, мы обвѣнчаемся, какъ только мнѣ дадутъ отпускъ на недѣльку.

Илья Бирчанинъ

Разсказъ изъ дней великой войны.

М. Первухина.

Они не были ни князьями ни богачами. Но это былъ старый и всѣми сербами чтимый, честный и крѣпкій, стойкій родъ.

Когда какой-нибудь парень хотѣлъ польстить своей возлюбленной, онъ говорилъ ей:

— Ты хороша какъ майская зорька! Ужъ не течетъ ли въ жилахъ твоихъ кровь рода Бирчаниновъ?

Когда красавица селянка хотѣла найти дорогу къ сердцу какого-нибудь парня, она говорила ему:

— Я знаю, ты силенъ, крѣпокъ и ловокъ, какъ горный соколъ! Вѣрно, хоть и по матери, но течетъ въ твоихъ жилахъ алая кровь рода Бирчаниновъ!

Много пѣсенъ было сложено о родѣ Бирчаниновъ. И во всѣхъ этихъ пѣсняхъ упоминалось о томъ, что каждому Бирчанину честь его дороже жизни, и что никогда ни одинъ изъ Бирчаниновъ не дѣлался ничьимъ слугою: жили и умирали вольными людьми.

Зачастую вспоминала народная пѣсня разныхъ Бирчаниновъ, жившихъ въ прошлые бурные дни, разсказывала пѣсня, какъ умеръ тотъ или другой Бирчанинъ.

Подступили турки, злые кровопійцы, къ «кулѣ» въ скалахъ Ниша. Жгутъ кругомъ все турки, злые кровопійцы, жгутъ, и грабятъ, рѣжутъ. Гдѣ нога ступила турка, — тамъ цвѣтокъ навѣки вянетъ, пепелъ кучами ложится. Десять дней стояли турки возлѣ «кулы» Бирчанина. Десять дней стрѣляли турки, цѣлясь въ кулу Бирчанина. Но летѣли пули мимо, и въ отвѣтъ на выстрѣлъ турокъ Бирчанинъ, запершись въ «кулѣ», посылалъ свои имъ пули. Грянетъ выстрѣлъ, дымъ взовьется,—и на землю врагъ валится. Бирчанинъ же громкимъ смѣхомъ, смѣхомъ мстительнымъ смѣется.

— Что? Довольны, други турки? Какъ вамъ нравятся гостинцы, что Миланъ вамъ приготовилъ, Бирчанинъ, юнакъ свободный?

Десять дней стояли турки возлѣ кулы Бирчанина. Сколько пуль они пустили, что народу потеряли?! А надъ кулой Бирчанина, какъ крыло свободной птицы, Бирчанина стягъ свободный, — шитый серебромъ и златомъ, синій флагъ родимый вьется.

Посылаетъ паша спесивый съ бѣлымъ флагомъ пару турокъ,—сговориться съ Бирчаниномъ, съ юнакомъ свободнымъ, гордымъ:

— Не противься! Сдайся туркамъ! Ты—храбрецъ, храбры мы тоже! Храбрыхъ чтить и мы умѣемъ! Сдайся! Жизнь твоя спасется. Будемъ чтить тебя какъ друга! Хочешь злата? Будетъ злато! Любишь женщинъ по - юнацки? Ну, одну изъ одалисокъ, дѣвъ прекраснѣйшихъ гарема повелителя халифа ты себѣ получишь въ жены! Хочешь чести? Только сдайся: самъ султанъ, халифъ всесильный, чинъ паши тебѣ даруетъ. Будешь жить въ палатахъ пышныхъ, на брегахъ Босфора мирныхъ. Въ шитомъ золотомъ мундирѣ, на конѣ арабскомъ кровномъ за коляскою султанской гарцевать въ Стамбулѣ будешь!

Бирчанинъ смѣется громко. Звонко, весело смѣется:

— Что соблазнъ великъ — конечно! Былъ Миланъ юнакомъ вольнымъ,— стань, Миланъ, рабомъ холопомъ! Былъ орломъ юнакъ свободнымъ, а теперь— иди-ка въ клѣтку! Въ шитомъ золотомъ мундирѣ, какъ холопъ въ своей ливреѣ, посреди другихъ холоповъ, пыль глотай коней султанскихъ! Нѣтъ! Наѣшьтесь, турки, грязи! Бирчанинъ вамъ не сдается! До послѣдней капли крови буду биться съ вами, турки!

Мѣтки пули Бирчанина: что ни выстрѣлъ—то убитый. И паша сѣдобородый, задыхаяся отъ злобы, шлетъ проклятья Бирчанину:

— Волкъ! Собака! Мулъ упрямый! Защищаться безполезно: все равно, придется сдаться! Знаемъ: нѣтъ воды ни капли. Въ кулѣ сухарей ни «ока»! Сдайся! Голодомъ заморимъ, и тогда— не жди пощады!

— Ждать себѣ отъ васъ пощады?! Ха-ха-ха! Паша мой милый! Знаю я, какъ вы «щадите» тѣхъ немногихъ малодушныхъ, что имѣютъ глупость вѣрить обѣщаньямъ вашимъ, турки! Нѣтъ воды? И такъ побуду! Хлѣба нѣтъ? Въ первой мнѣ, что ли, голодать воюя съ туркомъ?! Лишь бы пороху хватило, лишь бы пуль на васъ хватило!

И гремятъ у кулы ружья. Что ни выстрѣлъ—трупъ у турокъ. Мѣтки пули Бирчанина. И надъ кулой Бирчанина флагъ его свободный вьется. А паша сѣдобородый весь охваченъ злобой дикой, въ лихорадкѣ злой трясется и грозитъ:

— Распну я серба!

Дни летятъ. Все ближе турки, возлѣ кулы Бирчанина.—Не уйдешь, юнакъ! Сдавайся!—Нѣтъ, не сдамся вамъ, собаки!

На десятый день однако, смотрятъ турки, и не вѣрятъ! Бирчанинъ стоитъ надъ кулой, бѣлый флагъ по вѣтру вьется.

— Что? Сдаешься, сербъ проклятый?

— Да! Сдаюсь! Зарядовъ нѣту! Порохъ есть,—свинецъ же вышелъ! Драться дольше—безполезно. Жду отъ васъ себѣ пощады! Вы добры, вы благородны! Вы меня въ Стамбулъ пошлите: у султана быть холопомъ Бирчанинъ находитъ лестнымъ!

Ну, и бросилися турки на захватъ геройской кулы. Бирчанинъ идетъ навстрѣчу, разодѣтый, словно въ праздникъ. Улыбается спокойно.

— Гдѣ же знамя? Мы пошлемъ его къ султану, какъ трофей побѣды славной!—Знамя? Нѣтъ! Я сжегъ случайно!— Сабля гдѣ?—Сломалъ клинокъ я! Порохъ—есть! Свинца—ни капли больше! Порохъ вонъ. Лежитъ въ боченкѣ!—Гдѣ? Да вонъ же, турки! Посвѣтить вамъ, что ли, други?

И, смѣясь какъ въ свѣтлый праздникъ, на пиру друзей веселыхъ, Бирчанинъ свой факелъ сунулъ въ полный порохомъ боченокъ. Мигъ. Раздался грохотъ взрыва. Поднялася къ небу туча, полетѣли къ небу камни и тѣла убитыхъ взрывомъ.

Мѣтки пули Бирчанина: застрѣлилъ онъ турокъ много. Но его послѣдній выстрѣлъ обошелся имъ дороже: разметалъ онъ турокъ лагерь, повалилъ онъ тьму палатокъ. Самъ паша сѣдобородый былъ убитъ осколкомъ камня. Такъ покончилъ дни младые Бирчанинъ, юнакъ свободный! Смерть его—то смерть

героя! Честь ему. И честь и слава, слава роду Бирчаниновъ!»

Много, о, много пѣсенъ сложилъ сербскій народъ въ честь славнаго рода Бирчаниновъ. Вспоминаютъ эти пѣсни стараго Илью Бирчанина: сто лѣтъ тому назадъ первымъ поднялъ онъ знамя возстанія противъ турокъ, и какъ говорится въ популярной пѣснѣ,—вдосталь напился крови турецкой кривой ятаганъ Бирчанина, съ бою взятый имъ у какого-то турецкаго бея.... Гибли въ бояхъ съ турками юнаки,—на ихъ мѣсто мать земля сербская давала новыя поколѣнія Бирчаниновъ. Дрались Бирчанины съ турками въ 77 году. Дрались они съ смертельными врагами Сербіи въ дни первой балканской лиги, покуда не закружилась у болгаръ голова, покуда не пришлось драться съ болгарами...

Въ дни, когда вспыхнула страшная «великая война», — родъ Бирчаниновъ обиталъ возлѣ Вальева. И въ родѣ насчитывалось семеро мужчинъ, способныхъ носить оружіе,—и восьмой,— старикъ Миланъ. Пошелъ бы и онъ на войну, да восемьдесятъ три года—не шутка! И годы—куда еще ни шло! Крѣпкая алая кровь течетъ въ жилахъ каждаго Бирчанина! Иной Бирчанинъ и въ сто лѣтъ можетъ еще при случаѣ сражаться съ врагами Сербіи!

Но бѣда, если все тѣло твое, словно рѣшето: продырявлено это тѣло и пулями и штыками. И это еще куда ни шло бы: а, вотъ, плохо, когда безъ костыля и десяти шаговъ не сдѣлаешь, а на обѣихъ рукахъ всего семь пальцевъ, а три обрублены...

Но когда началась война съ австрійцами, старый Миланъ Бирчанинъ привелъ къ набиравшему солдатъ майору Томашичу всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ своего историческаго рода: отъ четырнадцатилѣтняго мальчика до шестидесятилѣтняго старика: двухъ сыновей, троихъ внуковъ молодцовъ, двухъ правнуковъ.

И отдавая, говорилъ:

— Горько мнѣ! Бирчанинъ я,—а на войну съ швабомъ не гожусь! Но вотъ эти за меня послужатъ! Ибо въ жилахъ ихъ та же кровь течетъ Бирчаниновъ, кровь юнаковъ!

— А какъ же съ хозяйствомъ будешь, старикъ?—освѣдомился Томашичъ, знавшій, что нѣтъ больше мужчинъ въ родѣ Бирчаниновъ.

— А женщины на что? — отвѣтилъ старикъ. — Справятся какъ-нибудь. А не справятся, пусть прахомъ идетъ хозяйство! Лишь бы Сербія шваба побила!

И вотъ, пошли на службу послѣдніе юнаки изъ рода стараго, изъ дома Бирчаниновъ, а въ домѣ остались однѣ женщины. Да и изъ тѣхъ темною ночью сбѣжали двѣ. Молоды были онѣ: Зорка и Еленка, сильны, гибки и смѣлы. У сосѣда украли ружье да старый турецкій револьверъ. Косы свои дѣвичьи обрѣзали. Въ мужскіе костюмы тайкомъ перерядились,—у братьевъ тряпье украли. И ушли ночью, запасшись краюхою хлѣба.

И когда спрашивали о нихъ сосѣди стараго Бирчанина,—блестѣли у того глаза, блуждала гордая улыбка на старческихъ устахъ, выпрямлялся старикъ:

— Внучки мои? Ну, что же! Хоть и дѣвки онѣ, — а вѣдь и въ ихъ жилахъ та же старая Бирчаниновская кровь бушуетъ! Вспомнили, должно-быть, прапрабабку свою, которая три года съ отрядомъ юнаковъ съ турчинами воевала въ старые годы! Ничего, пускай идутъ, дерутся! А косы дѣвичьи отрастутъ!

И вотъ началась великая и страшная война.

Сначала всѣ семеро Бирчаниновъ держались вмѣстѣ. Такъ и драться способнѣе. Но потомъ начала таять ихъ кучка: уложила пятидесятилѣтняго Стефана австрійская граната. Сорвался со скалы и до полусмерти разбился Георгій, второй сынъ стараго Бирчанина. Ушли съ отрядомъ «комитаджи» въ качествѣ развѣдчиковъ правнуки старика... Отослали власти на албанскую границу одного изъ оставшихся, а другой попалъ въ гарнизонъ, охранявшій Бѣлградъ. Остался въ задерживавшей австрійцевъ арміи молодой двадцатидвухлѣтній любимый внукъ стараго Бирчанина. Ильею звали молодого юнака, въ честь одного изъ славныхъ предковъ. Красавецъ собою, сильный, смѣлый богато одаренный. Хотѣли Бирчанины изъ

Ильи ученаго человѣка сдѣлать, посылали его въ гимназію, съ золотою медалью кончилъ онъ гимназію, и передъ войною собирался въ университетъ поступить, чтобы быть докторомъ, чтобы помогать бѣдному темному сельскому люду своими знаніями. Да не пришлось: на войну пошелъ...

И была у Ильи уже невѣста. Дѣвица красавица,—школьная учительница свѣтлоглазая. Больше жизни любилъ Милицу Илья. Но она сама сказала ему, когда о войнѣ заговорили,

— Иди! Буду ждать тебя! Вернешься— до могилы не разлучимся. Не вернешься, найду твою могилу, цвѣтами убирать буду, ни за кого другого замужъ не выйду! Въ жизни—твоя, и въ смерти твоя! Иди же, милый.!

И пошелъ на войну Илья Бирчанинъ.

А когда уходилъ онъ,—зазвалъ его къ себѣ въ каморку старый дѣдъ. Самъ сидѣлъ, а внукъ стоялъ: такъ и слѣдуетъ передъ старшимъ въ родѣ...

— Помни!—говоритъ старикъ внуку. Страшная война будетъ! Злобствуетъ швабъ на насъ, вольныхъ сербовъ, не со вчерашняго дня!

За то злобствуетъ, что загораживаемъ мы ему швабу, дорогу къ синему вольному морю, стѣною стоимъ. За то злобствуетъ, что не удается ему швабу, насъ, сербовъ, католиками подѣлать, римскому папѣ, вѣнскимъ панамъ подчинить. За то злобствуетъ, что не хотимъ мы, сербы, швабскими гайдуками быть, и врагамъ славянства служить.

Великія силы собралъ швабъ проклятый. Самъ бы ничего съ нами не подѣлалъ,—да за спиною у него тевтонъ стоитъ, человѣкъ лукавый и кровожадный, пожиратель славянства. Сила у нихъ несмѣтная. И круто намъ будетъ! Трудно будетъ отбиться. Потруднѣе, чѣмъ отъ турокъ еще... Но что подѣлаешь?! Бой, такъ бой! Пусть не говорятъ швабы, что Сербія добровольно ихъ рабынею стать пожелала!

Намъ, сербамъ, одно теперь: или побѣдить, или умереть!

Ну, вотъ,—иди и ты, борись, защищай родную святую землю. И... И если бы пришлось тебѣ возвращаться съ вѣстью о томъ, что не мы, а они, швабы—побѣдили... Нѣтъ, не возвращайся! Ты—Бирчанинъ, и я Бирчанинъ. Пораженія не пережить намъ!

И, вотъ, ушелъ молодой юнакъ, Илья Бирчанинъ, въ сербское войско.

Какъ человѣкъ, получившій образованіе, онъ легче простыхъ селянъ постигъ сложную солдатскую премудрость. Какъ истый Бирчанинъ, — былъ онъ словно природою предназначенъ для того, чтобы быть войникомъ. Всего черезъ двѣ или три недѣли замѣтило начальство способности Ильи Бирчанина, и изъ простыхъ рядовыхъ сталъ онъ старшимъ, получилъ капральскія нашивки.

— При первомъ случаѣ ты, Бирчанинъ, станешь офецеромъ!—говорилъ ему ротный командиръ.—Старайся только!

Дрался Илья Бирчанинъ съ австрійцами на Жадарѣ, дрался у Черанли Зера, когда приходилось сербамъ напрягать всѣ силы, отбивая первое нашествіе швабовъ. И вотъ пришла проклятая гнилая осень. Во второй разъ нахлынули швабы на измученную Сербію. Что дѣлать? Армія есть. Закаленная въ бояхъ, многократно получившая боевое крещеніе, вся охваченная энтузіазмомъ армія—она имѣется. Обвѣяны славою знамена. Зорки глаза, крѣпки руки. Но... но мало, охъ, мало снарядовъ!

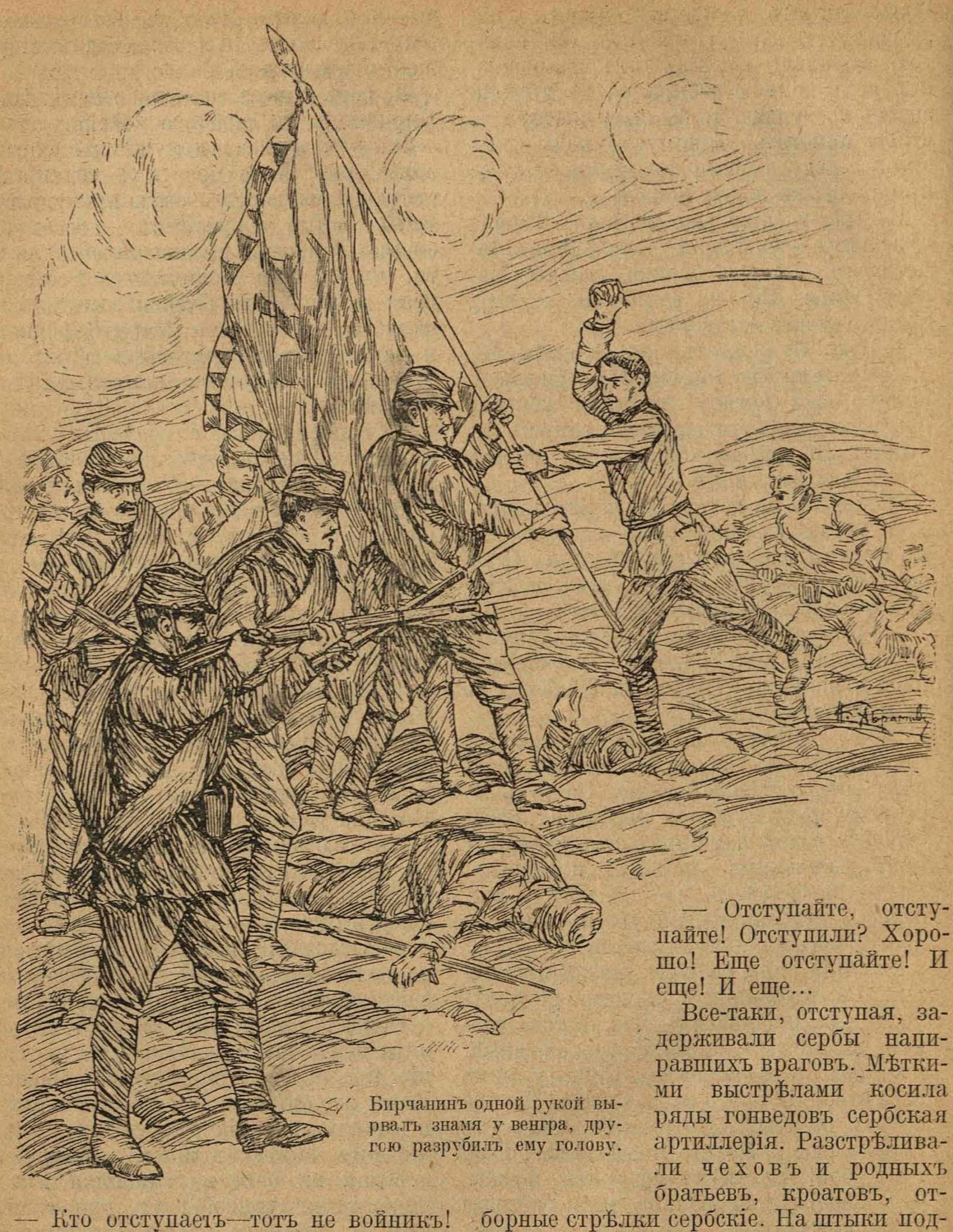
Приходится отступать. Изъ Крагуеваца, гдѣ лежитъ, прикованный къ ложу болѣзнью великій «воевода» генералиссимусъ Путникъ,—летятъ приказы:

— Отдавайте швабамъ свои позиціи, не ввязываясь въ бой. Только задерживайте швабовъ, и отходите, отходите.

Роптала армія: вѣдь столько каторжнаго труда было положено на укрѣпленіе позицій, на организацію защиты?! Какъ же отдавать эти политыя потомъ и кровью позиціи проклятому швабу, наглому звѣрю, хищному венгру, не вступая въ бой, не защищая каждой пяди земли родной?! Съ ума сошелъ, что ли, побывавъ въ плѣну у швабовъ старый Путникъ?! Опоили ли его швабы какимъ ядовитымъ зельемъ?!

— Отступайте, сербы!

Но вѣдь раньше тотъ же Путникъ и слова такого не зналъ! Тотъ же «воевода» училъ солдатъ:

Бирчанинъ одной рукой вырвалъ знамя у венгра, другою разрубилъ ему голову.

— Отступайте, отступайте! Отступили? Хорошо! Еще отступайте! И еще! И еще...

Все-таки, отступая, задерживали сербы напиравшихъ враговъ. Мѣткими выстрѣлами косила ряды гонведовъ сербская артиллерія. Разстрѣливали чеховъ и родныхъ братьевъ, кроатовъ, отборные стрѣлки сербскіе. На штыки поднимали зарвавшихся крикливыхъ, но храбрыхъ солдатъ тріэстинцевъ. Какъ-то отрѣзали сербы цѣлый полкъ тирольскихъ стрѣлковъ. Рыжіе плечистые, голубоглазые молодцы силачи, привыкшіе лазить по горнымъ кручамъ, пробираться на краю пропасти, нырять въ ледя-

— Кто отступаетъ—тотъ не войникъ! Кто свои позиціи покидаетъ,—тотъ не сербъ!

Что же случилось съ «воеводою»? Не болѣзнь ли злая затуманила сознаніе его? Не отъ старости ли ослабѣлъ его ясный умъ, разрушилась крѣпкая, желѣзная воля?

ной водѣ горныхъ потоковъ, плясать въ деревенскихъ трактирахъ, перекликаться съ холмовъ протяжнымъ крикомъ «іодля».

Отступать было приказано сербамъ. Не ввязываться въ бой. Не рисковать. Не жертвовать оставшимися еще въ небольшомъ количествѣ припасами. Главное,—не жертвовать припасами...

Ну, и нашли выходъ сербы: стали плестись ногами за ногу, не стрѣляя. Раззадорились тирольцы: легкую добычу увидали! Съ радостными криками ринулись сербы, нагонять стали. Все ближе, все ближе. Вотъ нагонятъ. Вотъ вотъ врѣжутся въ сербскіе ряды и сомнутъ сербовъ!

И вдругъ—тихое слово. Какъ одинъ человѣкъ остановился сербскій отрядъ, обернулся лицомъ къ лицу къ тирольцамъ. Ощетинились ряды штыками. Еще одно слово команды. Не крикъ, а ревъ какой-то. Какъ камень, вылетѣвшій изъ пращи, — ринулись сербы на тирольцевъ. Не стрѣляя, сшиблись. Только штыки мелькали. Только тяжелые приклады, какъ на гумнѣ цѣпы молотятъ снопы пшеницы спѣлой, — молотили упрямыя тирольскія головы. И черезъ полчаса бѣжали съ поля битвы немногіе уцѣлѣвшіе отъ бойни, обезумѣвшіе отъ страха тирольцы. А сербы? Уничтоживъ одинъ изъ лучшихъ австрійскихъ полковъ, они снова понуро уходили, потому что гналъ ихъ назадъ приказъ воеводы Путника. Гналъ ихъ съ одной позиціи на другую полный недостатокъ боевыхъ припасовъ. То гнало,—что вынуждена была молчать ихъ славная артиллерія...

И вотъ началось то страшное, что могло погубить Сербію: заколебалась армія. Заговорили объ измѣнѣ, о предательствѣ. Стали перешептываться, осмѣливаясь обвинять самого стараго воеводу, больного Путника... И короля... И союзниковъ, обнадеживших Сербію своею помощью и обманувшихъ ее, оставившихъ ея армію безъ снарядовъ въ самый критическій моментъ, когда потокомъ хлынули на Сербію проклятые швабы, алчные волки венгры!

Началось дезертирство, правда, только единичныхъ солдатъ. И въ числѣ ихъ— оказался измученный, извѣрившійся, растерявшійся подъ гнетомъ страшныхъ сомнѣній Илья Бирчанинъ. Ночью онъ отдалъ товарищу ружье и сумку съ послѣдними патронами, и мѣшокъ съ сухарями. Сбросилъ съ себя изорванный штыками тирольцевъ мундиръ, зашвырнулъ въ кусты солдатскую «капу», вырѣзалъ палку и нырнулъ во мглу, оставляя измученный полкъ, медленно отступавшій съ одной позиціи на другую.

Днемъ бѣглецъ отлеживался во рвахъ и въ кустахъ, прятался въ покинутыхъ избахъ. По ночамъ брелъ, избѣгая большихъ дорогъ, осторожно обходя поселки. И, вотъ, какъ-то разъ ночью онъ добрелъ до родныхъ мѣстъ, до села въ окрестностяхъ Вальева. Сюда еще не докатилась австрійская волна, но вѣсти объ отступленіи сербовъ опередили отступавшую армію, и, кто только могъ,тотъ уходилъ отсюда съ отчаяніемъ въ душѣ, съ проклятьемъ швабамъ на устахъ.

Въ одномъ только домѣ свѣтился огонекъ. И это былъ домъ рода Бирчаниновъ. Домъ, выстроенный на мѣстѣ того, который дважды былъ сожженъ турками, на землѣ, не одинъ разъ политой алою кровью Бирчаниновъ.

Заглянулъ въ окошко Илья,—увидѣлъ: сидитъ за столомъ старикъ дѣдъ. Свѣча горитъ. На столѣ—старая книга въ черномъ переплетѣ лежитъ: книга книгъ, Святое Евангеліе, старопечатное..

Но не читаетъ, не можетъ читать, старый Бирчанинъ. Смотритъ на крупныя кудрявымъ почеркомъ напечатанныя строчки,—а видитъ далекія поля, по которымъ бредутъ измученные сербскіе полки, а за ними—швабская наглая орда, торжествующая свою побѣду...

Робко постучалъ въ окно Илья. Вздрогнулъ его дѣдъ, съ трудомъ поднялся, ковыляя, пошелъ къ двери, отодвинулъ засовъ.

— Кто здѣсь? Покажись, если добрый человѣкъ! Уйди, если со злымъ сердцемъ пришелъ сюда!

Не смѣя взглянуть дѣду въ глаза, прокрался въ комнату бѣглецъ. Молча сѣлъ у порога на скамью. Старикъ снова

проковылялъ отъ двери къ столу, усѣлся, повернувшись лицомъ къ внуку. И вымолвилъ сухимъ голосомъ, сдвинувъ сѣдыя брови:

— Говори! Я судить тебя буду!

Долго говорилъ бѣглецъ, повѣствуя о пережитомъ, объ одолѣвавшихъ его сомнѣніяхъ, объ угнетенномъ настроеніи всей серской арміи, о томъ, что повидимому, дѣло проиграно, и Сербія осуждена на гибель. Австрія—слишкомъ сильна. Помощи ожидать неоткуда...

Тяжко вздохнулъ старый Бирчанинъ. Поднялъ глаза. Посмотрѣлъ сначала на висѣвшее на стѣнѣ распятіе, потомъ на внука.

— Ну, что же?! — вымолвилъ онъ сухо.—Такъ, все такъ! Но... но только—зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Къ роднымъ... домой...

— Къ какимъ роднымъ? Какъ это «домой»? Будь ты — Бирчанинъ, — ты не бѣжалъ бы отъ своего полка. Будь ты Бирчанинъ, — ты дрался бы до послѣдней капли крови. Патроновъ нѣтъ? Штыкъ есть! Прикладъ есть! Этого нѣту? Ну, такъ зубы есть! Нѣтъ, Бирчанинъ не ушелъ бы такъ, какъ ты ушелъ! Какъ... цыганъ! Какъ грекъ трусливый!

Помолчалъ немного,—потомъ еще вымолвилъ:

— Пожалуй,—если хочешь,—оставайся тутъ. Бабы дадутъ тебѣ женскую юбку и какую-нибудь кофту. Коровъ доить будешь. Навозъ вилами переворачивать, воду таскать. Работа найдется! А скоро сюда швабы доберутся, имъ прислуживать будешь! А я...

Голосъ старика дрогнулъ.

— А я поѣду,—итти вѣдь не могу!—разыщу полкъ твой, попрошу, чтобы меня твои товарищи изъ милости въ свою среду приняли! Драться не гожусь я, конечно! Но умереть сумѣю. Покажу молодежи, какъ настоящій Бирчанинъ умирать можетъ!

Илья съ хриплымъ крикомъ вскочилъ, схватился за голову.

— Ну, что?—презрительно освѣдомился старикъ, мѣряя его съ ногъ до головы взглядомъ.

— Дѣдъ!

— Я не дѣдъ бѣглецу и трусу!

— Я—Бирчанинъ, какъ и ты! Я... я докажу это! Я... я вернусь въ полкъ! Хотя меня и разстрѣляютъ за побѣгъ, но я вернусь.!

— Вернись! Разстрѣляютъ? Ну, что же?! По крайней мѣрѣ,—хоть этимъ послужишь примѣромъ другимъ малодушнымъ!

Дѣдъ отвернулся и склонился надъ Евангеліемъ. Черезъ минуту онъ поднялъ глаза, оглядѣлся. Комната была пуста. Шаги бѣглеца замерли вдали. И тогда старикъ, перекрестившись, сказалъ:

— Нѣтъ, кажется, онъ все-таки—Бирчанинъ!

Сербская армія все отступала и отступала. На одной изъ остановокъ полка, въ которомъ раньше служилъ Илья Бирчанинъ,—въ палатку вернулся Илья и сказалъ:

— Арестуйте меня. Я былъ въ бѣгахъ, теперь вернулся, чтобы умереть!

Да, по закону за побѣгъ въ военное время передъ лицомъ врага полагается смерть. Сѣдоусый полковникъ сердито подергалъ усъ свой.

— Гм! Вернулся умереть?! Не стоило возвращаться!

Но бѣглеца не разстрѣляли: ему дали возможность искупить грѣхъ свой, дали возможность умереть не у позорнаго столба, а въ бою. Только съ него сняли капральскія нашивки передъ полкомъ.

Армія отступала. Къ Вальеву, за Вальево.

Швабы наступали, подбирались къ Вальеву. Пришли. Пришли къ поселку, гдѣ стоялъ домъ рода Бирчаниновъ. Поселокъ былъ пустъ: кромѣ стариковъ и старухъ въ немъ никого не осталось. Домъ Бирчанина былъ самымъ большимъ. Къ нему подскакалъ передовой конный отрядъ австрійцевъ. Офицеръ съ револьверомъ въ рукахъ соскочилъ съ коня и сталъ стучаться въ тяжелую дверь. Вышелъ на стукъ шваба сѣдоволосый Бирчанинъ.

— Скажи, старикъ,—обратился къ нему офицеръ,—по какой дорогѣ ушелъ отсюда сербскій полкъ, стоявшій здѣсь вчерашній день?

Смѣрилъ старикъ шваба взглядомъ и улыбнулся.

— Пойди, поищи ту дорогу! — сказалъ онъ.—Если не трусишь, конечно!

— А, такъ ты вотъ какъ?—вспыхнулъ офицеръ.—Будешь ли ты говорить, сербская собака?

— Нѣтъ! Я — Бирчанинъ!

Офицеръ выстрѣлилъ, но промахнулся. Старый Бирчанинъ захлопнулъ дверь. Солдаты принялись стрѣлять въ эту дверь, потомъ взломали ее. Когда они ворвались въ домъ упрямаго серба, тотъ встрѣтилъ ихъ на порогѣ, прицѣливаясь въ нихъ изъ стараго кремневаго ружья. Выстрѣлилъ. Одного свалилъ. на него набросились. Его рубили и кололи. штыками.

Въ домѣ было нѣсколько старухъ, и нѣсколько дѣтей. Одна старуха вырвалась, побѣжала. Ординарецъ венгерскаго офицера погнался за нею, нагналъ, поднялъ на дыбы своего коня, и заставилъ коня топтать тѣло упавшей женщины. Другихъ пристрѣлили. Дѣтей перекололи, домъ разграбили, и потомъ подожгли. Подожгли,—и ушли. А трупы людей изъ стараго рода Бирчаниновъ остались подъ развалинами сгорѣвшаго дома.

Старый воевода Путникъ зналъ, что онъ дѣлалъ. Когда австрійская армія, упоенная своею мнимою побѣдою,— отдалилась отъ своей базы, когда въ ней началъ чувствоваться голодъ,—а сербская армія, наконецъ-то получила давно жданные припасы, Путникъ отдалъ приказъ:

— Теперь—впередъ! Видитъ Богъ,— еще не погибла Сербія! Гоните, дѣти, швабовъ! Бейте, дѣти, венгровъ!

И сербская армія, сжатая въ могучій кулакъ, какъ молотомъ ударила по разбросаннымъ здѣсь и тамъ австрійскимъ силамъ, и била ихъ, и истребляла, загоняя цѣлыя полки въ болотныя топи, вырѣзала корпуса въ схваткахъ грудь съ грудью, разстрѣливала дивизіи, застрявшія въ раскисшихъ отъ дождей дорогахъ.

Полкъ, въ которомъ служилъ разжалованный въ рядовые за побѣгъ Илья Бирчанинъ—шелъ впереди. И гдѣ онъ проходилъ,—тамъ оставался страшный кровавый слѣдъ,—потому что люди озвѣрѣли, и пощады швабамъ не давали. Мстили за замученныхъ плѣнныхъ, за оскорбленныхъ женщинъ, за сожженныя сербскія деревушки и разграбленные городки...

И когда полкъ ходилъ въ атаку на австрійцевъ,—впереди полка обыкновенно бѣжалъ Илья Бирчанинъ, стиснувъ зубы, сверкая глазами.

Въ одной изъ первыхъ же атакъ полкъ пошелъ въ штыки на австрійскую батарею полевыхъ орудій. Прозѣвали швабы: не успѣли во время увезти орудія! Опомнились только тогда, когда накатилась на нихъ сербская волна. Прислуга дралась храбро, — защищая пушки. Но ничто не могло удержать сербовъ. Молодой солдатъ съ красивымъ по-дѣвичьи и смуглымъ лицомъ первымъ добрался до батареи, и, какъ дьяволъ ловко увертываясь отъ сыпавшихся на него ударовъ, перекололъ нѣсколькихъ австрійскихъ канонировъ. За нимъ бѣжали его товарищи. И батарея оказалась въ сербскихъ рукахъ. И пушки, и зарядные ящики. Мигомъ повернули ее въ другую сторону, и смолкшія было пушки снова заговорили стальными глотками, осыпая отступавшихъ австрійцевъ австрійскими же гранатами.

Послѣ боя полковникъ передъ лицомъ всего полка сказалъ тому молодому солдату, который первымъ налетѣлъ на батарею.

— Бирчанинъ! Будь ты не разжалованнымъ въ рядовые,—я произвелъ бы тебя въ офицеры! Теперь тебѣ придется довольствоваться тѣмъ, что я дѣлаю тебя снова капраломъ!

Сербы по всему фронту перешли въ бурное наступленіе и гнали австрійцевъ, не давая имъ опомниться. Иной разъ имъ приходилось, налетѣвъ на большой австрійскій обозъ и перерубивъ обозныхъ, оставлять весь обозъ позади себя и итти впередъ. Стояли по дорогамъ австрійскія пушки, и возлѣ пушекъ валялись австрійскіе и сербскіе трупы. А сербы были уже впереди. Они гнали и гнали врага изъ родной страны.

Въ одномъ изъ сраженій полкъ Ильи Бирчанина наткнулся на жестокое сопротивленіе. Двумъ ротамъ было приказано сдѣлать обходъ и ударить на врага съ

фланга. Но австрійцы, отчаянно отстрѣливаясь, уложили всѣхъ офицеровъ. Командованье остатками двухъ ротъ перешло къ единственному уцѣлѣвшему капралу. Этимъ капраломъ былъ Илья Бирчанинъ. И онъ повелъ въ бой остатки ротъ, и онъ ударилъ во флангъ непріятелю и погналъ его съ крѣпкой позиціи, сметая швабовъ, какъ мусоръ, въ ложбину. А тамъ ихъ, швабовъ, принялись косить сербскія гранаты.

Послѣ этого полковой командиръ сказалъ Ильѣ:

— Капралъ Бирчанинъ! Я сдѣлалъ представленіе о томъ, чтобы тебя произвели въ подпоручики!

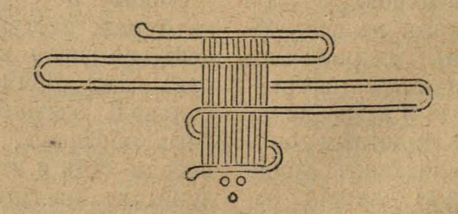
Еще нѣсколько дней спустя сильно растаявшему полку снова пришлось быть въ бою. Австрійцы крѣпко окопались. Позиціи ихъ пришлось штурмовать въ лобъ подъ губительнымъ огнемъ. Но сербы ворвались въ окопы. Завязалась рукопашная свалка изъ-за знамени. Рѣдѣли ряды защитниковъ знамени, но рѣдѣли и ряды сербовъ, добиравшихся до знамени. И, вотъ,—кучка сербскихъ солдатъ ринулась на австрійцевъ, сгрудившихся у знамени.

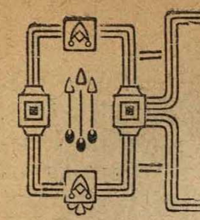
Въ этой кучкѣ былъ и Бирчанинъ. Покуда онъ добрался до непріятельскаго знаменосца,—его два раза ударили штыкомъ, и одинъ разъ непріятельская пуля пронизала его тѣло. Но онъ таки добрался! Онъ одною рукою вырвалъ у знаменосца-венгра знамя, другою разрубилъ венгру голову. И потомъ самъ упалъ, истекая кровью. И падая,—держалъ въ холодѣющей уже рукѣ знамя, отнятое у врага. Когда подоспѣли его товарищи, умирающій сказалъ имъ всего нѣсколько словъ:

— Кто переживетъ,—тотъ пусть отыщетъ домъ рода нашего. Бирчанинъ я... Пусть скажетъ дѣду,—к а к ъ я умеръ. Пусть не стыдится дѣдъ мой за меня. Я—Бирчанинъ.

Въ тотъ же день полкъ, гнавшій австрійцевъ, добрался до поселка, гдѣ стоялъ домъ рода Бирчаниновъ. Но домъ былъ въ развалинахъ. Подъ развалинами были только трупы.

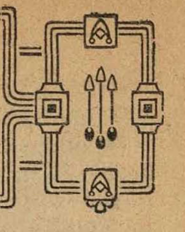
Впрочемъ,—не всѣ дѣти рода Бирчаниновъ погибли въ дни великой войны: хоть и калѣкою, но вернулся въ родное село Георгій. Можетъ, уцѣлѣетъ и вернется Милошъ, тотъ, который вмѣстѣ съ французскими артиллеристами защищалъ Бѣлградъ отъ швабовъ. А не вернутся эти,—такъ вернутся два подростка, ушедшіе съ отрядомъ «комитаджи». Старый сгорѣвшій домъ будетъ замѣненъ новымъ. Старый родъ воскреснетъ. Старый дубъ дастъ молодые побѣги. И о юнакахъ дома Бирчаниновъ снова и снова будетъ слагать свои пѣсни чтущій своихъ героевъ сербскій народъ...

Измѣна слоновъ.

Разсказъ *Макса Кольроя.*

— Гаспаръ Бришъ... Да, да я тебя узнаю! О такихъ мошенникахъ, какъ ты, всегда помнишь, а хорошихъ людей забываешь, честное слово... Ну, говори скорѣе, что тебѣ нужно? Я спѣшу.

Смущенный такимъ неласковымъ пріемомъ, Гаспаръ замялся.

— Mon colonel! Я хотѣлъ бы васъ просить... я хотѣлъ бы отправиться со всѣми...

И жестомъ онъ указалъ на собирающихся солдатъ.

— Тогда я служилъ въ вашей ротѣ, mon capitaine, теперь мнѣ хочется послужить въ вашемъ полку, mon colonel!

Онъ уже оправился, и просьба его звучала требованіемъ. Скрестивъ руки, полковникъ Марти смотрѣлъ на этого человѣка и своимъ опытнымъ взглядомъ видѣлъ на немъ всѣ признаки усталости отъ тяжелыхъ колоніальныхъ походовъ и отъ чрезмѣрнаго употребленія вина. И все-таки онъ находилъ въ немъ черты своего прежняго Гаспара, который могъ бы быть героемъ, если бы не былъ пьяницей. Подвиги всегда чередовались у Гаспара съ грубыми, дерзкими выходками, и тогда капитанъ Марти, выведенный изъ терпѣнія одной изъ такихъ выходокъ, долженъ былъ прогнать его со службы. Гаспаръ, вмѣсто того, чтобы уѣхать во Францію, продолжалъ жить въ Сіамѣ, никто не зналъ, чѣмъ и какъ, и велъ жизнь полную приключеній. Однажды, послѣ драки съ туземцами во время какого-то темнаго дѣла въ храмѣ Священныхъ Слоновъ, Гаспаръ долженъ былъ бѣжать на первомъ попавшемся пароходѣ. Онъ прибылъ въ Марсель и жилъ тамъ очень плохо, кое-какъ перебиваясь, но постоянно разсказывая о своихъ похожденіяхъ въ Индо-Китаѣ, объ охотахъ на слоновъ, погоняхъ за пиратами и т. д.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать?— проговорилъ, наконецъ, полковникъ съ суровой нѣжностью, такъ какъ мысленно перенесся за двадцать лѣтъ назадъ.— Что изъ тебя выйдетъ?

— Конечно, солдатъ!.. Могу быть переводчикомъ, такъ какъ говорю по-нѣмецки, по-китайски, по...

— Молчи, молчи, болтунъ! «Онъ тоже имѣетъ право умереть отъ пули»!..—пробормоталъ онъ про себя и громко добавилъ:—Ну, ступай! Но смотри мнѣ!..

Живые глаза бывшаго легіонера зажглись радостью:

— Не бойтесь, полковникъ. Я сдержусь. Честное слово Гаспара, я хочу *имъ* нанести ударъ, одинъ изъ моихъ прежнихъ ударовъ... хоть одинъ...

— Хорошо, хорошо! Ступай!

Кампанія началась. Кровавыя сраженія чередовались съ тяжелыми переходами; дни славы—съ днями испытаній. Среди всѣхъ своихъ занятій и дѣлъ, полковникъ искалъ его имя среди представленныхъ къ наградѣ, среди попавшихъ подъ наказаніе. Но напрасно: Гаспара нигдѣ не было—онъ слился съ массой. Это подъ конецъ начало раздражать полковника.

— А, — ворчалъ онъ, пробѣгая рапорты.—Мнѣ подмѣнили Гаспара! Спокоенъ и застѣнчивъ какъ барышня. И что это съ нимъ сдѣлалось? Ну, пусть убирается къ чорту!—выругался онъ, подписывая представленіе къ медали какого-то 17-лѣтняго мальчика, только что выпущеннаго изъ училища.

Дѣлая переходы за переходами, полкъ очутился, наконецъ, въ Аргоннахъ, въ траншеяхъ лѣса Грури. Не двигаясь ни взадъ ни впередъ, французы дѣлали тщетныя усилія передъ батареей большого калибра, которую нѣмцы великолѣпно установили у Фонтенъ-Мадамъ.

Какъ-то замкнувшись въ себѣ, Гаспаръ ничѣмъ не выдѣлялся отъ другихъ. Когда вызывали охотниковъ на какое-нибудь храброе дѣло, онъ было дѣлалъ движеніе впередъ, но сейчасъ же останавливался и ворчалъ про себя:

«Подожди еще, Гаспаръ, твой часъ еще не пробилъ».

Обязанности свои онъ исполнялъ хорошо. Сидя въ своей амбразурѣ, онъ спокойно убивалъ до пятнадцати нѣмцевъ въ день, а ночью, видя какъ кошка, онъ подстрѣливалъ безъ промаха всякаго, кто только пытался показываться у его траншеи. А когда они стояли на отдыхѣ, его призывали опрашивать нѣмецкихъ дезертировъ и плѣнныхъ.

Однажды, послѣ обѣда, къ Гаспару привели плѣннаго унтеръ-офицера, котораго поймали на деревѣ. Плѣнный оказался бывшимъ студентомъ Боннскаго университета, великолѣпно говорящимъ по-французски. Разозленный неудачей, нѣмецъ многорѣчиво выражалъ свое неудовольствіе. Тонъ его былъ грубый, нахальный и заносчивый, что такъ свойственно умнымъ нѣмцамъ, проникнутымъ сознаніемъ своей высшей культуры.

— Какъ бы вы ни старались, — гремѣлъ онъ,—мы все-таки будемъ побѣдителями. Нашъ методъ, наша дисциплина, которая подчинила себѣ все для достиженія цѣли, намѣченной нашей расой— людей, животныхъ...

— Свиней! Сосиски!..—прервалъ его какой-то шутникъ.

— Я говорю о высшихъ животныхъ, а не о тѣхъ, которыя служатъ для нашего питанія,—продолжалъ нѣмецъ докторальнымъ тономъ.—Напримѣръ, слоны! Мы употребляемъ ихъ для тяжелыхъ работъ. Здѣсь, за нашими траншеями, есть пятнадцать великолѣпныхъ экземпляровъ, пойманныхъ въ Индіи и выдресированныхъ нашимъ знаменитымъ Гагенбекомъ. Они протаскиваютъ по лѣсу, безъ дорогъ, стволы срубленныхъ деревьевъ и приносятъ тяжелые матеріалы для установки нашихъ батарей...

— А, у васъ есть слоны?—прервалъ его Гаспаръ какимъ-то страннымъ тономъ.

Онъ воспользовался своимъ положеніемъ переводчика, отвелъ нѣмца въ сторону и что-то долго и тихо съ нимъ бесѣдовалъ. Какое-то ликованіе было на лицѣ у бывшаго легіонера.

Все остальное время дня онъ бродилъ у опушки лѣса, собирая какія-то травы и растенія въ сумку. Потомъ вытащилъ изъ внутренняго кармана шинели какую-то лакированную коробочку, завернутую въ змѣиную кожу, осмотрѣлъ ея содержимое, опять тщательно завернулъ ее и спряталъ. Товарищи съ удивленіемъ смотрѣли на него. Еще видѣли они, какъ онъ передалъ какую-то записку мотоциклисту полковника, когда тотъ проѣзжалъ мимо. А къ вечеру Гаспара Бриша недоставало за ужиномъ. Онъ исчезъ.

* * *

При послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца полковникъ прочелъ бумажку, которую передалъ ему мотоциклистъ. Онъ выругался:

— Вотъ наконецъ Гаспаръ просыпается!—и перечиталъ еще разъ.

«Какъ только услышите крикъ слоновъ, атакуйте центръ, по направленію батареи у Фонтенъ-Мадамъ. Мы ихъ выбьемъ».

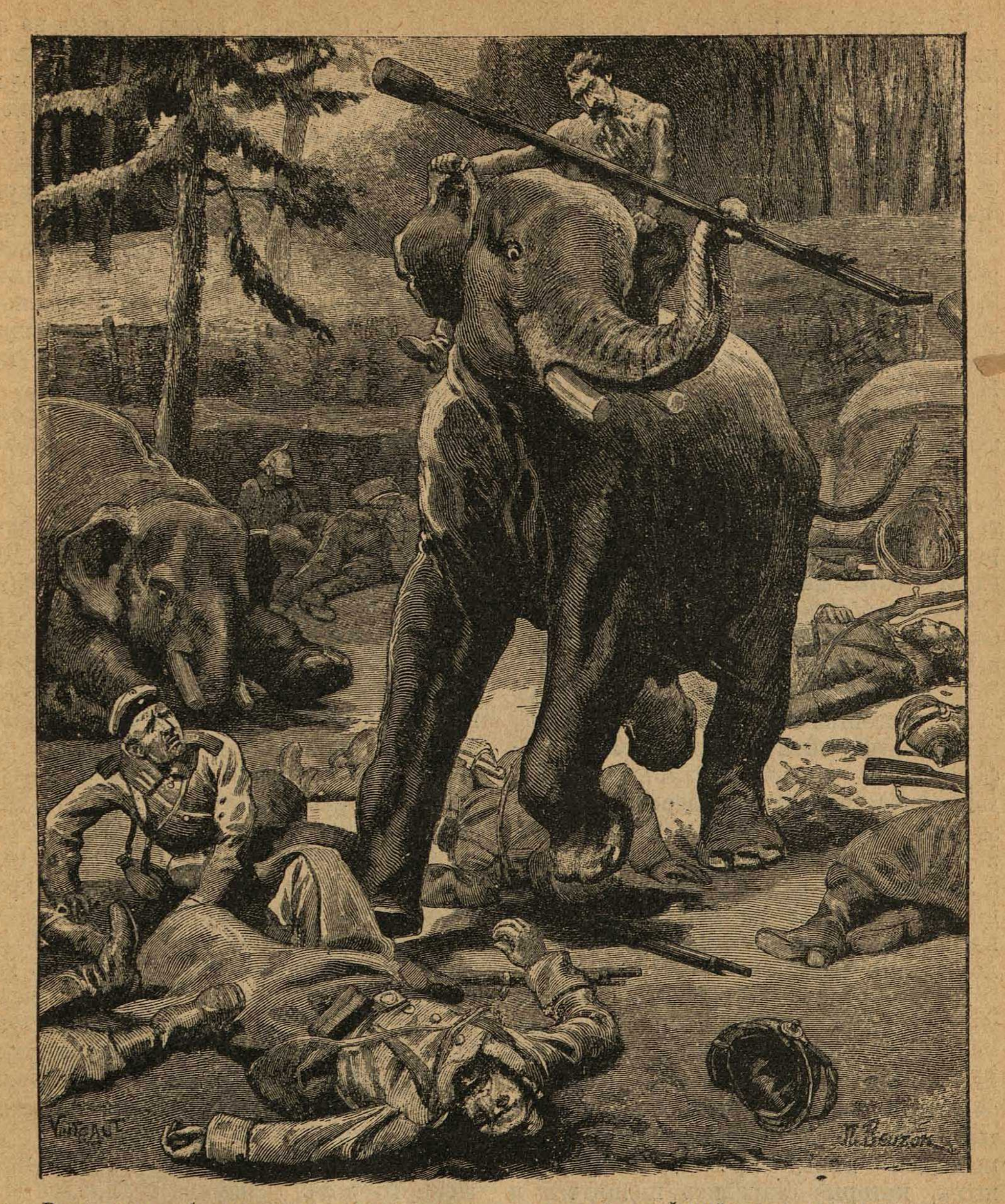
— Ихъ дьявольскую батарею! Выдумалъ тоже!—Онъ скомкалъ бумажку и пожалъ плечами.—Слоны!.. Вотъ шутъ гороховый!

Въ 9 часовъ вечера, въ моментъ, когда полковникъ садился ужинать, появился лейтенантъ съ донесеніемъ. Офицеръ прибылъ изъ передовыхъ окоповъ.

— Mon colonel!—донесъ онъ.—Довольно важный случай: Бришъ, бывшій легіонеръ, только что дезертировалъ къ противнику. Нѣсколько человѣкъ отчетливо видѣли, какъ онъ ползъ между позиціей нашей и германской и нѣсколько задержался, чтобы надѣть одежду убитаго нѣмца. Товарищи звали его, пустили ему нѣсколько пуль вдогонку, но онъ продолжалъ продвигаться впередъ къ нѣмецкимъ окопамъ. А днемъ онъ довольно долго разговаривалъ съ плѣннымъ нѣмецкимъ офицеромъ.

— Ахъ, лицемѣръ!—вскричалъ пораженный полковникъ, вскакивая съ мѣста. — Гаспаръ — предатель!.. Я не могу этого допустить. Но все-таки мы должны принять всѣ мѣры предосторожности. Приказъ: весь полкъ, всю ночь, имѣть винтовки заряженными! Всѣмъ занять мѣста на позиціяхъ.

Ночь прошла. Рано утромъ полковникъ, разсерженный, рѣшилъ отпустить людей на отдыхъ.

Размахивая хоботомъ, въ которомъ онъ держалъ тяжелый желѣзный рычагъ, слонъ молотилъ имъ несчастныхъ, какъ цѣпомъ.

— Ахъ разбойникъ,—ворчалъ онъ,— заставилъ же онъ меня провести ночку со своими слонами, нечего сказать!.. Дорого же онъ мнѣ за это заплатитъ, если вернется...

Но онъ не успѣлъ окончить своего размышленія: въ направленіи отъ Фонтенъ-Мадамъ раздался какой-то страшный, дикій шумъ. Среди выстрѣловъ и какихъ-то неопредѣленныхъ звуковъ полковникъ ясно различилъ крикъ, такъ хорошо ему знакомый: крикъ слоновъ!

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Между тѣмъ, это былъ дѣйствительно ужасный призывной крикъ, который испускаютъ слоны, когда охотники въ Камбоджѣ или Сіамѣ загоняютъ цѣлыя стада дикихъ слоновъ въ огороженное мѣсто.

Полковникъ когда-то участвовалъ въ такой охотѣ и хорошо помнилъ потрясающее впечатлѣніе, которое производилъ на него видъ разъяренныхъ животныхъ. Звѣри дико, яростно кричали, уничтожали и топтали все на своемъ пути. Полковникъ вздрогнулъ отъ этого воспоминанія.

— Полковникъ!.. Передъ нами нѣмцы покидаютъ свои окопы. Нельзя понять, что съ ними случилось: они бѣгутъ!—раздался около него голосъ офицера.

— Въ атаку! На батарею Фонтенъ-Мадамъ!—отвѣтилъ полковникъ.

Нѣмцы бѣжали какъ сумасшедшіе, не защищаясь. Французы гнали ихъ, преодолѣли четыре линіи загражденій и достигли, наконецъ, полянки, на которой расположилась знаменитая батарея Фонтенъ-Мадамъ. Здѣсь солдаты вдругъ остановились, какъ вкопанные. Остановилъ ихъ не врагъ—его здѣсь не было! Остановились они при видѣ страннаго и ужаснаго зрѣлища.

На полянѣ лежали груды нѣмецкихъ тѣлъ, растоптанныхъ, обезображенныхъ. Батарейный окопъ представлялъ безформенную массу развалинъ. Блиндажи были разрушены, деревянные козырьки изломаны. Всѣ 8 гаубицъ безпомощно лежали перевернутыми набокъ, а лафеты были разбиты. Зарядные ящики вывернуты, а на перерытой землѣ вперемѣшку съ обломками валялись человѣческія тѣла.

По этому полю страшнаго сраженія тамъ и сямъ возвышались огромныя туши убитыхъ слоновъ. Одинъ слонъ, упавъ на колѣни, испускалъ ужасный предсмертный крикъ. Другой, съ распоротымъ брюхомъ, съ глоткой, полной кровавой пѣны, преслѣдовалъ раненыхъ, которые старались подняться и бѣжать. Размахивая хоботомъ, въ которомъ онъ держалъ тяжелый, желѣзный рычагъ, слонъ молотилъ имъ несчастныхъ, какъ цѣпомъ.

Животное повиновалось вожаку, который сидѣлъ у него на шеѣ. Это былъ какой-то діаволъ, а не человѣкъ! Полуголый, покрытый кровью, онъ испускалъ пронзительные крики и терзалъ ухо разъяреннаго звѣря.

Вдругъ человѣкъ тяжело упалъ на землю. Это нарушило очарованіе. Солдаты опомнились и бросились впередъ. Двухъ залповъ было достаточно, чтобы покончить съ чудовищемъ. Люди бросились къ вожаку. Это оказался Гаспаръ Бришъ..

Онъ былъ тяжело раненъ. Много пуль засѣло у него въ тѣлѣ. Онъ былъ голый до пояса и весь обмазанъ какой-то зеленой мазью, которая издавала странный и сильный запахъ. Полковникъ Марти подбѣжалъ къ нему. Старый солдатъ пришелъ въ себя и улыбнулся своему командиру.

— Правда, полковникъ,—проговорилъ онъ,—правда, это былъ ловкій ударъ?! Теперь я могу умереть спокойно.

И онъ расказалъ все какъ было:

— Когда я услышалъ отъ плѣннаго про слоновъ, я задрожалъ отъ бѣшенства. Проклятые пруссаки! Воображаютъ, что они все знаютъ! Подождите же, нахалы, Гаспаръ покажетъ вамъ, какъ нужно управлять слонами! Вѣдь не даромъ же я прослужилъ пять лѣтъ при слонахъ Сіамскаго короля. Я тамъ изучилъ всѣ штуки, всѣ трюки въ обращеніи со слонами; всѣ секреты, которые бонзы старательно прячутъ отъ непосвященныхъ. Я знаю, какъ нужно съ ними говорить, какъ нужно ихъ похлопывать, какіе запахи имъ нравятся, какія настойки ихъ опьяняютъ. Нѣмецкіе слоны пойдутъ за мной, какъ собаки. Маленькое впрыскиваніе въ хоботъ сока, который хранился у меня въ коробочкѣ—и ихъ слоны прійдутъ въ неистовое бѣшенство. И на полянкѣ у Фонтенъ-Мадамъ, я вамъ представлю номерокъ цирка, о которомъ вы и не думаете въ вашемъ Гамбургѣ!

Я пробрался къ нимъ, нашелъ помѣщеніе слоновъ, безшумно отдѣлался отъ вожаковъ, и всѣ 15 слоновъ послѣдовали за мной, какъ куры за фермершей, которая несетъ имъ кормъ. А потомъ... Вы видѣли работу?.. Хорошо досталось нѣмцамъ, правда?.. Въ смятеніи, эти дикари стрѣляли другъ въ друга, желая попасть въ слоновъ. Тутъ-то пули попали и въ меня... Да, теперь я ухожу, но ухожу довольный...

Да здравствуетъ Франція!..

ВИРТУОЗЪ.

Разсказъ *Жоржа Лефора.*

Дѣло происходило въ Веврѣ. Весь день рота попусту толклась на мѣстѣ и все изъ-за проклятаго дома лѣсного сторожа, стоявшаго какъ разъ у опушки маленькой рощицы. По своему положенію домикъ господствовалъ надъ дорогой, проходящей между двумя склонами. Это давало нѣмцамъ большое преимущество. Они могли свободно передвигать свои орудія, тогда какъ наши сидѣли въ своихъ дырахъ какъ кроты, со страхомъ ежеминутно погибнуть.

Такъ не могло долго продолжаться. Ночью былъ полученъ приказъ на зарѣ овладѣть домикомъ. Пошли прямо, какъ всегда, въ штыки...

Нѣмцы были хорошо защищены, и ихъ проклятыя орудія осыпали насъ какъ градомъ. Но вѣдь капитанъ сказалъ, что домикъ нужно было взять во что бы то ни стало...

Домикъ отбили, заняли его... да, но какою цѣною!.. А на слѣдующій день въ официальномъ сообщеніи было сказано: «Вчера у Вевра было небольшое наступленіе».

«Небольшое наступленіе!..» Да, завладѣвъ домикомъ, мы выиграли 300 метровъ. Нѣмцы зарылись въ ста метрахъ отъ насъ, во второй линіи своихъ загражденій. Имъ не поздоровится, если они оттуда высунутся, такъ какъ теперь дорога въ нашихъ рукахъ. Тамъ стоятъ наши пушки, хорошо скрытыя и готовыя каждую минуту смести ихъ съ лица земли. Но вотъ исторія... чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше хочется... Всѣмъ захотѣлось поскорѣе отобрать эту вторую линію загражденій. Мишю, капралъ, слыхалъ, какъ лейтенантъ говорилъ сержанту.

— Чортъ побери! Трудно будетъ ихъ оттуда выставить!

А сержантъ ему отвѣтилъ:

— Если бы только можно было отнять у нихъ постъ, который ихъ защищаетъ тамъ, у опушки лѣса, за кучей хвороста, тогда можно было бы ихъ взять прямо хоть рукой.

И вотъ Мишю, отчаянный храбрецъ, составилъ цѣлый заговоръ, чтобы отобрать этотъ постъ сегодня же ночью. Онъ говорилъ объ этомъ вполголоса съ нѣсколькими товарищами, собравшимися въ первомъ этажѣ домика. Остальные спали на землѣ, завернувшись въ свои одѣяла, усталые, одурѣлые отъ десятичасового боя.

Вся рота спала спокойно, подъ прикрытіемъ своего поста, подъ защитой часовыхъ. Мишю шопотомъ отсчитывалъ себѣ охотниковъ.

Онъ возьметъ съ собой только шесть человѣкъ. Предпріятіе рискованное, да и капитанъ, поклонникъ дисциплины, не любитъ такихъ продѣлокъ. Но Мишю съ товарищами ничего не боятся. Ни наказаній ни шрапнелей. Если даже все окончится благополучно, имъ все равно придется еще сидѣть въ окопахъ дней восемь. Для нихъ это хуже всего. Ужъ сколько недѣль они такъ просидѣли. Нѣтъ! Нужно двигаться, а то отморозишь себѣ ноги или схватишь колики, что гораздо непріятнѣе, чѣмъ пули. Нужно попытаться забрать кучу хвороста, какъ только что забрали домикъ.

— А жалко покидать этотъ дворецъ,— хохочетъ кто-то.—Только что въѣхали, еще не успѣли вкусить всѣхъ «новѣйшихъ усовершенствованій» и уже уходимъ... что ты думаешь на этотъ счетъ, а? Виртуозъ?

Но Виртуоза била лихорадка: послѣ такого сраженія нервы его были натянуты какъ струны. Онъ сдерживался, от-

чаянными усиліями воли. Ему хотѣлось доказать своимъ товарищамъ, что тотъ, кто умѣетъ управлять смычкомъ, можетъ владѣть и штыкомъ. И онъ отвѣчалъ низкимъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Здѣсь сквознякъ!

Всѣ засмѣялись. Дѣйствительно, въ домикѣ ставни и двери были разбиты, пронизаны пулями и держались на мѣстахъ прямо чудомъ.

Но вотъ все затихло. Мишю и его сообщники, обсудивъ свой планъ дѣйствій и, рѣшивъ выйти на зарѣ, заснули, чтобы отдохнуть хоть немного. Только Анри Даваней, получившій первую медаль консерваторіи, не спалъ. Да и рѣдко удавалось ему уснуть съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ ряды 14 роты. Его хрупкій организмъ съ трудомъ переносилъ это состояніе вѣчнаго напряженія. И днемъ и ночью его мучила зависть, болѣзненная зависть.

Постоянно видѣть передъ собой товарищей, изъ которыхъ самый хилый является, въ сравненіи съ нимъ, какимъ-то геркулесомъ! Это приводило его въ ярость. Его оскорбляло, что никто его ни во что не ставилъ: если товарищи задумывали какое-нибудь дѣло—его не принимали въ число заговорщиковъ; если капитанъ вызывалъ охотниковъ—никто не называлъ его по имени. «Виртуозъ!» Если говорили о немъ, то всегда съ оттѣнкомъ презрѣнія. И дѣйствительно, чѣмъ можетъ онъ помочь въ этомъ дѣлѣ общаго, дружнаго натиска? У него узкія плечи, впалая грудь, руки ребенка и кулаки женщины.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ его капитанъ, когда онъ прибылъ съ остальнымъ резервомъ, пополнять порѣдѣвшіе ряды 14 роты.

— Я—виртуозъ!—не безъ гордости отвѣтилъ мальчикъ. Только въ прошломъ году онъ кончилъ курсъ консерваторіи съ золотой медалью. Увѣренность и легкость его игры, красота и оригинальность выполненія—выдвинули его среди музыкантовъ.

«Виртуозъ!» Это слово произвело впечатлѣніе. Многіе изъ товарищей услыхали его первый разъ въ жизни. И чувство удивленія у нихъ смѣшалось съ чувствомъ состраданія. «Виртуозъ!» Это что-то ломкое, хрупкое, даже драгоцѣнное. Это—роскошь, которую можно было себѣ позволить въ мирное время, но не простительная въ такой трагическій моментъ. Виртуозъ, казалось, покорился своей участи и съ философскимъ спокойствіемъ относился къ насмѣшкамъ... Но въ глубинѣ души у него все кипѣло отъ ярости и отчаянія, что онъ не можетъ доказать имъ всѣмъ на дѣлѣ, какое пламя патріотизма сжигаетъ его сердце.

Вотъ и теперь, нервный и вобужденный, Анри Даваней бродилъ взадъ и впередъ по домику. Сквозь окна и треснувшій потолокъ глядѣла луна. Все въ домикѣ перевернуто вверхъ дномъ. Разграблено, разорено. Мебель поломана; ящики комода выдвинуты, опустошены. Вотъ на стѣнѣ осталась вѣшалка, на ней виситъ нетронутое платье... Вотъ на углу разбитаго камина какимъ-то чудомъ уцѣлѣла дешевая бездѣлушка, купленная на ярмаркѣ въ сосѣдней деревушкѣ... Вдругъ онъ остановился въ изумленіи, боясь повѣрить своимъ глазамъ. Въ темномъ углу, внизу стѣнного шкапа, полузасыпанный всякими обломками, лежалъ футляръ для скрипки. Съ любопытствомъ онъ его поднялъ, открылъ, и крикъ радостнаго изумленія невольно вырвался изъ его груди: въ войлочномъ футлярѣ лежали скрипка и смычокъ!

Прикоснувшись къ натянутымъ струнамъ скрипки, пальцы артиста дрогнули. Казалось, съ этимъ прикосновеніемъ, неизвѣданнымъ уже столько недѣль, они забыли ужасные штыки и ружейные приклады. Сами собой машинально пальцы его задвигались, и тихо, тихо, какъ подъ сурдинку, скрипачъ заигралъ.

Онъ игралъ все, что ему приходило въ голову. Его смычокъ леталъ по струнамъ. Его душа погрузилась въ небытіе и улетѣла далеко, очень далеко отъ этого домика и отъ всего, что его теперь окружало. Онъ перенесся туда, въ ярко освѣщенныя залы, гдѣ онъ игралъ передъ восхищенной толпой, гдѣ его встрѣчали громомъ аплодисментовъ, гдѣ онъ покорялъ людей силой своей игры, гдѣ искусствомъ онъ побѣждалъ толпу... Забывшись совершенно, онъ сто-

Польское сердце дрогнуло подъ нѣмецкой шинелью при звукахъ родной пѣсни.

ялъ у открытаго окна, ставни котораго висѣли на сломанныхъ петляхъ, луна заливала его своимъ лучами, и вся его тонкая фигура представляла собою прекрасную мишень для непріятеля. Но думалъ ли онъ о смерти, которая его подстерегала? Увлеченный своимъ искусствомъ, онъ игралъ громко, вкладывая въ игру всю свою душу, всю свою силу. И торжественные звуки разносились далеко за стѣны маленькаго домика, и, конечно, достигли до нѣмецкихъ траншей. Совершенно для него безсознательно, атмосфера борьбы, въ которой онъ жилъ послѣдніе недѣли, такъ проникла въ его существо, что пальцы его сами по себѣ вдругъ перешли на звуки побѣды, увлеченья и тріумфа... Вдругъ, въ какомъ-то дикомъ порывѣ, онъ заигралъ военную пѣснь Сло-

винскаго, пѣснь, подъ бурные звуки которой поляки возстали въ 1830 году. Изъ-подъ смычка увлеченнаго артиста неслись вопли сражающихся, трубные звуки, бряцаніе оружій, радостные клики побѣдителей. Эти чудные звуки въ ночь ужаса и тоски, когда врагъ засѣлъ такъ близко, готовый броситься каждую минуту...

И вдругъ ночная тишина дрогнула отъ оглушительныхъ аплодисментовъ, дрожащихъ, звонкихъ, и криковъ какихъ-то чужихъ голосовъ:

— Камрадъ! Камрадъ!

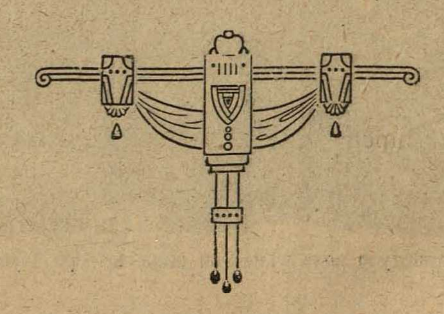
Французы вскочили въ одно мгновеніе ока и выбѣжали изъ домика съ оружіемъ въ рукахъ. Въ пятнадцати шагахъ стояла кучка людей, человѣкъ въ тридцать, по крайней мѣрѣ. На нихъ была нѣмецкая форма, руки были подняты кверху, оружіе брошено на землю—они сдавались! По загорѣлымъ, огрубѣлымъ лицамъ текли слезы...

Они прокрались изъ своихъ окоповъ, чтобы врасплохъ захватить защитниковъ маленькаго домика, безшумно убили часовыхъ и уже готовы были броситься впередъ, какъ вдругъ въ ночной тишинѣ раздались звуки военной пѣсни Словинскаго, и они застыли на мѣстѣ.

Торжествующая пѣсня пробудила въ ихъ душахъ воспоминаніе о родной землѣ. О родной землѣ, которую давятъ пруссаки сапогомъ своего владычества, о родной землѣ, которая страдаетъ и стонетъ, о родной землѣ, гдѣ умерли ихъ отцы, гдѣ родились ихъ дѣти... Польское сердце дрогнуло отъ восторга подъ нѣмецкой шинелью, и они рѣшили сдаться.

Мишю съ охотниками быстро пробрались впередъ, въ оставленный нѣмцами постъ и такимъ образомъ на зарѣ ротѣ удалось, безъ единаго выстрѣла, завладѣть второй линіей нѣмецкихъ укрѣпленій. А виртуозъ, со скрипкой въ рукѣ, представлялъ капитану своихъ плѣнныхъ и капитанъ при всѣхъ обнялъ и расцѣловалъ его.

На другой день въ офиціальномъ сообщеніи кратко говорилось: «У Евра, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, новое продвиженіе впередъ».

Старуха.

Разсказъ *Фреда Шорта.*

Около одиннадцати часовъ ночи, капралъ 3-го альпійскаго полка Буадю, вдругъ проснулся и вскочилъ въ постели. Пробиваясь сквозь шторы, слабый лучъ луны освѣщалъ комнату. Нагнувшись впередъ Буадю тихо позвалъ:

— Фрошъ! Фрошъ!

Какое-то глухое ворчанье послышалось ему въ отвѣтъ.

— Фрошъ, проснись, проснись же я тебѣ говорю, здѣсь что-то неладно,— повторялъ капралъ.

Жизнь въ траншеяхъ пріучаетъ людей къ такимъ внезапнымъ пробужденіямъ. Сейчасъ же Буадю услышалъ, что его товарищъ проснулся, приподнялся съ мѣста и прошепталъ:

— Ну, что случилось?

— Я еще не знаю, — отвѣтилъ капралъ,—послушаемъ!

Они прислушались. Подъ ними, въ первомъ этажѣ раздавались подозрительные звуки: бряцаніе оружія и грубые голоса, говорящіе на непонятномъ для нихъ языкѣ, но который они отлично узнали.

— Тысяча чертей! — проворчалъ Фрошъ, соскакивая съ постели.—Нѣмцы!

— Мы погибли!.... — пробормоталъ Буадю, уже на ногахъ, разыскивая свои вещи. И въ самомъ дѣлѣ, очутившись во второмъ этажѣ уединенной эльзасской фермы, стоящей въ самомъ началѣ деревни, оба солдата оказались какъ въ ловушкѣ. И какъ имъ выбраться теперь изъ этого положенія? Нужно было сохранять хладнокровіе и дѣйствовать совершенно безшумно.

— Во-первыхъ, — объяснялъ Буадю быстро и тихо одѣваясь—нужно понять, въ чемъ дѣло. Одно изъ двухъ: или нѣмцы явились сюда совершенно неожиданно, или старуха съ ними въ заговорѣ и тогда дѣло наше плохо.

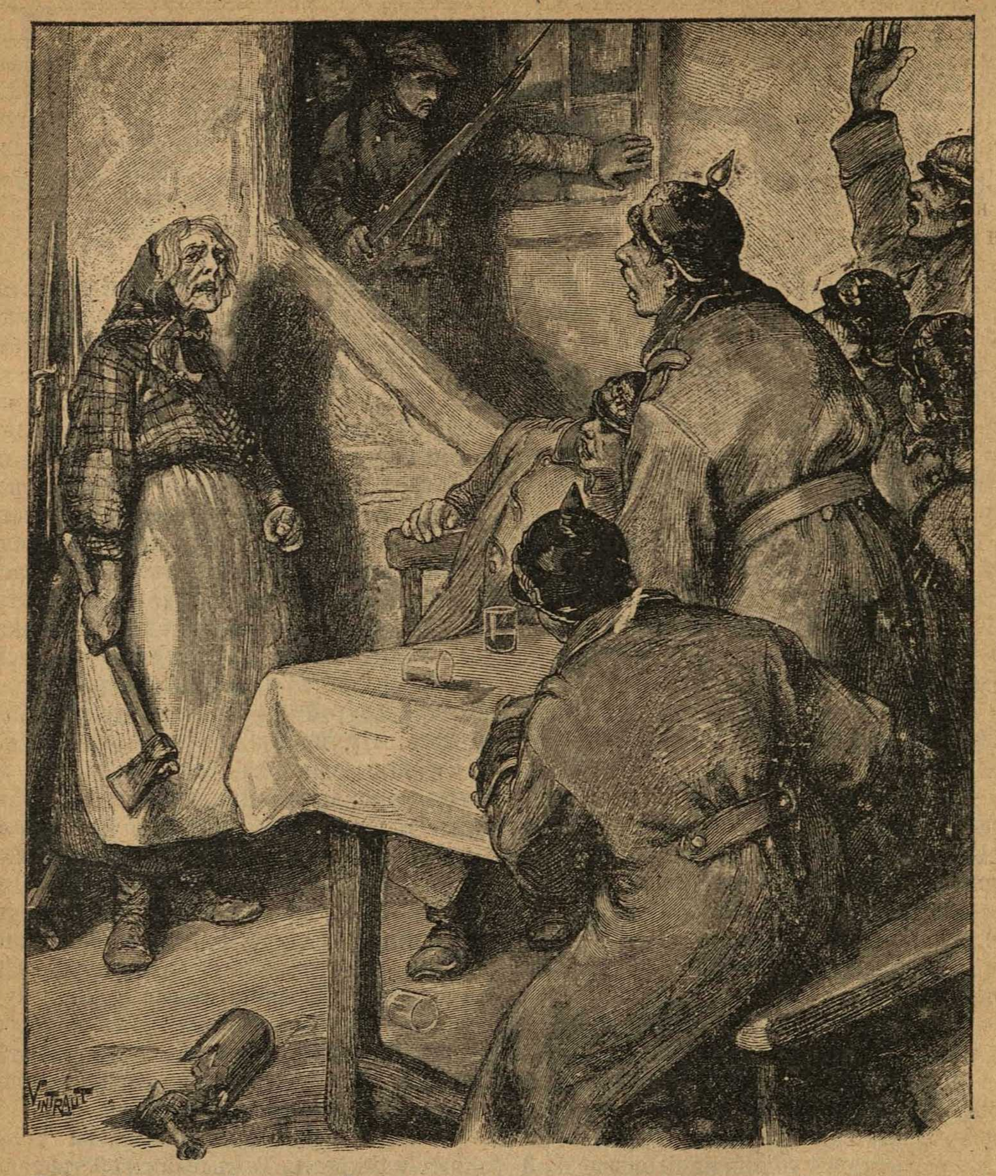
— А какія были хорошія постели! Вѣдь больше мѣсяца мы не спали такъ удобно,—вздыхалъ Фрошъ.—Это прямо насмѣшка какая-то!

— Молчи, молчи,—набросился на него Буадю. — Эти два часа теплой постели дорого намъ обойдутся. Лучше не болтай, а одѣвайся поскорѣе и тогда посмотримъ, какъ мы вывернемся изъ этого положенія—по-англійски. Онъ подошелъ къ окну, безшумно открылъ его и сейчасъ же опять захлопнулъ.—Нельзя и пытаться—здѣсь путь отрѣзанъ... Нѣтъ, дружище, приготовься къ жаркой схваткѣ. Это послужитъ намъ хорошимъ урокомъ. Другой разъ не будемъ нѣжничать. Ну, идемъ!

Фрошъ покорно послѣдовалъ за нимъ, проклиная про себя всѣхъ нѣмцевъ и несчастье, которое помѣшало имъ выспаться въ такихъ хорошихъ постеляхъ. Буадю открылъ дверь. Они вошли въ узкій коридорчикъ, осторожно прошли нѣсколько шаговъ и остановились у стеклянной двери. Отсюда спускалась лѣстница прямо въ большую комнату нижняго этажа. Ихъ не было видно, такъ какъ они стояли въ темнотѣ. Но со своего мѣста они могли хорошо видѣть все, что дѣлалось внизу.

Комната была ярко освѣщена горящимъ каминомъ. Тамъ были дѣйствительно, нѣмцы и старая фермерша съ ними. Она всѣмъ имъ пожимала руки, смѣялась и громко разговаривала, ни мало не заботясь о томъ, что наверху могли прекрасно ее слышать. И чего ей было стѣсняться, скажите пожалуйста? Развѣ она не знала, что французы или должны сдаться, или погибнуть?

— Проклятіе!—проворчалъ Буадю— насъ предали... А! У меня вѣдь было какое-то предчувствіе, когда эта старуха съ такой настойчивостью упрашивала

Лицо старухи преобразилось. Съ топоромъ въ рукахъ она загородила своей спиной ружья и крикнула:—Руки вверхъ!

насъ остаться ночевать у нея. Это ей хотѣлось насъ заманить къ себѣ. Моринъ и Дюбуа были тысячу разъ правы, что не пошли къ ней.

— Да развѣ можно было это предположить...—замѣтилъ Фрошъ.

— Нужно было!—оборвалъ его Буадю. Она слишкомъ настаивала, она слишкомъ была любезна! Достаточно было одной ея исторіи съ сыномъ артиллеристомъ, раненымъ якобы въ Аргоннахъ... Знаемъ мы эти исторіи!

— Ну ужъ, — прибавилъ Фрошъ,— будь увѣренъ—первая моя пуля будетъ для нея. Угощу же я ее!...

Но капралъ остановилъ его рукой. Прильнувъ къ стеклу, онъ считалъ враговъ. Ихъ было одиннадцать человѣкъ,

считая унтеръ-офицера. Одиннадцать—противъ двухъ. Это ужъ слишкомъ. Даже при отчаянной храбрости мало было шансовъ на успѣхъ.

Какъ только Фрошъ понялъ, что они попались на удочку, злость его прошла. У него было только одно дикое желаніе—поскорѣе раздѣлаться со старухой, которая ихъ такъ подло обманула. Одинъ видъ ея раздражалъ его.

— Пойдемъ, Буадю, пойдемъ!—торопилъ онъ.

— Подожди, — прошепталъ тотъ,—подожди! Лучше посмотримъ. Еще успѣемъ!

И въ самомъ дѣлѣ — нечего было спѣшить. Но нѣмцы, казалось, и не помышляли бросаться на нихъ. Одинъ за другимъ они усаживались вокругъ большого стола. Старуха покрыла его бѣлой скатертью и, улыбаясь, поставила на столъ стаканы и нѣсколько бутылокъ стараго рейнвейна, которымъ она еще вчера вечеромъ угощала двухъ французовъ. Увидя это, Фрошъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ.

— А, Буадю,—проскрежеталъ онъ,—я больше не могу... Пусть будетъ что будетъ! Пусти меня, я ее подстрѣлю!...

Но, къ удивленію Фроша, Буадю охладилъ его пылъ довольно сухимъ тономъ и, вполголоса, приказалъ ему оставить его въ покоѣ.

— Сиди смирно! А если тебѣ скучно, то лучше наблюдай...

Фрошъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Что наблюдать? Онъ наклонился и снова сталъ смотрѣть. И только теперь онъ замѣтилъ, что старуха, услуживая нѣмцамъ, какъ своимъ лучшимъ друзьямъ, въ то же время отбирала у нихъ винтовки и ставила ихъ въ уголъ комнаты. Взявъ послѣднюю винтовку, она вдругъ выпрямилась съ торжествующимъ видомъ.

Это не была уже больше сгорбленная, улыбающаяся, привѣтливая старуха. Лицо ея сразу преобразилось. Съ топоромъ въ рукахъ она стала спиной къ углу и загородила своимъ тѣломъ отнятыя у нѣмцевъ ружья.

Мгновенно Фрошъ все понялъ:

— Да вѣдь старуха за насъ!

Съ неподражаемымъ спокойствіемъ Буадю открылъ двери и захохоталъ:

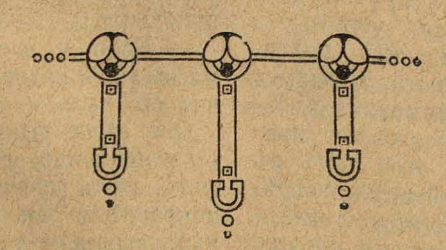
— А ты еще сомнѣвался, дружище?

У Фроша не хватило времени возражать. При шумѣ открываемой двери нѣмцы вскочили какъ одинъ человѣкъ, опрокидывая стаканы и бутылки. Но громовый голосъ, голосъ старухи, съ поднятымъ кверху топоромъ въ рукахъ—остановилъ ихъ на мѣстѣ.

— Руки вверхъ!

Испуганные, пораженные нѣмцы машинально повиновались.

— Ну, французы!—кричала женщина, увидя стрѣлковъ на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, съ винтовками на перевѣсъ.— Ну, французы, чего же вы ждете? Хватайте скорѣе!

Набѣгъ цеппелиновъ.

Разсказъ *Жоржа Лефора.*

Я познакомился съ Фернандомъ Мельвилль въ траншеяхъ, подъ Диксмюйдомъ. Общая опасность и общіе интересы сдѣлали изъ насъ двухъ неразлучныхъ друзей. Мы оба были ранены при одномъ и томъ же дѣлѣ, эвакуированы въ одинъ и тотъ же пунктъ, и оба высланы въ Парижъ на поправку.

Въ Парижѣ жила моя семья. Мать Фернанда, успѣвъ во-время бѣжать изъ Брюселя, пользовалась гостепріимствомъ своей сестры, которая уже давно поселилась въ Парижѣ. Фернандъ былъ бельгіецъ и принадлежалъ къ славной 9-ой ротѣ, которая отличилась такимъ геройствомъ во время короткой, но кровавой бельгійской компаніи.

Его рана зажила гораздо скорѣе моей, и черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ уже совершенно здоровъ и отправлялся на фронтъ, въ Калэ, гдѣ формировалась новая армія. На этотъ разъ онъ былъ принятъ въ другой полкъ. Мы съ матерью провожали его на вокзалъ и онъ сіялъ радостью въ своей блестящей новой формѣ.

Послѣ этого я уѣхалъ на нѣсколько недѣль изъ Парижа. На другой день послѣ моего возвращенія, утромъ, я шелъ по аллеѣ Елисейскихъ полей, залитой весеннимъ солнцемъ, и вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ мадамъ Мельвилль. Сперва я даже колебался признать мать Фернанда въ этой дамѣ въ глубокомъ траурѣ, идущей мнѣ навстрѣчу. Она—въ траурѣ? Но вѣдь тогда...

Я не хотѣлъ этому вѣрить, но она уже протянула мнѣ руку.

— Фернандъ? — горестно воскликнулъ я.

Она скорбно кивнула головой и прошептала:

— Онъ палъ на Изэрѣ, вотъ ужъ двѣ недѣли... палъ смертью храбрыхъ... представленъ къ наградѣ...

Она вдругъ остановилась и, оглянувшись, позвала:

— Розетта, Розетта! Иди сюда, не отставай, дитя мое.

Я зналъ, что Фернандъ былъ ея единственнымъ ребенкомъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что къ ней подбѣжала дѣвочка, лѣтъ десяти. Хорошенькое, блѣдное личико, обрамленное шелковистыми кудрями, понравилось мнѣ сразу. Меня немного поразилъ ея костюмъ. Черное платьице, наполовину покрытое фартучкомъ съ рукавами, ботинки съ кожаными шнурками и толстые чулки, какіе носятъ обыкновенно дѣти простого народа. Дѣвочка молча взяла за руку мадамъ Мельвилль и посмотрѣла на нее съ такимъ выраженіемъ, которое меня глубоко тронуло.

— Видите эту дѣвочку?—грустно улыбнулась мадамъ Мельвилль.—Теперь это моя дочь...

Потомъ она направилась къ скамейкѣ подъ каштанами, почки которыхъ уже распустились и сверкали на солнцѣ, и прибавила:

— Если у васъ есть свободное время, я вамъ разскажу, какъ все это случилось.

Она сѣла, вынула изъ мѣшочка письмо и медленно его развернула. Я замѣтилъ, какъ дрожали ея руки и какъ покраснѣли ея вѣки отъ сдерживаемыхъ слезъ.

— Иди, поиграй!—обратилась она къ дѣвочкѣ.

— О, нѣтъ! Позвольте мнѣ послушать!

— Но вѣдь ты это слышала уже много разъ.

Снарядъ съ грохотомъ упалъ на ту самую кушетку, гдѣ я только что спалъ.

— О, ничего! Позвольте еще разъ! Подумайте, вѣдь онъ тутъ говоритъ обо мнѣ,—умоляла дѣвочка.

Мадамъ Мельвилль смахнула украдкой слезу, которая противъ ея воли повисла на рѣсницѣ.

— Я получила это письмо черезъ три дня послѣ его отъѣзда. Я пошла къ вамъ, чтобы показать его вамъ, но васъ уже не было въ Парижѣ...

Раньше, чѣмъ начать читать, она съ любовью пробѣжала взглядомъ по тонкимъ сжатымъ строкамъ письма, а потомъ уже начала:

X.... 25-го февраля.

«Моя родная, пользуюсь нѣсколькими свободными минутами отдыха, чтобы написать тебѣ. Это письмо доставитъ тебѣ маленькая дѣвочка, которую постигло большое несчастье. Сегодня ночью погибла вся ея семья отъ бомбы, брошенной цеппелиномъ. Дѣвочка осталась одна на бѣломъ свѣтѣ. Обстоятель-

ства сдѣлали меня ея должникомъ. Я увѣренъ, дорогая, что ты ни на минуту не задумаешься отплатить ей мой долгъ. Мой возрастъ, мое служебное положеніе не позволяютъ мнѣ самому это сдѣлать. Конечно, ты должна знать, почему это я такъ, вдругъ предлагаю тебѣ сдѣлаться матерью маленькой Розетты.

Какъ я тебѣ уже писалъ, сегодня ночью нѣмцы произвели налетъ на нашъ городъ. Цеппелины сбросили очень много бомбъ. Причинены большія поврежденія. Много человѣческихъ жертвъ. Между прочимъ, разрушено зданіе «Національной гостиницы», гдѣ остановился я и многіе другіе офицеры моего полка. Нужно тебѣ сказать, что въ этотъ вечеръ наши офицеры устроили маленькій ужинъ въ честь моего пріѣзда. И, какъ всегда полагается въ такихъ случаяхъ, мы выпили изрядное количество шампанскаго. Я вернулся въ свою комнату съ веселымъ шумомъ въ головѣ. На другой день, рано утромъ, мнѣ нужно было ѣхать верхомъ по дѣламъ службы. Такъ какъ было уже поздно, я рѣшилъ не ложиться въ постель, а прямо, не раздѣваясь, бросился на диванъ и моментально заснулъ мертвымъ сномъ. И обо всемъ томъ, что потомъ случилось, я узналъ изъ разсказовъ другихъ. Кажется, въ полночь на улицахъ забили тревогу. Проснувшіеся испуганные жители бросились спасаться въ нижніе этажи своихъ домовъ, а многіе, болѣе предусмотрительные, забивались даже въ погреба. Съ сѣвера показалась эскадра цеппелиновъ. Всѣ обитатели «Національной гостиницы» выскочили изъ своихъ комнатъ и собрались въ нижнемъ этажѣ дома. Многіе вышли во дворъ и, кажется, больше съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ, смотрѣли на небо.

— А номеръ 34? — заволновалась вдругъ хозяйка гостиницы.—Вѣдь онъ до сихъ поръ еще не спустился!

Обитателемъ 34 номера былъ я.

Едва хозяйка произнесла эти слова, какъ раздался страшный взрывъ въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянія отъ гостиницы. Посыпались выбитыя стекла. Дымомъ заволокло всѣ сосѣдніе дома. Началась бомбардировка, страшная, ужасная бомбардировка, болѣе разрушительная, болѣе убійственная, чѣмъ когда бы то ни было. А я продолжалъ спать какимъ-то свинцовымъ сномъ.

Въ гостиницѣ всѣ болѣе или менѣе потеряли голову и ужъ, конечно, никто больше не вспоминалъ о номерѣ 34 и его обитателѣ.

Вдругъ я почувствовалъ, что меня кто-то сильно толкаетъ и чей-то голосъ кричитъ прямо въ ухо: «Господинъ лейтенантъ! Господинъ лейтенантъ!» Я сквозь сонъ увидѣлъ дѣвочку, которая трясла меня за плечо и старалась стянуть съ дивана. Съ трудомъ я узналъ въ ней Розетту, дочь хозяйки. «Убирайся!» кричалъ я. Но она продолжала меня трясти и тянуть до тѣхъ поръ, пока не стащила меня съ кушетки на полъ. Я вскочилъ, разозленный, увѣренный, что это глупая шутка...

— Цеппелины! Цеппелины!—съ отчаяніемъ кричала дѣвочка.

И въ тотъ же моментъ у насъ надъ головами раздался громовой ударъ, корый привелъ меня окончательно въ себя. Я хорошо зналъ, что это за громъ—слухъ мой уже привыкъ къ нему. Это снарядъ упалъ на нашъ домъ. Инстинктивно я оттолкнулъ дѣвочку къ противоположной стѣнѣ и всталъ передъ ней, чтобы защитить ее. Какъ будто бы въ такой моментъ моя защита могла ее спасти!..

Огромная масса пробила потолокъ и упала всей своей тяжестью на кушетку, на которой я только что спалъ, и съ ужасающимъ грохотомъ внѣшняя стѣна дома обрушилась сверху донизу.

Пораженные ужасомъ, мы съ дѣвочкой стояли съ широко раскрытыми глазами, боясь двинуться съ мѣста, чтобы не полетѣть въ эту пропасть, вдругъ открывшуюся передъ нами... А какой ужасъ творился тамъ внизу!..

Среди безформенной массы развалинъ валялись груды труповъ... Погибли всѣ, которые хотѣли спастись, спустившись въ нижній этажъ и во дворъ.

— Мама!—раздирающимъ душу голосомъ кричала Розетта.—Мама! Папа!.. О, Боже, Боже!..»

Мадамъ Мельвилль прервала чтеніе и молча передала мнѣ письмо. Я понялъ,

что она хотѣла избавить дѣвочку отъ трагическаго разсказа. Но Розетта, очевидно. хорошо знала содержаніе письма. Я видѣлъ, какъ она съ глубокой тоской слѣдила за выраженіемъ моего лица при чтеніи письма, и крупныя слезы струились по ея поблѣднѣвшему личику.

Мадамъ Мельвилль нѣжно прижала ее къ себѣ.

— Вотъ какимъ образомъ,—объяснила мнѣ она,—на другой день послѣ катастрофы эта дѣвочка позвонила у моихъ дверей и передала мнѣ это письмо. Могъ ли сомнѣваться Фернандъ въ томъ, что я приму ее какъ родную, ее, которая спасла жизнь моего сына.

Увы черезъ двѣ недѣли онъ погибъ въ дюнахъ Изэра: на этотъ разъ около него не было ангела-хранителя, чтобы спасти его.

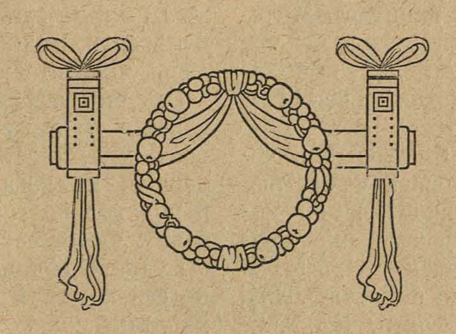
Я протянулъ ей руки, и мы долго молча сидѣли.

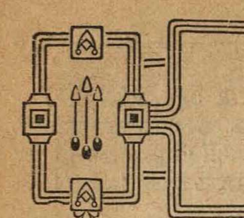
— Вотъ,—заключила она, цѣлуя Розетту въ лобъ,—теперь мы обѣ утѣшаемъ другъ друга и стараемся скрасить нашу жизнь, часто вспоминая тѣхъ, которыхъ больше нѣтъ на свѣтѣ.

Рука ея съ нѣжностью ласкала бѣлую кудрявую головку.

И замѣтивъ вдругъ разницу между своимъ строгимъ трауромъ и болѣе чѣмъ простой одеждой дѣвочки, она добавила:

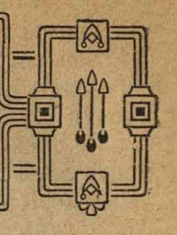
— Это Розетта упросила меня пока оставить на ней старое платье: ей кажется, что такъ она ближе къ своимъ роднымъ. И сказать ли вамъ? Мнѣ тоже пріятно видѣть это платье. Вѣдь такой видѣлъ ее въ послѣдній разъ Фернандъ, и мнѣ кажется, что въ этихъ складкахъ сохранился еще до сихъ поръ отблескъ его глазъ...

Отплатилъ.

Разсказъ *Фреда Шорта.*

Утромъ 13-го февраля 1915 года вахтенный англійскаго парохода «Норманди», шедшаго изъ Манчестера въ Ливерпуль, сигнализировалъ о появленіи подводной лодки.

Командиръ парохода Гарри Мельтонъ сейчасъ же бросился на капитанскій мостикъ, гдѣ находился уже его помощникъ, и сталъ всматриваться въ море. Лодка еще не совсѣмъ была видна. Только перископъ, показываясь изъ воды, выдалъ ея присутствіе опытному глазу часового. Но не много времени потребовалось, чтобы она показалась вся. Сперва появилась блиндированная рубка, потомъ верхній мостикъ, и не прошло и десяти минутъ, какъ капитанъ Мельтонъ и весь его экипажъ увидали, что это нѣмецкая подводная лодка, приблизительно 800 тоннъ водоизмѣщенія и почти 75 метровъ длины.

Капитанъ Мельтонъ былъ рыжій человѣкъ съ огромной нижней челюстью, характернымъ подбородкомъ и съ маленькими голубыми глазками, окруженными морщинистыми вѣками. Отъ этого казалось, что онъ всегда смѣется. Лѣтъ ему было около шестидесяти. Въ Манчестерѣ его хорошо знали и за нимъ сложилась репутація одного изъ самыхъ лучшихъ и умныхъ офицеровъ англійскаго торговаго флота.

Не боявшійся риска, чрезмѣрно храбрый и притомъ упрямый какъ чортъ, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало совершить свой рейсъ, когда другіе сидѣли въ портахъ и боялись выйти въ море. Ни убѣжденія друзей ни предостереженія объ опасности, ничто не могло его остановить. Что? Нѣмецкія подводныя лодки появляются и безъ зазрѣнія совѣсти пускаютъ ко дну торговыя суда? Прекрасно. Нужно только стараться избѣгать ихъ—вотъ и все! А потомъ такая встрѣча можетъ имѣть неожиданныя послѣдствія какъ для одной, такъ и для другой стороны. Мельтонъ безъ всякаго уваженія относился къ этому изобрѣтенію. Хрупкая машина, по его мнѣнію, могла попортиться отъ всякаго пустяка, онъ даже не скрывалъ, что ему очень хотѣлось бы встрѣтиться съ подводной лодкой на своемъ пути. Съ этимъ искреннимъ или притворнымъ желаніемъ онъ вышелъ въ открытое море, убѣдивъ предварительно всю команду, что ей не угрожаетъ никакая опасность.

Казалось, онъ былъ правъ. Путешествіе приближалось къ концу. Они были уже въ 18 миляхъ къ юго-западу отъ Ливерпульскаго маяка, когда вдругъ появилась непріятельская подводная лодка.

Старшій офицеръ уже ожидалъ приказанія пустить машину на всѣхъ парахъ для бѣгства, но Мельтонъ, наоборотъ, приказалъ остановить машину и поднять на гафель флагъ Великобританіи. Люди, не знавшіе Мельтона, были бы удивлены такимъ образомъ дѣйствій, но его команда была увѣрена, что ихъ капитанъ знаетъ, какъ поступать, и всѣ бросились исполнять его приказанія.

Черезъ десять минутъ нѣмцы были уже на палубѣ «Норманди», и сэръ Мельтонъ выслушивалъ приказъ молодого надменнаго офицера, явиться на бортъ подводной лодки со всѣми судовыми бумагами. Въ отвѣтъ старикъ важно поклонился, отдалъ приказаніе своему экипажу соблюдать полное спокойствіе и спустился въ свою каюту. Когда онъ вернулся, неся подъ мышкой деревянный ящичекъ со всѣми требуемыми документами, на палубѣ все было спокойно, никто не двинулся съ мѣста. По командѣ второго офицера была спущена шлюпка, и капитанъ съ двумя матросами

Капитанъ Мельтонъ явился на непріятельскую лодку съ ящичкомъ, въ которомъ хранились судовыя бумаги.

отплылъ къ нѣмецкой подводной лодкѣ. На узкой платформѣ, служащей на поверхности капитанскимъ мостикомъ, стоялъ командиръ подводной лодки, высокій, сухой офицеръ, съ моноклемъ въ глазу, и наблюдалъ за ними не безъ ироніи. Однако, когда сэръ Мельтонъ взошелъ на бортъ, онъ вѣжливо ему поклонился. Старый англійскій морякъ отвѣтилъ на поклонъ, и они оба спустились въ глубь подводной лодки.

Когда капитанъ «Норманди» вышелъ на свѣтъ Божій, онъ былъ весь красный, разстроенный и казался глубоко взволнованнымъ. Его бумаги были всѣ просмотрѣны и онъ получилъ приказъ: черезъ десять минутъ покинуть корабль со всѣми людьми. По прошествіи этого

срока «Норманди» будетъ пущенъ ко дну. Противъ силы ничего нельзя было подѣлать. Всякое сопротивленіе было бы безполезнымъ. И какъ ни былъ храбръ капитанъ Мельтонъ, онъ долженъ былъ повиноваться изъ страха напрасно погубить весь свой экипажъ.

Съ лихорадочной быстротой были спущены лодки, и люди заняли свои мѣста. Они сильно гребли, какъ бы спасаясь бѣгствомъ. Имъ хотѣлось уйти подальше, чтобы не присутствовать при гибели своего бѣднаго корабля. Внезапно капитанъ Мельтонъ скомандовалъ лечь въ дрейфъ на мѣстѣ. Приказаніе было дано такимъ тономъ, что люди не осмѣлились ослушаться, несмотря на все желаніе уйти какъ можно дальше.

Все его смущеніе исчезло. Старый морякъ весь преобразился. Казалось, въ нѣсколько минутъ къ нему вернулось все его обычное спокойствіе, все его обычное хладнокровіе. Безъ сомнѣнія, ему хотѣлось посмотрѣть, что будетъ дальше. Послѣ ихъ отхода подводная лодка довольно быстро удалилась отъ корабля на разстояніе около 200 метровъ. Она осторожно маневрировала такъ, чтобы ея носъ пришелся съ правой стороны «Норманди», чтобы поразить его въ самое живое мѣсто.

Люди въ лодкахъ съ тяжелымъ сердцемъ слѣдили за всѣми этими приготовленіями. И вдругъ у всѣхъ вырвался подавленный крикъ.

Подводная лодка пустила мину. Они видѣли, какъ мина скользнула по волнамъ и достигла цѣли. «Норманди» повалился набокъ, но не тонулъ. Онъ былъ раненъ, но не смертельно. Непріятель намѣревался возобновить свой маневръ. Вторая мина должна была сразить судно окончательно.

Англійскіе матросы дрожали отъ безсильнаго бѣшенства.

— Каторжники! Убійцы! Пираты!— раздавались негодующіе крики.

И правда, было отъ чего прійти въ ярость даже самому спокойному человѣку. Одинъ капитанъ Мельтонъ оставался спокойнымъ. Повелительнымъ жестомъ онъ остановилъ всѣ крики, вынулъ часы и сталъ громко считать, слѣдя за движеніями минутной стрѣлки.

— Двадцать пять... двадцать шесть... двадцать семь... двадцать восемь...

Онъ не успѣлъ сосчитать до тридцати, какъ огромный столбъ пламени поднялся вверхъ, вырвавшись изъ-подъ наблюдательнаго мостика субмарины; страшный взрывъ потрясъ воздухъ, и туча чернаго дыма покрыла море. Когда дымъ разсѣялся—не видно было больше нѣмецкой подводной лодки. На томъ мѣстѣ было только большое пятно масла да тамъ и сямъ плавали обломки. А немного дальше качался предоставленный на волю волнъ раненый «Норманди». Капитанъ Мельтонъ спокойно спряталъ часы. Глаза его продолжали смѣяться.

—Ребята!—сказалъ онъ.—Кажется, мы можемъ вернуться на бортъ «Норманди». Гребите дружнѣе, такъ какъ здѣсь довольно прохладно!

И, повернувшись къ старшему офицеру, онъ продолжалъ скучающимъ тономъ:

— Видите, Максуэль, какія вещи происходятъ на свѣтѣ. Эти дикари такъ смутили меня своими угрозами, что я забылъ у нихъ внизу ящичекъ, въ которомъ я постоянно держу документы. Самъ ящичекъ ничего особеннаго изъ себя не представляетъ, но въ немъ была вещица, которой я очень дорожилъ: подарокъ моего стараго друга инженера Робертса. Маленькая цилиндрическая машинка. Наполовину мѣдная, наполовину стальная, а внутри прекрасный механизмъ съ часовой стрѣлкой, которую можно поставить на любую минуту, когда вы желаете ею воспользоваться. Ахъ, прекрасная машинка! Я ею очень, очень дорожилъ! Нужно будетъ попросить Робертса приготовить мнѣ другую для нашего слѣдующаго путешествія, неправда ли, Максуэль?

— Конечно,—отвѣтилъ старшій штурманъ съ полнымъ равнодушіемъ,—такія вещицы всегда пригодятся.

— И даже очень,—подтвердилъ капитанъ, энергично потирая рукой подбородокъ и смѣясь своими веселыми глазами.— И потомъ, видите ли, эта вещица занимаетъ такъ мало мѣста!

Какъ собака спасла мостъ.

Эпизодъ изъ боевой жизни на бельгійскомъ фронтѣ.

Ч. Робертса.

Сонно протекалъ каналъ между зелеными берегами съ двумя рядами ровно подстриженныхъ тополей. Когда-то по каналу сновали суда, все было полно жизни и кипучей дѣятельности, теперь кругомъ было пусто. Только ласточки да стрекозы летали надъ водой.

На зеленыхъ лугахъ у канала паслись тучныя коровы. Онѣ лежали на травѣ и лѣниво пережевывали жвачку. Все дышало миромъ и спокойствіемъ. Коровамъ, вѣроятно, казалось, что имъ ничто не угрожаетъ. Правда, на горизонтѣ, на западѣ и юго-западѣ, стояли темныя колонны дыма, ясно вырисовавшіяся на чистомъ голубомъ небѣ. Но это явленіе, хотя и необычное, не вызывало у нихъ ни малѣйшаго любопытства.

Лѣтній воздухъ былъ полонъ какого-то страннаго шума. Что-то гремѣло, шумѣло и тяжело падало на землю. Отъ времени до времени воздухъ наполнялся трескомъ и гуломъ разрывавшихся снарядовъ, и дрожала земля. Но все это происходило такъ далеко, что коровы не обращали на это никакого вниманія. Ничто поблизости не нарушало покоя луговъ; доили ихъ во всякомъ случаѣ во-время.

Въ военномъ отношеніи старый лѣнивый каналъ не игралъ большой роли. Фермеры продолжали работать на фермахъ, казались только болѣе тихими и молчаливыми. Точно боялись привлечь на себя вниманіе неумолимой судьбы.

По зеленому лугу шелъ небольшой отрядъ бельгійской пѣхоты съ пулеметомъ. Небольшое смертоносное орудіе было поставлено на двухколесную телѣжку, запряженную двумя сильными пестрыми собаками неизвѣстной породы.

Обыкновенно, собаки, которыхъ бельгійцы употребляютъ для упряжи, бываютъ крупнѣе, но и эта пара выглядѣла сильной и крѣпкой.

Онѣ обѣ тянули телѣжку, увязая лапами въ пескѣ, и очень спѣшили. Ихъ мокрые красные языки висѣли изъ открытой пасти. Видъ у нихъ былъ озабоченный, онѣ изо всѣхъ силъ старались не отстать отъ товарищей, быстро маршировавшихъ впереди. Маленькій отрядъ держался около самыхъ деревьевъ, чтобы не привлечь на себя вниманія аэроплановъ. Какъ разъ въ это время на востокѣ показался нѣмецкій «таубе», но онъ былъ такъ далеко, что молодой лейтенантъ, командовавшій отрядомъ, посмотрѣвъ на него внимательно въ полевой бинокль, рѣшилъ, что съ такой высоты ихъ маленькая группа не могла быть замѣтна.

Германскій летчикъ сбрасывалъ свои бомбы на бельгійскія траншеи, откуда въ него палила пѣхота.

Но вдругъ аэропланъ сдѣлалъ крутой поворотъ и началъ быстро увеличиваться. Тогда маленькій бельгійскій отрядъ легъ на землю, спрятавшись вмѣстѣ съ пулеметомъ за плотину. Потомъ аэропланъ полетѣлъ опять назадъ по направленію къ главной линіи войскъ. Увидя это въ свой бинокль, лейтенантъ поднялся со вздохомъ облегченія и отдалъ приказъ отправляться дальше.

Двѣ минуты спустя около аэроплана показались одинъ за другимъ нѣсколько клубочковъ дыма, издали казавшихся такими же безопасными, какъ клочки ваты. Одинъ изъ нихъ очутился у самаго носа аэроплана. Въ слѣдующую минуту стальная птица метнулась внизъ, выровнялась на мгновеніе, потомъ снова нырнула и какъ камень упала на землю.

— Благодарю Тебя, Господи!—прошепталъ лейтенантъ, а лица всѣхъ солдатъ засіяли радостью.

Три минуты спустя отрядъ подошелъ къ старому каменному мосту и тамъ остановился. Солдаты сейчасъ же принялись окапываться, гдѣ кто могъ, чтобы обезопасить себя отъ нападенія съ противоположной стороны. Маленькое орудіе, снятое съ телѣжки, было искусно спрятано на берегу въ камышахъ. Обѣ собаки легли въ упряжи за густымъ кустомъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь отрядъ былъ такъ хорошо спрятанъ, что съ другой стороны канала невозможно было и подозрѣвать о его присутствіи.

Старый заброшенный мостъ вдругъ пріобрѣлъ важное значеніе. Черезъ него должны были пройти подкрѣпленія, которыя посылались на выручку отступавшему бельгійскому корпусу. Маленькій отрядъ долженъ былъ во что бы то ни стало уберечь этотъ мостъ отъ нѣмецкихъ уланъ, которые пытались взорвать его. На войнѣ существуетъ правило взрывать всѣ мосты, которые считаются непригодными для собственныхъ цѣлей. Достаточно одной изъ воюющихъ сторонъ узнать, что другая охраняетъ какой-нибудь мостъ, чтобы сейчасъ же принять всѣ мѣры и во что бы то ни стало взорвать его.

Пушечные выстрѣлы слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ, но спрятавшіеся стрѣлки такъ привыкли къ нимъ, что перестали даже обращать на нихъ вниманіе. Слабые, но неожиданные звуки поблизости, какъ мычаніе коровъ, крикъ пѣтуха на фермѣ или блеяніе овецъ слышались имъ гораздо яснѣе.

Уже цѣлый часъ маленькій отрядъ лежалъ окопавшись у моста, когда вдругъ къ огромнымъ чернымъ колоннамъ дыма на горизонтѣ стали примѣшиваться небольшіе бѣлые клубы, какъ будто изъ ваты, и смѣшанный гулъ удвоился въ силѣ. Сраженіе приближалось и занимало теперь обширный горизонтъ. Показался другой аэропланъ. Молодой лейтенантъ озабоченно приложилъ свой бинокль къ глазамъ и слѣдилъ за страшной птицей. Къ ужасу своему, онъ увидѣлъ, что она летѣла по направленію къ нимъ. Очевидно, нѣмцамъ стало извѣстно существованіе этого ненужнаго имъ моста, и они рѣшили уничтожить его. Аэропланъ летѣлъ, чтобы развѣдать, какая сила охраняла его.

Онъ летѣлъ на высотѣ пятисотъ метровъ прямо надъ ними. Скрываться было безполезно, и лейтенантъ приказалъ открыть огонь. Началась пальба, продолжавшаяся довольно долго; но таубе—крѣпкая стальная птица, хорошо защищенная снизу, и ни летчикъ ни машина не пострадали отъ выстрѣловъ. Тѣмъ не менѣе, летчикъ поспѣшилъ подняться, и прежде, чѣмъ улетѣть, послалъ своимъ врагамъ бомбу. Она упала въ двадцати саженяхъ отъ моста на лугу среди стада. Взрывъ убилъ одну корову и ранилъ нѣсколькихъ. Остальныя, перепуганныя, разбѣжались по всему лугу.

— Они приготовили себѣ жаркое и скоро придутъ за нимъ,—замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Не думаю!—отвѣтилъ молодой лейтенантъ послѣ минуты колебанія.—Имъ нужно не жаркое, а мостъ, и они будутъ бомбардировать его. Скоро сюда явится цѣлый батальонъ съ орудіями и намъ не справиться съ ними. Нужно какъ можно скорѣе извѣстить генерала и просить подкрѣпленія. Иначе все пропало.

— Я пойду,—вызвался одинъ изъ солдатъ, быстро вскакивая на ноги.

Лейтенантъ не сразу отвѣтилъ. Онъ внимательно осматривалъ въ бинокль всадниковъ, скакавшихъ по лугу небольшими группами. Это были несомнѣнно нѣмецкіе уланы. Линія огня значительно перемѣстилась къ востоку.

— Нѣтъ,—сказалъ наконецъ лейтенантъ.—Вамъ не удастся добраться. Нѣмцы заняли всю мѣстность. Да если вамъ и удалось бы, вамъ не поспѣть во время. Я пошлю лучше одну изъ собакъ.

Онъ выдернулъ листокъ бумаги изъ своей записной книжки и сталъ писать.

— Пошлите тогда лучше обѣихъ,—посовѣтовалъ высокій фламандецъ, уже снимавшій съ собакъ упряжь.—Лео умнѣе, онъ сразу побѣжитъ, куда нужно, но лучше отправить съ нимъ Дирка; собаки привыкли бѣгать вмѣстѣ. Да, пожалуй, вдвоемъ онѣ покажутся нѣмцамъ менѣе подозрительными. Одну собаку нѣмцы непремѣнно сочтутъ за гонца, а про двухъ подумаютъ, что онѣ играютъ.

— Вы правы, — согласился лейтенантъ,—пустимъ двѣ стрѣлы!

Онъ поспѣшно написалъ дубликатъ своего сообщенія. Бумажки сложили и привязали за ошейники собакъ. Потомъ фламандецъ громко и отчетливо произнесъ нѣсколько словъ, смотря прямо въ глаза Лео. Собака не отрывала своихъ умныхъ глазъ ото рта солдата и виляла хвостомъ въ знакъ того, что она поняла его. Такимъ же образомъ онъ поговорилъ потомъ и съ Диркомъ, указывая пальцемъ по тому направленію, гдѣ виднѣлись крыши фермъ и откуда должна была притти помощь. Но Диркъ понялъ не такъ скоро, какъ Лео. Онъ тоскливо смотрѣлъ на солдата и тихо визжалъ, потомъ вопросительно посмотрѣлъ на Лео, какъ будто хотѣлъ узнать, понялъ ли онъ, что нужно сдѣлать. Солдатъ терпѣливо еще разъ повторилъ приказъ. Послѣ долгихъ усилій Диркъ наконецъ понялъ. Онъ поднялъ верхнюю губу, завилялъ хвостомъ и нервно заскулилъ.

— Понялъ!—сказалъ фламандецъ, выпрямляясь со вздохомъ облегченія.

Онъ махнулъ рукой, и обѣ собаки ринулись разомъ, какъ ядра изъ пушекъ, и побѣжали, держась возлѣ плотины.

— Диркъ знаетъ, что ему дѣлать,—сказалъ фламандецъ,—теперь никакая сила не заставитъ его свернуть съ пути.

* * *

Обѣ собаки быстро бѣжали по зеленому лугу, точно мальчишки, которыхъ отпустили изъ школы. Лео былъ красивѣе Дирка. Шерсть его была свѣтлѣе, но благодаря своимъ бѣлымъ переднимъ лапамъ онъ больше бросался въ глаза. Обрадовавшись, что съ него сняли упряжь, и гордясь даннымъ ему важнымъ порученіемъ, Лео быстро бѣжалъ по лугу; ему было такъ весело, что онъ не удержался и сталъ гоняться за бабочками. Диркъ, болѣе серьезный и болѣе вялый, озабоченно бѣжалъ рядомъ съ нимъ, все время думая о данномъ порученіи. Его не занимали бабочки, но и онъ не могъ удержаться отъ игры, когда Лео сталъ приставать къ нему.

Диркъ уже не обращалъ вниманія на пули и шрапнель; цѣль была тутъ, передъ нимъ, и онъ рѣшилъ достигнуть ея во что бы то ни стало.

Такимъ образомъ они выбѣжали на открытый лугъ—Лео впереди, за нимъ Диркъ—и побѣжали по направленію огня.

Группа уланъ, охранявшихъ мѣстность, замѣтила собакъ и въ ту же мину-

ту надъ ихъ головами просвистѣла пуля. Но уланъ-сержантъ сдѣлалъ выговоръ солдату за то, что онъ понапрасну тратитъ патроны.

— Развѣ не видишь,—грубо сказалъ онъ,—что это обыкновенныя собаки. Онѣ играютъ.

— Я думалъ, что это гонцы,—робко отвѣтилъ солдатъ.

— Ты думалъ,—самоувѣренно проговорилъ сержантъ,—а я тебѣ говорю, что это не гонцы.

И уланы поскакали дальше вдоль канала. А собаки, услыша свистъ пули надъ головой, быстро легли па землю. Но такъ какъ другого выстрѣла не послѣдовало, онѣ вскочили и опять побѣжали. Лео все еще хотѣлось пошалить, а Диркъ точно инстинктомъ понялъ, что пуля была не случайная. Онъ все время оглядывался на уланъ и злобно рычалъ.

Хотя Лео и прыгалъ и развлекался по пути, онъ все-таки бѣжалъ такъ быстро, что тяжеловѣсному Дирку трудно было поспѣвать за нимъ. Минутъ черезъ десять они достигли линiи перекрестнаго огня. Пули такъ и засвистѣли надъ ними, и они остановились въ замѣшательствѣ. Но черезъ минуту оба уже бѣжали дальше, пригнувшись къ землѣ. Нѣмецкая пѣхота, хорошо скрытая въ глубокихъ траншеяхъ, была расположена въ 350 саженяхъ направо отъ нихъ. Нѣмцы все время стрѣляли по невидимымъ бельгiйцамъ, которые занимали плотину налѣво отъ собакъ. Если бы Лео и Диркъ знали, что бѣгутъ такъ близко отъ своихъ, они вдвое скорѣе могли бы исполнить свое важное порученiе.

Немного дальше лугъ кончался, и начиналось жниво. Солнце заливало все поле. Собакамъ нужно было бѣжать какъ разъ по этому открытому мѣсту, среди града пуль, которыя летѣли съ обѣихъ сторонъ. Бельгiйскiя пули летѣли довольно высоко, но германскiя падали кругомъ нихъ и шлепались о землю. Тамъ и сямъ по непонятной собакамъ причинѣ взлетали на воздухъ то камень, то пучокъ соломы, вырванный съ корнемъ. Одна пуля задѣла за самый кончикъ хвоста Дирка и ему показалось, что его ужалила пчела. Онъ взвизгнулъ и быстро обернулся, чтобы поймать врага. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ испуганно поджалъ хвостъ и сталъ догонять Лео, который успѣлъ на много опередить его.

Едва Диркъ поровнялся съ Лео, какъ надъ ихъ головами съ страшнымъ шумомъ пронеслась шрапнель. Собаки испуганно припали къ землѣ. Раздался сильный трескъ и кверху взлетѣли куски соломы и земли.

Шрапнель, безъ сомнѣнiя, предназначалась не для собакъ, а для болѣе важной цѣли, и случайно разорвалась раньше времени. Но Лео рѣшилъ, что мѣтили въ него и зналъ, что нужно дѣлать въ такихъ случаяхъ. Онъ отлично усвоилъ себѣ правило образцовой дрессировки: «когда огонь становится слишкомъ сильнымъ, надо окопаться».

Своими сильными передними лапами онъ сталъ взрывать рыхлую землю. Сухая земля такъ и летѣла у него изъ-подъ ногъ. Онъ рылъ съ такимъ ожесточенiемъ, какъ будто охотился на барсука.

Диркъ съ недоумѣнiемъ смотрѣлъ на него минуты двѣ, пока, наконецъ, оглушительный трескъ, раздавшiйся надъ его головой, не просвѣтилъ его разума. Съ неменьшимъ увлеченiемъ и онъ бросился рыть землю рядомъ съ Лео. Черезъ нѣсколько минутъ у обѣихъ собакъ были готовы норы, въ которыя онѣ и спрятались. Диркъ, забравшись въ свою, немедленно принялся зализывать свой раненый хвостъ; но Лео, горя желанiемъ поскорѣе добраться до цѣли, то и дѣло поднималъ голову, чтобы посмотрѣть, гдѣ падаетъ шрапнель.

Германскiя пули летали теперь гораздо выше надъ ихъ головами, очевидно, нѣмцы нащупали бельгiйскую линiю.

Но вотъ шрапнель начала рваться значительно дальше того участка, который собакамъ нужно было пересѣчь. Лео выскочилъ изъ норы и побѣжалъ по полю, лаемъ вызывая своего товарища. И Диркъ въ одну минуту очутился около него.

Маленькая деревушка, расположенная у канала, куда должны были бѣжать собаки, лежала прямо противъ нихъ на разстоянiи одной мили. Только утромъ онѣ покинули ее, запряженныя

въ телѣжку, на которой стоялъ пулеметъ. Тогда она была тихой пристанью, теперь же кругомъ нея происходило жаркое сраженіе.

Высокая церковная колокольня, которая поднималась надъ окружающими ее деревьями, была снесена, разрушена бомбардировкой. Стоявшій по сосѣдству домъ былъ сожженъ до тла. Тѣ клубки ваты, которые казались такими безвредными издали, летали не даромъ.

Но печальный видъ полнаго разрушенія не произвелъ никакого впечатлѣнія на четвероногихъ гонцовъ, которые несли за своими ошейниками судьбы моста. Имъ было дано приказаніе отнести записку въ деревню; они и бѣжали туда. Имъ было безразлично, царили ли тамъ смерть и разрушеніе или былъ все тотъ же покой и тишина, какъ утромъ.

Вскорѣ собаки, пробиравшіяся такъ настойчиво къ деревнѣ подъ градомъ пуль и шрапнелей, привлекли на себя вниманіе обѣихъ сторонъ. Ихъ уже нельзя было принять за играющихъ собакъ, выпущенныхъ погулять. Такъ же нетрудно было понять, какой сторонѣ онѣ принадлежали. Германскія пули стали дождемъ сыпаться кругомъ нихъ. Лео, вѣрный своимъ правиламъ, остановился у небольшого возвышенія и опять съ прежней живостью принялся рыть себѣ прикрытіе, взметая тучи пыли. Онъ старался изо всѣхъ силъ, но мѣткій германскій выстрѣлъ положилъ предѣлъ его усердію. Пуля попала ему прямо въ грудь, и онъ упалъ въ свою недоконченную нору.

На этотъ разъ Диркъ не послѣдовалъ примѣру Лео. Цѣль была слишкомъ близка. Онъ уже видѣлъ знакомые мундиры. Сквозь свистъ пуль и шумъ снарядовъ онъ уже различалъ крики бельгійцевъ, ободрявшихъ его. Все существо его наполнилось однимъ единственнымъ желаніемъ исполнить порученіе, добраться до своихъ. Пули больше не пугали его. Шрапнель пронеслась надъ нимъ, но онъ даже не оглянулся. Кругомъ него взлетали комья земли и камни,— онъ не видѣлъ ничего. Онъ зналъ, что цѣль тутъ, передъ нимъ и что онъ долженъ достигнуть ея.

Бельгійцы ободряли его криками, свистомъ и звали къ себѣ. Они сосредоточили весь свой огонь на томъ мѣстѣ, откуда нѣмцы стрѣляли въ собакъ. На нѣсколько минутъ Диркъ привлекъ на себя вниманіе нѣсколькихъ тысячъ людей. Онъ сталъ центромъ битвы, съ его судьбой связывалась судьба сраженія. Всѣ поняли, что собака бѣжала съ порученіемъ, и германцы рѣшили, что убить собаку значило выиграть сегодняшнее сраженіе. Бельгійцы выслали эскадронъ кавалеріи, чтобы прикрыть собаку. Много людей было убито изъ-за нея съ обѣихъ сторонъ. А Диркъ бѣжалъ, не понимая, что происходитъ кругомъ него.

Почти у самой деревни онъ упалъ; пуля ранила его въ ногу. Но онъ сейчасъ же всталъ и побѣжалъ дальше на трехъ, волоча за собой перебитую ногу.

Когда онъ упалъ, нѣсколько бельгійскихъ солдатъ выскочили изъ окоповъ и бросились ему на помощь. Трое упали мертвыми тутъ же, еще нѣсколько человѣкъ упало на обратномъ пути. Но Диркъ былъ спасенъ. Онъ визжалъ отъ радости и лизалъ руки своимъ спасителямъ. Дирка отнесли въ безопасное мѣсто, за укрѣпленія, гдѣ находился штабъ.

Одинъ изъ офицеровъ досталъ записку изъ-подъ ошейника собаки и передалъ ее генералу. Тотъ быстро прочелъ ее и отдалъ приказъ немедленно послать подкрѣпленіе къ старому мосту. Потомъ онъ взглянулъ на Дирка, которому перевязывали лапу.

— Эта собака,—сказалъ онъ,—стоитъ намъ трехъ полковъ. Она спасла нашъ мостъ и тѣ три полка, которые были бы отрѣзаны въ случаѣ его уничтоженія. Слѣдите, чтобы за ней былъ хорошій уходъ. Она—хорошій солдатъ. Она намъ еще понадобится.

Русскіе герои летчики

НАДЪ СУШЕЙ.

Очеркъ **Я. Златогорова.**

Минулъ годъ великой войны. Много горестнаго, печальнаго принесъ онъ съ собой, но и много радостнаго, свѣтлаго далъ онъ русскому обществу, русскому народу. Онъ обнаружилъ въ беззавѣтномъ самопожертвованіи русскаго человѣка все величіе русскаго духа.

Въ тяжелыхъ и трудныхъ условіяхъ пришлось бороться воинамъ нашей великой рати, но, несмотря на всѣ препятствія, они ни разу не пали духомъ, продолжая въ своемъ неустанномъ стремленіи впередъ являть все новые и новые подвиги великаго героизма. Одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ этой героической исторіи заняли воины нашей воздушной рати. Они всѣ прониклись однимъ духомъ безумной храбрости, однимъ стремленіемъ беззавѣтнаго самопожертвованія за счастье своей страны, за счастье своего народа.

Пока послѣдній актъ этой міровой трагедіи еще не доведенъ до конца, обо многомъ изъ ихъ славныхъ дѣяній нельзя говорить. Но и то, что прошло сквозь горнила цензуры и проникло въ печать и общество, уже достаточно для достойной оцѣнки нашихъ героевъ воздуха.

Правильно поняли духъ русскихъ летчиковъ нѣмецкіе авіаторы. Всѣ ихъ офицеры съ восторгомъ отзываются о мужествѣ, присутствіи духа и беззавѣтной храбрости русскихъ летчиковъ. По ихъ словамъ «русскіе авіаторы всегда готовы перейти въ нападеніе и излюбленный ихъ пріемъ въ воздушной дуэли—это стараніе во что бы то ни стало протаранить вражескій аппаратъ. Они совершенно не считаются съ тѣмъ, что гибель самаго нападающаго аппарата съ опытнымъ и храбрымъ летчикомъ, почти неизбѣжная въ такихъ случаяхъ, убыточна для ихъ же отечества, поэтому имѣть съ ними дѣло не особенно пріятно».

Многіе здѣсь въ тылу недоумѣваютъ передъ отсутствіемъ извѣстій о работѣ нашихъ воздушныхъ героевъ. Они ждутъ какихъ-то необычайныхъ подвиговъ, какихъ-то сверхъестественныхъ дѣяній и въ то же время совершенно забываютъ, что работа летчика, особенно русскаго, даже въ обыкновенныхъ условіяхъ уже таитъ въ себѣ много героическаго.

Полеты русскихъ летчиковъ совершаются въ очень суровыхъ условіяхъ и требуютъ чрезвычайнаго самообладанія и рѣшимости. Нѣмецкія позиціи на всемъ протяженіи фронта богато оборудованы спеціальными истребителями аэроплановъ—зенитными пушками. Германцы слѣдятъ за вылетомъ нашихъ авіаторовъ съ напряженнымъ вниманіемъ и, какъ только увидятъ приближающійся къ нимъ русскій аппаратъ, сейчасъ же встрѣчаютъ его такой безумной стрѣльбой, отъ которой аппаратъ треплетъ, словно въ бурѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что ни одинъ изъ нашихъ летчиковъ, пролетая туда и обратно, не избѣгнетъ обстрѣла въ томъ или другомъ пунктѣ.

Хорошо, если солнце свѣтитъ ярко. Тогда можно поставить аэропланъ такъ, чтобы онъ утопалъ въ солнечныхъ лучахъ, которые ослѣпляли бы непріятеля и не давали бы ему возможности взять точный прицѣлъ.

Подъемъ на большую высоту при обстрѣлѣ зенитными пушками вовсе не является радикальнымъ средствомъ спасенія, такъ какъ пушки бьютъ на четыре версты вверхъ, т.-е. выше русскихъ рекордныхъ полетовъ на высоту.

Такимъ образомъ русскимъ летчикамъ приходится быть всегда насторожѣ, тѣмъ болѣе, что германцы—очень внимательные наблюдатели, хорошо вооруженные всѣми необходимыми средствами.

Какъ-то разъ одинъ изъ нашихъ летчиковъ совершалъ полетъ на германскомъ аэропланѣ, въ свое время подбитомъ русскими; германская форма аэроплана не ввела въ заблужденіе нѣмцевъ: они сумѣли разсмотрѣть русскіе знаки на крыльяхъ и открыли жестокую стрѣльбу .

Достаточно послушать разсказы отдѣльныхъ авіаторовъ, чтобы понять ту безумную охоту, которую открываютъ нѣмцы по нашимъ аппаратамъ.

«Однажды,—разсказываетъ одинъ летчикъ,—мнѣ пришлось пролетать по направленію, которое нѣмцамъ хорошо было извѣстно. Они заранѣе подготовили пушки и, какъ только я попалъ въ линію обстрѣла, открыли такой огонь, что у меня даже голова закружилась. Мой аппаратъ осыпало шрапнелью то сверху, то снизу, то съ боковъ. Меня бросало изъ стороны въ сторону, какъ при самомъ порывистомъ вѣтрѣ. Я почти потерялъ надежду выбраться живымъ изъ этого ада, но... все-таки я ушелъ. Когда я спустился, оказалось, что всѣ плоскости аэроплана продырявлены шрапнелью, но, къ счастью, ни одна проволока и ни одна стойка не были задѣты».

П. Н. Нестеровъ.

Въ числѣ героевъ воздуха первое мѣсто по достоинству долженъ занять Нестеровъ—гордость русской авіаціи, погибшій еще въ началѣ войны. Онъ погибъ смертью храбраго и своею смертью открылъ блестящую страницу русской авіаціи.

Онъ зналъ, на что онъ идетъ, но онъ пошелъ на это, стремясь доказать, что не перевелись еще на Руси славные и могучіе богатыри.

Передъ роковымъ подъемомъ товарищи уговаривали Нестерова не подвергаться риску. Нестеровъ на это имъ отвѣтилъ:

— Ну, погибну. Какое теперь значеніе имѣетъ жизнь человѣческая передъ тѣмъ, что дѣлается. Ничего, но зато не дамъ я больше этимъ негодяямъ летать надъ нашей землей.

Значитъ, онъ шелъ на вѣрную смерть.

Красивая и отважная смерть!

Погибъ Нестеровъ въ воздушномъ бою съ австрійцами, это было 27 августа.

За три дня до этой катастрофы надъ мѣстомъ расположенія авіаціоннаго отряда, въ которомъ находился Нестеровъ, пролетѣли три австрійскихъ аэроплана, при чемъ съ одного аппарата была безрезультатно брошена фитильная бомба. Австрійскіе аэропланы летѣли на очень большой высотѣ, выстрѣлы, повидимому, не давали никакихъ результатовъ. Тогда вдогонку вылетѣлъ Нестеровъ вмѣстѣ съ другими летчиками. При подъемѣ двигатель аппарата Нестерова давалъ перебои, и ему пришлось нѣсколько задержаться. На другой день надъ этимъ мѣстомъ снова показался непріятельскій аэропланъ.

Опять началась стрѣльба. Бросились за Нестеровымъ. Но Нестерова не было. Командующій арміей далъ ему другое, болѣе серьезное порученіе.

Позже, когда Нестеровъ вернулся съ воздушной развѣдки, и ему разсказали о похожденіяхъ австрійскаго летчика, онъ съ сожалѣніемъ и въ то же время съ увѣренностью воскликнулъ:

— Ничего, я его изловлю. Онъ дорого заплатитъ за свои похожденія!

На слѣдующій день австрійскій летчикъ снова появился какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Нестеровъ, измученный своимъ только что закончившимся длительнымъ воздушнымъ полетомъ надъ вражескими позиціями, улегся отдыхать.

Какъ только Нестерову сообщили о летчикѣ, онъ, какъ былъ—въ носкахъ и безъ фуражки—выбѣжалъ и приказалъ солдатамъ:

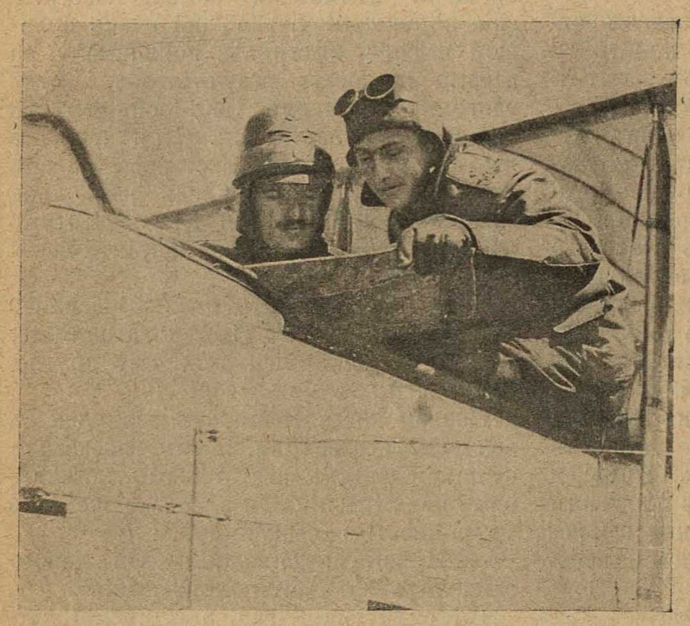
— Вытаскивать машину!

И уже черезъ 1—2 минуты Нестеровъ подымался ввысь. Летчикъ-австріецъ, замѣтивъ погоню, рѣзко повернулъ вправо, откуда на него посыпались русскія пули, а затѣмъ и вовсе скрылся.

Нестеровъ, потерявши изъ виду летчика, рѣшилъ уже возвратиться домой.

Но вдругъ за холмомъ показалась черная точка. Нестеровъ всмотрѣлся въ нее и, повидимому, рѣшивъ, что это и есть врагъ, бросился на него.

Моторъ работалъ исправно. Аэропланъ сразу взвился высоко въ небеса и помчался за врагомъ. Вскорѣ Нестеровъ высоко пронесся надъ австрійскимъ аэропланомъ, а затѣмъ, поравнявшись съ нимъ, съ большой высоты направилъ свой аппаратъ вертикально, носомъ внизъ на аппаратъ соперника.

Военный летчикъ поручикъ Покровскій и его наблюдатель корнетъ Плонскій. Оба награждены георгіевскими крестами за взятіе въ плѣнъ австрійскаго аэроплана послѣ упорнаго воздушнаго боя.

Въ ту минуту не вѣрилось, что это былъ человѣкъ, въ рукахъ котораго находился далеко не всегда послушный аппаратъ. Чудилось, что это коршунъ налетѣлъ на ворона и клюетъ его.

Нестеровъ насѣлъ на австрійца, уничтожилъ его, но, зацѣпившись за вражескій пропеллеръ, переломилъ себѣ позвоночникъ, и уже мертвый вывалился изъ аппарата на землю.

Сначала аппаратъ Нестерова пронесся надъ непріятельскимъ аэропланомъ и сталъ спускаться по спирали, а аппаратъ непріятеля стремительно свалился внизъ.

У всѣхъ вырвался вздохъ облегченія, когда стало видно, что аэропланъ продолжаетъ плавно спускаться по спирали, но въ слѣдующее мгновеніе всѣ убѣдились, что радость была преждевременна. Аэропланъ Нестерова, какъ-то рѣзко качнуло, неестественно накренило, и онъ стремительно сталъ падать, перегнавъ по быстротѣ падавшій австрійскій аэропланъ. Возлѣ аппарата Нестерова мелькнула падающая человѣческая фигура надъ которой падалъ аэропланъ. Потомъ все перемѣшалось и ударилось о землю.

Когда пріѣхали на мѣсто катастрофы, то представилась слѣдующая картина. Болотистая, зыбкая мѣстность. Моторъ аппарата Нестерова, сорвавшись съ петель, глубоко зарылся въ болото. Крылья и сломанное шасси аппарата лежали далеко въ сторонѣ. Посрединѣ лежалъ мертвый Нестеровъ.

Австрійскій аэропланъ, вмѣстѣ съ двумя мертвыми летчиками, глубоко завязъ тутъ же въ болотѣ, а потомъ былъ обнаруженъ и глубоко зарывшійся, въ болото третій трупъ австрійскаго офицера-наблюдателя. При немъ нашли планы и другіе цѣнные документы.

Уничтоженный Нестеровымъ аэропланъ одной изъ новѣйшихъ системъ былъ снабженъ всѣми послѣдними усовершенствованіями. Онъ оперировалъ съ самаго начала войны и былъ недосягаемъ.

Австрійскій авіаторъ, на котораго сдѣлалъ нападеніе погибшій Нестеровъ, оказался барономъ Розенталемъ, крупнымъ помѣщикомъ изъ Жолкьева, галиційскаго города, расположеннаго за Львовомъ ближе къ нашей границѣ. Баронъ Розенталь на свои средства сооружалъ летательные аппараты, на одномъ изъ которыхъ и поднялся въ день катастрофы.

Мертваго Нестерова нашли въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ сѣлъ въ аппаратъ: безъ сапогъ и шапки.

Это послужило матеріаломъ для легенды, будто Нестерова ограбили мародеры.

Позже, когда вошли въ походную комнатку Нестерова, то нашли тамъ въ цѣлости и его сапоги и шапку.

По пораненіямъ аппарата Нестерова видно было, что онъ очень удачно выполнилъ свой планъ. Толкнувъ телѣжкой своего аппарата непріятельскій аппаратъ, онъ тѣмъ самымъ заставилъ его упасть внизъ. По сдѣланному расчету Нестеровъ могъ благополучно проскользнуть по задѣтому аэроплану и опуститься на землю. На это указывало и то обстоятельство, что аэропланъ Нестерова продолжалъ, согласно данному ему направленію, полетъ спиралью. Однако, когда аппаратъ пролеталъ надъ непріятельскимъ, телѣжка нестеровскаго аэроплана задѣла за непріятельскій воздушный винтъ. Получился сильный толчокъ, отъ котораго Нестеровъ ударился спиной, переломилъ позвоночникъ, и смерть наступила мгновенно. Аэропланъ же летѣлъ нѣкоторое время, согласно данному ему направленію.

Такова героическая сторона катастрофы. Но черезъ полчаса сталъ извѣстенъ и ея трагическій элементъ.

Какъ только подобрали тѣло летчика, пришли солдаты одного изъ ближайшихъ къ Жолкьеву развѣдочныхъ отрядовъ и сообщили:

— Мы подбили въ степи австрійскаго летчика и взяли цѣлый аэропланъ.

Когда стали наводить справки, провѣрять аппараты и осматривать вещи австрійцевъ, то обнаружили ужасную правду.

Нестеровъ, самъ погибнувъ, уничтожилъ не того летчика, который три дня кружился надъ штабомъ нашей арміи, а другого, вылетѣвшаго изъ Львова за нимъ вслѣдъ.

Цѣлившійся въ штабъ австріецъ былъ просто подстрѣленъ солдатами въ степи и вмѣстѣ съ аппаратомъ доставленъ въ нашу штабную квартиру.

Конечно, и уничтоженный Нестеровымъ летчикъ могъ принести намъ много зла. Вѣдь возлѣ непріятельскаго аэроплана были найдены зарывшіяся въ болото бомбы.

Но равноцѣнна ли жизнь нашего славнаго героя жизни рядового австрійскаго летчика?

Все это, конечно, не уменьшаетъ заслуги Нестерова. Вѣдь подвигъ оцѣнивается не случайными результатами, а героическимъ порывомъ, свободнымъ замысломъ и самоотверженнымъ исполненіемъ. Въ этомъ отношеніи Нестеровъ явилъ максимумъ подлиннаго героизма.

За свой героическій поступокъ Нестеровъ былъ представленъ къ посмертному награжденію георгіевскимъ орденомъ и чиномъ капитана, а семья его представлена къ полученію полной пенсіи.

Между прочимъ Нестерову, благодаря присущему ему самообладанію, удалось уже разъ избѣгнуть неминуемаго плѣна.

Въ періодъ подхода нашихъ войскъ къ Львову въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года Нестеровъ, летая съ производившимъ развѣдки офицеромъ генеральнаго штаба, долженъ былъ, вслѣдствіе порчи аппарата, спуститься въ окрестностяхъ Львова среди австрійскихъ войскъ. Къ счастью, австрійскія войска его не замѣтили.

Съ помощью мѣстныхъ жителей поляковъ летчики уничтожили свой аэропланъ и скрытно, пѣшкомъ не только успѣшно пробрались обратно въ свою армію, но и привели съ собою плѣннаго австрійскаго часового, котораго взяли на передовыхъ постахъ.

Военный летчикъ, капитанъ Грузиновъ.

Не звучитъ ли та же героическая нотка въ подвигѣ нашего военнаго летчика капитана Грузинова? Будучи раненъ при обстрѣливаніи его аппарата у посада Быхава австрійскими войсками и не надѣясь улетѣть, онъ разбилъ аппаратъ о землю и самъ погибъ въ обломкахъ.

Грузиновъ былъ однимъ изъ нашихъ лучшихъ авіаторовъ, онъ леталъ много разъ и неоднократно за доставляемыя свѣдѣнія получалъ отъ начальства благодарность.

Въ роковой день капитанъ Грузиновъ отправился въ полетъ рано утромъ. Онъ

Военный летчикъ поручикъ Высоцкій, получившій нѣсколько боевыхъ наградъ за воздушныя развѣдки.

сразу сталъ забирать высоту, привѣтствуя жестомъ руки оставшихся на землѣ товарищей. Скоро онъ скрылся изъ глазъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Онъ не возвращался. Наступилъ вечеръ. Его еще не было.

Разложили костры. Начали наводить повсюду справки, но никто не могъ дать какихъ-либо свѣдѣній объ исчезнувшемъ летчикѣ.

Къ вечеру слѣдующаго дня наши передовыя части заставили отступить австрійскіе отряды.

У посада Быхава, куда продвинулись наши войска, среди поля была насыпана свѣжая могила.

Вблизи лежалъ разбитый аэропланъ. Аэропланъ оказался русскимъ, а на крестѣ, сдѣланномъ изъ палокъ, было написано карандашомъ:

«Честь летчику. Спи спокойно».

Тотчасъ же сообщили въ авіаціонный отрядъ.

Когда разрыли могилу, то тамъ оказалось тѣло Грузинова.

Какъ выяснилось, аппаратъ, управляемый Грузиновымъ, пролеталъ надъ по

лемъ на высотѣ приблизительно 400 метровъ.

Непріятель замѣтилъ его и сталъ стрѣлять изъ ружей. Затѣмъ были даны три залпа изъ орудій.

Два первыхъ залпа не достигли цѣли. При третьемъ же аппаратъ дрогнулъ, перевернулся и, сдѣлавъ крутой виражъ, носомъ упалъ на землю. Раньше предполагали, что Грузиновъ былъ раненъ шрапнелью въ голову навылетъ и скончался еще на летѣвшемъ аппаратѣ. Но потомъ выяснилось, что онъ намѣренно ударился о землю съ работавшимъ двигателемъ, не желая отдать врагу столь цѣнной добычи.

Аппаратъ ударился о землю съ такой невѣроятной силой, что врѣзался въ нее на цѣлыхъ $^3/_4$ аршина.

Кто сдѣлалъ приведенную выше надпись на крестѣ, кто предалъ землѣ на полѣ брани тѣло Грузинова, осталось тайной.

Андреевичъ Шпицбергъ.

Нашу плеяду богатырей воздуха обогатилъ еще одинъ герой, капитанъ Андреевичъ.

Стремясь во что бы то ни стало помѣшать полетамъ одного изъ австрійскихъ летчиковъ надъ нашими войсками, осаждавшими крѣпость Перемышль, капитанъ Андреевичъ рѣшилъ атаковать его въ воздухѣ и сбить.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что этотъ австрійскій летчикъ показывался надъ такими пунктами, расположеніе которыхъ крайне важно было знать австрійцамъ.

Капитанъ Андреевичъ добился своей завѣтной мечты. Онъ подкараулилъ врага, но, увы, столкнувшись въ вышинѣ, погубилъ и своего соперника и самъ разбился на смерть.

Смертью героя погибъ и извѣстный всей Россіи молодой военный летчикъ Шпицбергъ.

Въ Россіи его знали, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ авіаторовъ, какъ «художника мертвой петли».

Погибъ же онъ, какъ и всѣ тѣ тысячи героевъ, что уже положили жизнь свою за будущую славу Россіи, за будущее ея счастье.

Какъ только началась война, Шпицбергъ бросилъ всѣ свои очередныя дѣла и сталъ въ ряды нашихъ военныхъ летчиковъ.

Въ роковой день онъ самъ вызвался исполнить крайне опасную воздушную развѣдку. Летѣть надо было далеко, да еще съ пассажиромъ механикомъ.

Погода была ужасающая—сильный, порывистый вѣтеръ, часто переходившій въ шквалъ,—но это не остановило летчика.

По всей вѣроятности, аппаратъ былъ перегруженъ. Онъ долго боролся съ непогодой; знаніе, опытъ и хладнокровіе помогали авіатору.

Но вдругъ неожиданнымъ, сильнѣйшимъ шкваломъ аппаратъ бросило камнемъ оземь, и изъ-подъ аппарата извлекли летчика съ переломанными ногами.

Онъ жилъ еще цѣлыхъ восемь сутокъ и скончался въ день своего рожденія.

Спасеніе Праснышскаго гарнизона летчиками.

Немногимъ извѣстенъ подвигъ двухъ нашихъ летчиковъ, а этого одного дѣянія уже достаточно, чтобы съ гордостью говорить о нашихъ воздушныхъ бойцахъ.

Въ тѣ дни, когда разгорались праснышскіе бои, и когда гарнизонъ Прасныша оказался окруженнымъ, необходимо было выслать храбрымъ защитникамъ Прасныша вѣсть, что помощь къ нимъ подходитъ, и что германскія войска охватываются нами широкимъ кольцомъ, въ центрѣ котораго оставался Праснышъ, временно отрѣзанный нѣмцами, но понемногу снова отбиваемый нами.

Положеніе гарнизона Прасныша, разстрѣливаемаго нѣмцами со всѣхъ сторонъ, было отчаяннымъ. Но онъ держался въ надеждѣ на помощь. Кровопролитныя и безумныя атаки слѣдовали одна за другой, и только благодаря этимъ атакамъ, наши храбрецы все время могли сдерживать вдесятеро превосходившія ихъ германскія части, непрерывно получавшія подкрѣпленія.

Они должны были подъ страшнымъ огнемъ съ тыла, фронта и фланговъ дер-

жаться до самаго конца. И эта неравная борьба уже являлась сама по себѣ исключительнымъ подвигомъ боевого мужества.

Но какъ увѣдомить, какъ извѣстить ихъ о томъ, что помощь недалеко. Вѣдь ни верхомъ, ни пѣшкомъ, ни на мотоциклѣ или автомобилѣ нельзя было пробраться сквозь сплошныя боевыя линіи непріятеля.

Въ этомъ случаѣ одинъ только аэропланъ и могъ сослужить безпримѣрную прямую и быструю службу.

Безбрежная воздушная дорога должна была открыть путь тому смѣльчаку, который рѣшится поставить свою жизнь на карту ради спасенія окруженной горсти храбрецовъ.

Къ несчастью, въ этотъ день надъ землей стоялъ сплошной туманъ. По всѣмъ направленіямъ носились темныя, густыя тучи. Въ высотѣ происходила какая-то вакханалія. По всему воздушному пространству безудержно мчались огромные вихри.

Все говорило за невозможность полета.

Но, несмотря на столь тяжелыя условія, многіе рвались совершить развѣдку надъ Праснышемъ и бросить радостную вѣсточку героямъ-защитникамъ.

Увы, всѣ попытки не удавались. Едва только аппаратъ подымался въ высоту, какъ его начинало бросать изъ стороны въ сторону. Поле зрѣнія было ничтожно. Внизу стоялъ густой непроницаемый туманъ, не дававшій возможности наблюдать надъ землей. Какъ только летчикъ вылеталъ за аэродромъ, онъ сейчасъ же терялъ направленіе и рисковалъ сбиться съ дороги и попасть въ какое-нибудь незнакомое и опасное мѣсто.

Штабъ не предписывалъ, а только вызывалъ охотниковъ попытаться.

Въ то же время было извѣстно, что развѣдка и передача вѣсти о подкрѣпленіи въ Праснышъ настолько важна, что для этого можно было даже пожертвовать аэропланомъ, а вѣдь пожертвовать аэропланомъ, значитъ пожерствовать и двумя летчиками-офицерами: пилотомъ и наблюдателемъ.

Жертва тяжелая, но ее нужно было принести.

И вотъ, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ, летчикъ Л. съ офицеромъ-наблюдателемъ В., провожаемые напутствіемъ и тревогой всѣхъ товарищей, поднялись съ аэродрома и быстро исчезли въ туманѣ.

Они сразу направились на Цѣхановъ и, попавъ въ непроницаемую гущу тучъ, очутившись въ воздушныхъ потокахъ и воздушныхъ ямахъ, они словно навсегда оторвались отъ земли и потеряли всякую связь съ жизнью.

Были моменты, когда казалось, что уже нѣтъ спасенія. Аппаратъ стремглавъ летѣлъ внизъ чуть не до самой земли, чтобы, грохнувшись объ нее, разбиться въ щепы и похоронить подъ обломками двухъ смѣльчаковъ героевъ.

Прошло цѣлыхъ три часа безумной борьбы съ воздушной стихіей борьбы, въ которой два слабыхъ человѣка на утлой крылатой машинѣ рѣшили пойти наперекоръ стихіи.

И они побѣдили.

Были минуты, когда спасеніе казалось немыслимымъ, и эти минуты тянулись, неуловимо слагались въ часы.

Ихъ бросало, переворачивало, гнало почти въ трехъ тысячахъ метровъ надъ невидимою землею.

Жестокая снѣжная и дождевая буря рвала ихъ крылья, по они летѣли все впередъ и впередъ, все ближе и ближе къ своей завѣтной цѣли.

Они чувствовали часто, какъ подъ ними уходитъ машина, какъ проваливаются внизъ сидѣнія. Машину бѣшено то подымало вверхъ, то кидало въ бокъ, то сразу бросало внизъ.

Несмотря на смертельную опасность низкаго полета въ такихъ условіяхъ, явно рискуя удариться послѣднимъ ударомъ о землю, они спустились надъ линіей нашихъ и непріятельскихъ войскъ за Цѣхановымъ, низко совершили нѣсколько круговъ и помчались вдоль нашего и непріятельскаго боевого огня.

Они летѣли совсѣмъ низко, наблюдая и занося на карту всѣ расположенія и движенія непріятельскихъ войскъ.

Ими были выяснены количество и направленіе резервныхъ частей, были установлены отдѣльныя попытки обходовъ, были констатированы исчерпанія

Георгіевскій кавалеръ, летчикъ поручикъ Покровскій, съ своимъ наблюдателемъ, поручикомъ Аргнольдомъ за изученіемъ карты.

непріятелемъ ближайшихъ резервовъ и передвиженіе разнокалиберной артиллеріи, а также движеніе обозовъ.

Ихъ открыли и сейчасъ же подвергли самому безумному обстрѣлу, но они едва замѣчали огонь.

Воздушные вихри такъ свистѣли вокругъ нихъ, они такъ заложили уши летчиковъ и заполнили шумомъ все пространство кругомъ, что свистъ пролетавшихъ пуль совсѣмъ не ощущался, и только впослѣдствіи ихъ подтвердили маленькія, но роковыя дырочки въ полотнѣ крыльевъ и корпуса.

Аппаратъ рвало и метало, но наблюдатель, не отрываясь ни на секунду, неуклонно наносилъ на карту все видѣнное. Свѣдѣнія были настолько цѣнны и важны, что, невзирая на смертельную опасность, летчикъ-наблюдатель не желалъ улетать съ этого мѣста. По его просьбѣ летчикъ-пилотъ, еще и еще описывалъ воздушные круги, борясь рулями и крыльями съ непогодой и опаснымъ креномъ.

И только послѣ того, какъ они выполнили свое дѣло, они рѣшили летѣть дальше, къ Праснышскому гарнизону.

Они подлетѣли къ Праснышу и опустились низко надъ городомъ, гдѣ въ то время уже шелъ уличный бой.

Городъ частью горѣлъ, освѣщая своимъ заревомъ картину сраженія.

Темныя, сплошныя массы нѣмцевъ все лѣзли и лѣзли, напирая со всѣхъ сторонъ въ городѣ, гдѣ были заперты и окружены наши сѣрые герои.

Летчикамъ надо было дѣйствовать. Для этого они были снабжены особыми деревянными катушками съ намотанными на нихъ длинными черными коленкоровыми лентами и съ грузомъ на концахъ этихъ лентъ.

Въ катушку вкладывалась бумажка, а на ней было всего нѣсколько словъ.

Эти слова должны сдѣлаться теперь историческими. Они должны всякій разъ напоминать о великомъ мужествѣ тѣхъ, кто, рискуя своею жизнью и презрѣвъ смертельную опасность, рѣшился доставить вѣсть изнывающему и отрѣзанному праснышскому гарнизону.

Вотъ историческое обращеніе къ праснышскимъ героямъ:

«Славные защитники Прасныша, гордость наша, герои. Держитесь крѣпко. Выручка близка.

Къ вамъ отовсюду идетъ помощь. Врагъ будетъ самъ окруженъ.

11-го февраля, 1915 года. 1 ч. 10 мин. дня».

Далѣе слѣдовали подписи.

Сколько великаго, трепетнаго смысла въ этихъ короткихъ фразахъ!

Долго потомъ, уже много позже незабвеннаго 11-го февраля, солдаты передавали другъ другу эти великія слова.

Но нелегка оказалась задача извѣстить гарнизонъ. Когда въ бѣлесоватомъ, едва прозрачномъ туманѣ на какихъ-нибудь нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ земли, летчики помчались изъ Цѣханова къ Праснышу и увидѣли бой на улицахъ, страшный вихрь вдругъ съ безумной силой подхватилъ ихъ машину.

Машину какъ-то закрутило, перевернуло и поставило перпендикулярно къ землѣ. Сидѣнія сразу ушли изъ-подъ летчиковъ, они невольно хватались за стойки, за крылья. Только какимъ-то непонятнымъ чудомъ они сумѣли удержаться въ машинѣ и не выпасть изъ нея.

Движенія тучъ на небѣ по разнымъ направленіямъ, разнообразныя воздушныя теченія—все это вызывало вихри разной силы и направленія и образовало воздушные провалы, въ которые проваливался аэропланъ на двѣсти, триста метровъ.

У находящихся на аэропланѣ захватывало духъ, казалось немыслимымъ удержать свое тяжелое тѣло руками, ухватившись за легкіе деревянные брусья.

Нерѣдко аэропланъ переставалъ слушаться своихъ рулей, и летчики чувствовали себя всецѣло во власти воздушной стихіи, безпомощными и побѣжденными.

Но проходило нѣсколько секундъ, а порой и минутъ, и рули опять начинали работать.

И сейчасъ же воспрянувъ духомъ, они снова продолжали свой тернистый воздушный путь.

Они пытались спуститься у Прасныша, желая лично извѣстить гарнизонъ о выручкѣ.

Но какъ спуститься въ районѣ боя, въ туманъ и бурю? Пробовали подлетать къ разнымъ пунктамъ, гдѣ шло сраженіе, но едва только они приближались къ нимъ, какъ должны были быстро вздыматься вверхъ.

Тамъ, гдѣ они предполагали найти своихъ, они обнаруживали нѣмцевъ.

Приходилось отказаться отъ намѣренія приземлиться и сбросить внизъ катушки съ извѣщеніемъ.

Отъ леденящаго холода у летчиковъ обмерзла вся одежда, рукавицы слились съ куртками, все забросало снѣгомъ. Глаза слипались, руки мерзли на ряхъ. Едва ли они походили на людей въ ти минуты.

Но, несмотря на всѣ эти безумныя условія, эти же человѣческія руки заносили на картѣ отмѣтки, продолжали бороться съ рулями, съ вихрями, бурями, управляли машинами и въ то же время бросали внизъ ленты съ катушками.

Послѣ трехчасового полета они вернулись благополучно домой, рискуя и на обратномъ пути своей жизнью.

На аэродромѣ уже давно съ замираніемъ сердца ожидали ихъ возвращенія. Каждая лишняя минута ожиданія усиливала безпокойство и волненіе. Многіе уже перестали надѣяться, что летчики вернутся.

И когда долгожданный аэропланъ вынырнулъ, наконецъ, изъ тумана и сталъ снижаться, всѣ стремглавъ бросились къ машинѣ, плавно сѣвшей на промерзлую землю.

Весь аппаратъ былъ покрытъ снѣгомъ и льдинками, видно было, какъ онъ отяжелѣлъ и деформировался.

Глядя издали на спускъ, можно было замѣтить, что аппаратъ плохо слушался послѣ безумной борьбы съ воздушными бурями и вихрями.

Полузамерзшихъ летчиковъ товарищи вытащили на рукахъ изъ аппарата и съ торжествующими криками «ура», привѣтствуя ихъ какъ героевъ, принесли къ ангарамъ.

Оба они—молодые люди—и летчикъ Л. изъ уланъ, и наблюдатель В.; послѣдній—еще подпоручикъ прошлогодняго выпуска военнаго училища. До этого историческаго полета, онъ уже совершилъ, какъ наблюдатель, болѣе тридцати воздушныхъ развѣдокъ.

Офицеры, совершившіе десятки опаснѣйшихъ воздушныхъ развѣдокъ, обстрѣлянные много разъ, спускавшіеся у самаго непріятеля, спасавшіеся какимъ-то чудомъ изъ самой пасти смерти, называютъ этотъ полетъ единственнымъ по опасности во всю ихъ жизнь.

Летчики въ Млавскихъ бояхъ.

Всѣмъ еще памятны млавскіе бои, когда мы, сильно потрепавъ нѣмцевъ, заставили ихъ отступить въ предѣлы Германіи.

Въ нашемъ продвиженіи впередъ всегда и прежде всего была необходима точная развѣдка.

И вотъ тутъ наши летчики все время несли громадный и самоотверженный трудъ.

При своихъ отступленіяхъ нѣмцы, понимая, какъ важны для насъ всѣ мелочи ихъ движеній, видимыхъ съ высоты, особенно усердно обстрѣливали наши аэропланы. Были случаи удивительныхъ, почти чудесныхъ спасеній многихъ нашихъ летчиковъ.

Одинъ вернулся благополучно послѣ длительнаго отсутствія, о немъ уже тревожились. Когда онъ опустился на аэродромъ, его аппаратъ развалился.

Оказалось, что въ семнадцати мѣстахъ были прострѣлены стойки аэроплана, и—какъ долетѣлъ аппаратъ, не развалившись еще въ воздухѣ, положительно было не понятно.

Другой былъ посланъ въ опасное мѣсто, особенно сильно обстрѣливавшееся, но неизбѣжно нуждавшееся въ самой точной развѣдкѣ.

Полчаса летчикъ долженъ былъ летать въ зонѣ страшнаго обстрѣла.

У него было прострѣлено сидѣніе, поврежденъ бакъ, изъ котораго текъ бензинъ; вырваны клочья полотна изъ рулей, но онъ все-таки продолжалъ развѣдку и благополучно прибылъ къ мѣсту, принеся выдающіяся по важности свѣдѣнія.

Летчики въ Августовскихъ бояхъ.

Выдающіяся услуги оказали наши летчики во время боевъ въ районѣ Августовскихъ лѣсовъ, гдѣ, окруженная нѣмцами 29 дивизія въ теченіе нѣсколькихъ дней должна была отбивать ожесточенныя атаки противника, неся тяжелыя потери.

Благодаря самоотверженной работѣ нашихъ летчиковъ, сообщеніе 29-й дивизіи, окруженной германскими войсками, съ остальной нашей арміей все время не прерывалось.

Летчики Костельницкій, Салтыковъ и Александровичъ.

Указанія летчиковъ дали возможность двумъ полкамъ 29-й дивизіи прорваться изъ германскаго кольца. Войскамъ передавались не только письменныя сообщенія, но въ довольно большомъ количествѣ и ружейные патроны, которые въ небольшихъ мягкихъ тюкахъ сбрасывались летчиками въ мѣста расположенія окруженныхъ нѣмцами нашихъ частей.

Всѣ усилія нѣмцевъ помѣшать работѣ храбрыхъ летчиковъ ни къ чему не привели.

Они безстрашно продолжали полеты, не обращая вниманія на обстрѣлъ со стороны германскихъ частей.

Летчики на Рижскомъ фронтѣ.

На рижскомъ фронтѣ наши летчики также проявляютъ энергичную дѣятельность, предпринимая часто смѣлыя воздушныя развѣдки.

Неутомимая работа летчиковъ приноситъ много пользы, и каждая ихъ развѣдка даетъ богатый матеріалъ.

Мѣсяцъ тому назадъ одинъ изъ нашихъ воздушныхъ отрядовъ удостоился полученія по телеграфу цѣнной благодарности за доставленіе его летчиками особенно важныхъ свѣдѣній, собранныхъ во время полетовъ.

Часто наши летчики во время своихъ развѣдокъ встрѣчаются съ непріятелемъ, и тогда происходятъ полныя героизма и храбрости схватки въ воздухѣ и, если онѣ не всегда кончаются гибелью противника, то, во всякомъ случаѣ, всегда кончаются его бѣгствомъ.

Въ началѣ сентября мѣсяца нашъ аппаратъ, въ которомъ мѣсто летчика занималъ сотникъ П., а наблюдателя — корнетъ М., во время воздушной развѣдки, пролетая надъ селеніемъ Ш., занятомъ непріятелемъ, встрѣтился на большой высотѣ съ непріятельскимъ аэропланомъ.

Замѣтивъ противника, аппаратъ взялъ направленіе на него и поставилъ руль на подъемъ, чтобы имѣть преобладаніе высоты надъ противникомъ.

Это было достигнуто, и наши летчики вскорѣ очутились надъ противникомъ. Имѣя нѣмца подъ собой, корнетъ М. открылъ по немъ стрѣльбу изъ маузера. Попали ли выстрѣлы въ непріятеля, неизвѣстно, но, несмотря на то, что его аппаратъ былъ вооруженъ пулеметомъ, онъ поспѣшилъ ретироваться, уклонившись отъ схватки.

Наши повернули аппаратъ съ цѣлью преслѣдованія противника, но въ этотъ моментъ вынуждены были прекратить преслѣдованіе, такъ какъ у офицера-наблюдателя маузеръ пересталъ выбра-

сывать снаряды. Послѣ этого, собравъ во время полета цѣнныя свѣдѣнія, наши летчики вернулись къ своему расположенію.

Другой полный риска и опасности для жизни полетъ былъ совершенъ тѣми же летчиками 11-го сентября. Рано утромъ надъ Ш. на взморьѣ появился непріятельскій аэропланъ. Былъ сильный вѣтеръ, и помѣряться силами съ нѣмцемъ въ воздухѣ было болѣе, чѣмъ опасно. Полеты въ такую бурную погоду никогда не кончаются благополучно.

Но нашимъ стало зазорно... Отчего нѣмецъ можетъ, а мы нѣтъ?

И они рѣшили летѣть.

А нѣмцу было легко: поднявшись далеко отъ Ш., онъ могъ взять большую высоту, и пока долетѣлъ до Ш., былъ уже надъ тучами и чувствовалъ себя тамъ довольно хорошо.

Другое дѣло наши летчики.

Поднявшись недалеко отъ противника, они стали забирать высоту и скоро очутились въ густыхъ облакахъ. Сильный вѣтеръ бросалъ аппаратъ изъ стороны въ сторону и ежесекундно грозилъ перевернуть его. Офицеръ-наблюдатель имѣлъ на колѣняхъ три бомбы, придерживая ихъ руками.

Катастрофа казалась неминуемой: аппаратъ качало во-всю, наблюдатель корнетъ М. держался одной рукой за верхній кабанъ, а другой — держалъ бомбы, которыя то и дѣло грозили удариться другъ о друга или упасть на троссы руля высоты и руля глубины; а тогда произошелъ бы взрывъ и, конечно, отъ летчика, отъ наблюдателя и отъ аппарата ничего бы не осталось.

Это происходило въ густыхъ облакахъ, достигавшихъ высоты 1500 метровъ. Аппаратъ старался пробиться сквозь облака, но это оказалось не такъ-то легко.

Кругомъ ничего не было видно... Облака, облака, облака... Опасность «взлетѣть на воздухъ» для летчиковъ была столь велика, что наблюдатель заклепалъ одну бомбу, чтобы она не взорвалась, и сбросилъ ее,—она упала въ воду.

Поборовшись еще нѣкоторое время со стихіей, летчики, увидѣвъ безцѣльность дальнѣйшей борьбы съ облаками, вернулись обратно.

Но одного они достигли: непріятельскій аэропланъ, не закончивъ своей «работы» по бросанію бомбъ, при видѣ нашего аппарата, поспѣшилъ улетѣть обратно, не причинивъ своимъ полетомъ никакого вреда.

Летчики надъ Кавказскими горами.

Каждый фронтъ, каждый боевой пунктъ можетъ много разсказать о подвижнической работѣ нашихъ воздушныхъ героевъ.

Въ какихъ неслыханно тяжелыхъ условіяхъ приходится нашимъ летчикамъ дѣйствовать на кавказскомъ фронтѣ!

Воздушную развѣдку необходимо производить надъ хребтами болѣе $8^1/_2$ тысячъ футовъ вышины. Даже въ мирное время воздушные рейсы надъ подобными хребтами явились бы рекордными и заставили бы говорить о себѣ печать всего міра.

Теперь такіе рейсы приходится дѣлать въ условіяхъ военнаго времени, при чемъ летчикъ не только рискуетъ ежеминутно разбиться о выступы скалъ, но долженъ пролетать надъ непріятельскими цѣпями на высотѣ, не превышающей прицѣльнаго ружейнаго выстрѣла, такъ какъ подняться выше надъ хребтами нельзя.

Во время воздушныхъ развѣдокъ у К-скаго прохода одному летчику была поставлена задача—выяснить силы турокъ за хребтомъ, поднимающимся на такую высоту, что аэропланъ могъ подняться надъ нимъ всего на нѣсколько десятковъ футовъ.

Хребетъ этотъ былъ занятъ сторожевой цѣпью. Во время перелета турки обстрѣливали аэропланъ не только изъ ружей, но и изъ револьверовъ.

Летчикъ молніей пронесся надъ хребтомъ, выяснилъ силы врага, открывъ нѣсколько движущихся колоннъ, и вернулся тѣмъ же путемъ.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ такіе рейсы совершаются постоянно.

Съ увѣренностью можно сказать, что ни на одномъ изъ театровъ войны авіаторамъ не приходится работать въ

такихъ условіяхъ. Несмотря на это развѣдка ведется блестяще.

19-го іюля на Сарыкамышскомъ фронтѣ, въ долинѣ рѣки Азонъ-Су одинъ летчикъ, неожиданно появившись надъ большимъ турецкимъ лагеремъ далеко за линіей сторожевого охраненія, удачно сбросилъ въ турецкія войска нѣсколько бомбъ.

Появленіе бѣлой птицы надъ лагеремъ, считавшимъ себя въ полной безопасности, и взрывы бомбъ вызвали громадный переполохъ среди турокъ. Бомбы причинили туркамъ весьма значительныя потери.

Объ этомъ славномъ полетѣ штабъ кавказской арміи въ своемъ донесеніи отъ 19 іюля сообщилъ слѣдующее:

«На Сарыкамышскомъ направленіи во время воздушной развѣдки одинъ изъ нашихъ летчиковъ сбросилъ бомбы въ большой лагерь турокъ, приведши ихъ въ разстройство».

По общему признанію кавказскихъ войскъ нашъ воздушный флотъ оказываетъ огромнѣйшія услуги въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ.

Одно появленіе ихъ на фронтѣ поднимаетъ боевой духъ войскъ и усиливаетъ бодрое настроеніе.

Первый полетъ нашихъ аэроплановъ произвелъ на турокъ такое сильное впечатлѣніе, что они отъ испуга совершенно растерялись и позволили нашимъ машинамъ безпрепятственно пролетѣть надъ ихъ расположеніемъ. И лишь тогда, когда летчики, выполнивъ возложенную на нихъ задачу, повернули назадъ, турки рѣшились открыть по нимъ огонь. Они сдѣлали по летчикамъ свыше 50-ти орудійныхъ выстрѣловъ и засыпали ихъ градомъ ружейныхъ пуль, но все обошлось благополучно, и летчики вернулись невредимыми.

Военный аэропланъ.

Летчики во время осады Перемышля.

Подъ Перемышлемъ во время его осады нашими войсками, летчики наши проявили изумительную отвагу.

О цѣломъ рядѣ непріятельскихъ дѣйствій, произведенныхъ въ пунктахъ, казалось бы, совершенно недоступныхъ для русскаго глаза, мы знали благодаря нашимъ летчикамъ, раздобывавшимъ самыя цѣнныя свѣдѣнія.

Поднимаясь на своихъ бѣлыхъ птицахъ, эти незамѣтные герои производили даже снимки аппаратами, прикрѣпленными къ ихъ машинамъ. Они фотографировали расположеніе непріятельскихъ войскъ, укрѣпленія, удобныя позиціи и всякія боевыя приготовленія.

Перемышль былъ осажденъ, и картина войскъ, расположенныхъ возлѣ него, имѣла довольно однообразный видъ.

Зарывшись въ землю и создавъ рядъ укрѣпленій и очень удобныхъ траншей, русскія войска находились подъ ихъ прикрытіемъ въ совершенной безопасности. Ночью, когда орудія молчали, войска отдыхали, и все, кромѣ часовыхъ, засыпало.

Только изрѣдка показывались съ фортовъ крѣпости снопы лучей прожекторовъ, прорѣзывавшихъ темноту. Иногда австрійцы пускали ракеты, освѣщавшія мѣстность.

Но когда начинало свѣтать, австрійцы, обладая большимъ запасомъ снарядовъ, начинали усиленно палить изъ орудій.

Картина обыкновенно получалась такая: орудійная стрѣльба съ обѣихъ сторонъ не прекращалась. Наша артиллерія заставляла замолчать нѣсколько крѣпостныхъ орудій, разрушала прикрытія для пѣхоты, уничтожала проволочныя загражденія и разстрѣливала стѣны въ окопахъ.

И тогда-то, во время разгара дѣйствій, когда пальба съ обѣихъ сторонъ доходила до высшей степени напряженія, наши летчики дѣлали свое дѣло.

Какъ коршуны они спускались на непріятеля и въ самую критическую минуту наносили ему ударъ, заставляя его моментально затихнуть.

Какъ-то разъ отрядъ австрійцевъ вырвался изъ крѣпости и устремился впередъ, поджигая пальбой окрестныя деревни, въ которыхъ по ихъ расчетамъ, должны были находиться русскіе. Цѣлью ихъ было очистить площадь передъ фортами.

Но въ это время одинъ изъ нашихъ летчиковъ поднялся въ воздухъ и, пролетѣвъ надъ ними, бросилъ на ихъ головы нѣсколько снарядовъ, которыми заставилъ ихъ прекратить пальбу.

Производившіеся съ высоты снимки давали возможность нашему командующему составу находиться въ курсѣ происходящаго въ Перемышлѣ.

Изъ нѣкоторыхъ снимковъ можно было видѣть, что населеніе давнымъ давно оставило Перемышль. Снимки эти были произведены летчиками въ различные часы дня, при чемъ центральныя улицы всегда были пусты, и какъ можно было судить по увеличеннымъ снимкамъ, на главныхъ улицахъ функціонировало всего нѣсколько магазиновъ.

Это подтвердили и плѣнные.

Благодаря нашимъ летчикамъ было выяснено, что въ Перемышлѣ наблюдался недостатокъ самыхъ необходимыхъ аптекарскихъ товаровъ, и для доставки ихъ изъ гарнизона посылались аэропланы, которые и привозили самое большее пудовъ 8 — 10 медикаментовъ каждый разъ.

Въ другой разъ нашей воздушной развѣдкой было установлено, что непріятельскій летчикъ собирается летѣть изъ Перемышля. Сейчасъ же въ районѣ, гдѣ могъ показаться летчикъ, были усилены сторожевые посты. Наготовѣ стояли, выжидая появленія непріятеля, нѣсколько батарей.

Какъ только онъ появился, онъ тотчасъ же былъ подстрѣленъ.

Непріятель упалъ въ центрѣ расположенія нашихъ войскъ, и былъ взятъ въ плѣнъ. Никакихъ писемъ и документовъ при немъ не оказалось. Какъ предполагаютъ, онъ былъ посланъ въ Вѣну съ важнымъ устнымъ порученіемъ.

Однажды наши воздушные развѣдчики замѣтили большой обозъ во много подводъ, намѣревавшійся пройти въ сумерки къ одному изъ фортовъ. Моментъ, секунда проходятъ, и летчики начинаютъ бросать свои бомбы.

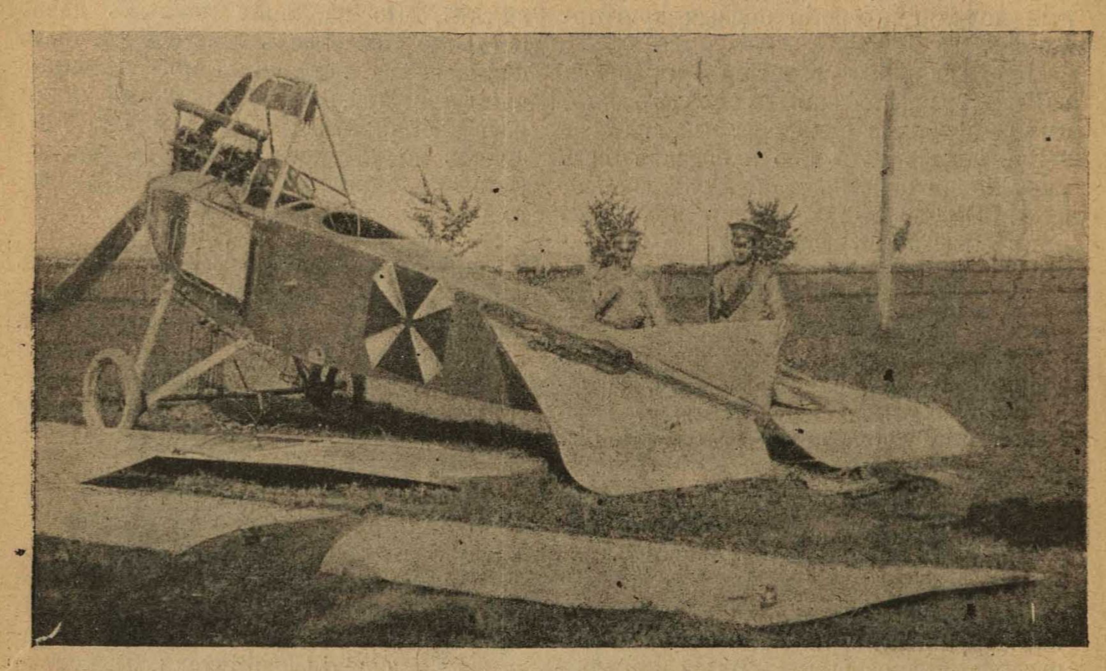
Въ результатѣ обозъ, въ которомъ оказалось много провіанта и военныхъ приспособленій, посланныхъ на подмогу

одному изъ фортовъ, превращенъ былъ въ щепки.

Успѣшная работа нашего воздушнаго флота подъ Перемышлемъ вызывала сильное безпокойство среди гарнизона этой крѣпости. Наши летчики встрѣчали необыкновенно серьезное противодѣйствіе со стороны австрійцевъ. Какъ только надъ Перемышлемъ появлялся нашъ аэропланъ, непріятель сейчасъ же открывалъ по немъ самый энергичный огонь.

Цѣлыхъ двѣ недѣли продолжалась эта безпрерывная, жестокая борьба подъ ураганнымъ огнемъ крупнокалиберныхъ германскихъ орудій, подъ безумнымъ натискомъ подавляющихъ своею многочисленностью непріятельскихъ полчищъ.

И только послѣ того, какъ выяснилась невозможность дольше сопротивляться въ буквальномъ смыслѣ разстрѣлу, гарнизонъ частью погибъ, частью прорвался сквозь вражескіе ряды.

Забранный нами австрійскій аэропланъ.

При почти ежедневныхъ пролетахъ нашихъ летчиковъ надъ крѣпостью, множество шрапнелей рвалось въ небѣ, но этотъ фейерверкъ оставался всегда абсолютно безрезультатнымъ.

Летчики въ осажденномъ Новогеоргіевскѣ.

Новогеоргіевскъ палъ.

Но своимъ паденіемъ онъ еще больше вознесъ славу о мужествѣ и стойкости русскаго воина.

Непродолжительная осада этой крѣпости еще не разъ остановитъ на себѣ вниманіе будущихъ военныхъ историковъ.

Прорвались и летчики, спасая всѣ аппараты, важные документы, знамя-штандартъ крѣпости и другія цѣнныя вещи.

Непріятель началъ окружать крѣпость 22-го іюля, а спустя два дня уже началась фактическая осада.

Нѣмцы быстро повели наступленіе, не жалѣя ни снарядовъ, ни людей. Ихъ не останавливало наше упорное сопротивленіе, сосредоточившееся на фортахъ, обильно снабженныхъ орудіями и боевыми припасами.

Часъ за часомъ они своими гигантами-снарядами издалека разрушали нашу твердыню.

Аэродромъ новогеоргіевскихъ летчиковъ находился нѣсколько въ сторонѣ отъ цитадели. Но это нисколько не спасало его отъ обстрѣла. Приходилось перемѣщаться подъ защиту фортовъ и перевозить съ собою аппараты, ангары и все имущество.

Но и здѣсь они не нашли спокойствія. Для летчиковъ наступалъ самый трудный моментъ работы.

Это—первый случай, когда летчики оставались до самаго конца осады и только въ послѣдній моментъ, чуть ли не передъ самой сдачей, покинули крѣпость, унося съ собою по воздуху все цѣнное, что можно было взять.

Во все время пребыванія въ крѣпости, они не переставали работать, ежесекундно рискуя жизнью.

Каждый вылетъ изъ крѣпости послѣ начала осады сопряженъ былъ съ исключительнымъ рискомъ. Надо было взлетать и спускаться подъ сплошнымъ огнемъ сотенъ направленныхъ на нихъ непріятельскихъ жерлъ, надо было летѣть надъ тучей разрывающихся шрапнелей, надъ моремъ роковыхъ выстрѣловъ.

Но какое-то непонятное счастье все время сопутствовало имъ. Словно заколдованные, они носились надъ вражескимъ станомъ, возбуждая клокочущую злобу у враговъ и вызывая гордую радость своихъ. Никто изъ оставшихся въ крѣпости восьми летчиковъ ни разу не пострадалъ, зато ихъ аппараты получили много быстро залѣченныхъ ранъ.

Какъ извѣстно, въ Новогеоргіевской крѣпости остались слѣдующіе летчики: штабсъ-капитанъ Масальскій, штабъ-ротмистръ Свистуновъ, штабъ-ротмистръ Ливотовъ, штабсъ-капитанъ Козьминъ, поручикъ Гриневъ, подпоручикъ Вакуловскій, прапорщикъ Панкратовъ и унтеръ-офицеръ Тысвенко.

Всѣ они съ начала крѣпостной обороны принесли огромную пользу гарнизону. День за днемъ тянулась осада, день за днемъ шелъ безпрерывный жестокій обстрѣлъ фортовъ, укрѣпленій. Порой этотъ обстрѣлъ превращался въ сплошной стальной ливень.

Летать становилось все труднѣе и труднѣе. Приходилось не уходить особенно далеко и подниматься только надъ полемъ, описывая одинъ за другимъ, небольшіе круги.

4-го августа вечеромъ нѣмцы достигли уже рѣки Вкры и отсюда стали разрушать вторую линію нашихъ укрѣпленій. Летчикамъ сдѣлалось совершенно невмоготу, такъ какъ взлетать неизбѣжно надо было на глазахъ у нѣмцевъ; а они великолѣпно пристрѣлялись и подготовились для стрѣльбы вверхъ.

Каждый изъ нашихъ летчиковъ, взлетая въ воздухъ, никогда не надѣялся благополучно вернуться. Но,—это счастливое «но» помогало имъ каждый разъ возвращаться и даже приносить очень важныя донесенія.

Они удачно донесли о подвозѣ орудій по Вислѣ къ Вышеграду, о подвозѣ тяжелой артиллеріи къ Гансоту, о поправкѣ желѣзно-дорожнаго пути между Цѣхановымъ и Новогеоргіевскомъ, о выгрузкахъ орудій въ Сверчѣ.

Не разъ они предупреждали о томъ, что подготовляется штурмъ крѣпости, а это давало возможность соотвѣтствующимъ образомъ подготовиться къ нападенію и позволяло во всеоружіи встрѣтить врага.

Предупреждали летчики также и о подвозѣ и сосредоточеніи артиллеріи и о численности непріятеля на разныхъ участкахъ и о его передвиженіяхъ.

Но положеніе съ каждымъ часомъ становилось все болѣе и болѣе невозможнымъ.

Вечеромъ 4-го крѣпость рѣшено было оставить, а передъ этимъ уничтожить все, что могло бы оказаться полезнымъ непріятелю.

Наступила очередь за летчиками.

Запылали ангары, склады, мастерскія, и между 10 и 11 часами вечера у родного пепелища были собраны команды, съ которыми весь боевой годъ они дѣлили тяжелыя заботы и несли вмѣстѣ тяжелый трудъ.

Спасаться не всѣ могли; изъ крѣпости могли улетѣть только летчики, бравшіе съ собою самое цѣнное и по одному пассажиру.

Всѣ же остальные должны были остаться въ крѣпости, зная, что ихъ ждетъ неминуемый плѣнъ, если только они

не пробьются съ гарнизономъ или не погибнутъ въ неравномъ бою.

Трудно передать эту сцену разставанія, когда каждый смотрѣлъ другъ на друга, какъ на уходящаго въ другой міръ. Немногіе могли удержаться отъ слезъ.

Героическій вылетъ произошелъ 5-го августа въ четыре часа утра.

Объ этомъ славномъ подвигѣ наше общество должно знать, такъ какъ онъ спасъ намъ знамена и много цѣнныхъ документовъ.

Погода стояла невозможная, тучи стлались низко по землѣ и летѣть надо было по компасу. Но эта скверная погода и помогла летчикамъ, оградивъ ихъ отъ обстрѣла при взлетѣ.

Начало полета не предвѣщало ничего хорошаго. Сильный вѣтеръ жестоко трепалъ крылья, бросая аппараты во всѣ стороны. Все время приходилось оставаться во мглѣ тумана, не имѣя возможности оріентироваться. Многіе изъ летчиковъ летѣли назадъ, сами не зная того; компасъ не могъ правильно указывать, а туманъ мѣшалъ видѣть землю. Многіе изъ нихъ попадали подъ жестокій обстрѣлъ и не только враговъ, но и своихъ.

Нѣкоторые, не разъ сбившись съ пути, приземлялись среди непріятеля. Однако смѣлые счастливцы, всѣ восемь человѣкъ пролетѣли благополучно сквозь непріятельскія расположенія.

Фамиліи всѣхъ этихъ героевъ теперь опубликованы, и мы позволимъ себѣ ихъ привести:

Изъ Новогеоргіевска вылетѣли: 1) Шт.-кап. Масальскій съ адъютантомъ Арсеньевымъ на «Альбатросѣ». 2) Шт.-ротм. Свистуновъ съ механикомъ Савостинымъ на «Фарманѣ», 3) Шт.-кап. Козьминъ и Полетаевъ на «Альбатросѣ», 4) Шт.-ротм. Ливотовъ съ наблюдателемъ Лупинскимъ и механикомъ Зубаревымъ на «Альбатросѣ», 5) Пор. Гриневъ одинъ на «Фарманѣ», 6) Подпор. Вакуловскій съ пор. Мрачковскимъ на «Альбатросѣ», 7) Прапорщикъ Панкратовъ съ поручикомъ Владыкинымъ на «Фарманѣ», 8) Унт.-оф. Тысвенко съ наблюдателемъ шт.-кап. Радзинымъ.

Ни одна изъ машинъ не была потеряна. Среди аппаратовъ находились четыре «Альбатроса» (германскіе, взятые нами въ плѣнъ и прекрасно служившіе нашимъ летчикамъ); и присутствіе четырехъ германскихъ машинъ нерѣдко смущало нѣмцевъ;—они принимали нашихъ летчиковъ за своихъ и не открывали иногда стрѣльбы.

Особенно жестоко пострадалъ аэропланъ шт.-кап. Масальскаго; онъ былъ прострѣленъ въ сорока восьми мѣстахъ и несмотря на это, онъ долетѣлъ благополучно. Вѣтеръ бросалъ полотняную птицу на самый лѣсъ, а иногда почти опрокидывалъ ее. Большая высота была часто невозможна, а малая—крайне опасна, подъ смертельнымъ обстрѣломъ.

Но приходилось пренебречь обстрѣломъ и воспользоваться малой высотой. И только благодаря опытной рукѣ самого летчика, аппаратъ могъ спастись и счастливо пролетѣть весь путь до Бреста.

Всѣ новогеоргіевскіе летчики, вылетѣвъ изъ крѣпости, рѣшили взять направленіе на востокъ къ Бресту. Тогда еще въ Брестѣ не было непріятеля.

Весь этотъ путь Новогеоргіевскъ — Брестъ летчики успѣшно сдѣлали въ три-четыре часа, спасшись удачно отъ всѣхъ разстрѣловъ и преслѣдованій и летя въ страшную бурю.

Поручикъ Гриневъ на «Фарманѣ» даже прилетѣлъ въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго и былъ встрѣченъ тамъ Августѣйшимъ предводителемъ войскъ теплымъ и радостнымъ привѣтомъ.

Этотъ летчикъ сдѣлалъ въ бурю около трехсотъ верстъ, не снижаясь.

Но особенно интересенъ полетъ шт.-ротм. Ливотова, застрявшаго среди враговъ и поднявшагося снова, благополучно избѣжавъ гибели и спасши себя и своихъ пассажировъ.

Ливотовъ взялъ на свою машину (германскій «Альбатросъ»,—новый, превосходно сдѣланный аэропланъ, поражающій своею прочностью, тонко сработанная машина со стосильнымъ двигателемъ и двумя сидѣньями) помимо двухъ пассажировъ, наблюдателя и механика, еще 6 пудовъ багажа.

При взлетѣ аппаратъ миновалъ линію непріятельскаго обстрѣла. Двигатель сначала работалъ плохо, одна свѣча не давала искры, и машина никакъ не могла сняться съ мѣста и взлетѣть.

Потомъ, поднявшись сразу круто, аппаратъ попалъ въ тучи.

Летчикъ взялъ направленіе на Вышковъ и, скрываясь за облаками, пошелъ на востокъ.

Кругомъ были тучи, сплошной своей массой окутывавшія летящихъ. Въ концѣ-концовъ, исчезла всякая возможность опредѣлить — летятъ ли они впередъ или назадъ. Повороты перестали чувствоваться, компасъ ничего не показывалъ.

Послѣ перваго получаса летчикъ забрался во вторыя тучи, на 400 метровъ надъ первыми; но, увы, измѣненій не было никакихъ.

Полная неопредѣленность, полная неизвѣстность. Ливотовъ не разъ леталъ надъ занятой нѣмцами Варшавой, надъ осажденнымъ Прасньшемъ въ февральскіе бои, много разъ онъ снижался среди враговъ и переживалъ неисчислимые риски, но этотъ вылетъ былъ единственнымъ по своей опасности.

Вотъ его собственный разсказъ объ этомъ полетѣ:

«Лечу три съ половиной часа и рѣшаю, что нахожусь надъ своими. Однако боюсь попасть въ Пинскія болота, изъ которыхъ никакъ не вылѣзъ бы.

«Рѣшаю сѣсть, неувѣренный, надъ чѣмъ я лечу. Вижу опушку лѣса и поляну, слетаю туда. Тутъ деревушка и гуляютъ, кажется, солдаты, а шагахъ въ ста тоже люди. Однако не понимаю, непріятель или наши. Механикъ сходитъ. Ко мнѣ бѣгутъ солдаты.

«Смотрю на нихъ въ бинокль и различаю съ ужасомъ: нѣмцы... Бѣгутъ безъ ружей, ясно вижу форму баварской пѣхоты. Вотъ они уже въ полуверстѣ отъ меня.

«Быстро пускаю въ ходъ машину. Механикъ вскочилъ. Даю ходъ. Въ карбюраторѣ стрѣляетъ. Машина неровно трещитъ. Винтъ не даетъ болѣе 1200 оборотовъ, значитъ, я не могу взлетѣть. А меня настигаютъ, я уже слышу крики а самъ еще на землѣ. Машина бѣжитъ по землѣ съ полверсты, и я не увѣренъ въ почвѣ. Наконецъ чуть-чуть подымаюсь и вижу—подо мною скачутъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ германскіе всадники и машутъ руками. Они невооружены почему-то и не стрѣляютъ. Моя машина рветъ какіе-то германскіе провода, но сама не ранится, и крылья несутъ легко, все лучше, сильнѣе.

«Лечу надъ германскимъ обозомъ.

«Вижу изумленныя лица обозныхъ солдатъ. Вижу, какъ лошади шарахаются въ стороны, какъ онѣ разносятъ телѣги, и солдаты коней не могутъ усмирить. Насъ, вѣроятно, принимаютъ за своихъ и не бьютъ въ насъ».

«Несемся въ тучахъ, все выше.

«Спаслись и летимъ дальше.

«Вижу внизу какъ будто двѣ дивизіи германской пѣхоты, много обозовъ и походные госпитали и отряды.

«Приходится летѣть на высотѣ 40 метровъ надъ германскими окопами, изъ которыхъ солдаты бьютъ пулями во-всю. Вижу лица солдатъ и ко мнѣ протягиваются руки. Тутъ получаю одиннадцать пробоинъ въ машинѣ, но все неопасныя, и лечу благополучно дальше.

«Послѣ четырехъ съ половиною часовъ полета спускаюсь въ деревнѣ Оса къ югу отъ Кобрина.

«И тутъ еще несчастье. Слетѣвъ благополучно, попадаю въ толпу мужиковъ, вооруженныхъ косами, вилами, топорами. Приняли за нѣмца. Арестовали. Показываю имъ свой натѣльный крестъ, крещусь, говорю по-русски — ничего не помогаетъ. Меня приняли за нѣмца и таковымъ упорно считаютъ. Потомъ выручаетъ полиція. Наконецъ достигаю желѣзной дороги».

Подпоручикъ Вакуловскій взялъ съ собою на машину товарища-наблюдателя, поручика Мрачковскаго и знамя-штандартъ крѣпости.

Ему долго не рѣшались его поручить, опасаясь, что въ моментъ опасности онъ не сумѣетъ его уничтожить.

Но онъ придумалъ прикрѣпить къ нему двѣ разрывныя бомбы, и, такимъ образомъ доказалъ, что когда нужно будетъ, онъ уничтожитъ знамя.

И ему знамя поручили.

Онъ вылетѣлъ въ половинѣ пятаго утра, еще при полной тьмѣ. Туманъ и сильнѣйшій вѣтеръ не давали летѣть.

Оріентировка была немыслима. Тучи лежали подъ машиной. Компасъ отказывался служить. Обстановка—невыгодная для успѣха. Пришлось спланировать до сорока, потомъ до двадцати-пяти метровъ.

Русло Буга руководило полетомъ и надъ рѣчнымъ берегомъ летчикъ удачно несся, повинуясь всѣмъ его причудливымъ извилинамъ. Но туманъ былъ густъ и здѣсь. Тучи низки и приходилось снижаться до пятнадцати, десяти метровъ.

Понятно, какъ опасенъ такой полетъ.

Пять съ половиной часовъ длилось это мучительное путешествіе. Борьба съ воздушными вихрями часто походила на какое-то состязаніе, въ которомъ аппаратъ держался въ воздухѣ чудомъ, ежесекундно угрожая перевернуться. Часто спускаясь низко, можно было видѣть дымки выстрѣловъ и людей, махавшихъ руками.

Безконечные обозы тянулись по дорогамъ. Это двигались германскіе продовольственные отряды къ арміи, продвинувшейся впередъ въ своемъ наступленіи.

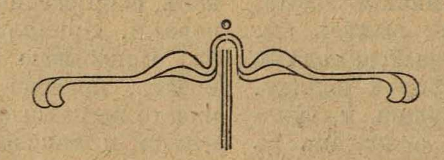
Невозможно было опредѣлить, гдѣ летитъ машина, и летчику часто приходилось нѣсколько разъ кружиться надъ тѣмъ же мѣстомъ, чтобы выяснить, куда летѣть и что подъ нимъ за мѣстность. Внизу были видны часто обезумѣвшіе отъ шума двигателя германскія лошади; они несли по дорогамъ и по лугамъ, вздымая пыль.

Нѣсколько разъ, пытаясь спуститься, летчикъ инстинктивно чувствовалъ враговъ въ далекихъ, чуть различимыхъ съ высоты человѣческихъ фигурахъ.

Онъ залетѣлъ гораздо южнѣе и дальше Бреста и летѣлъ надъ Бѣловѣжской пущей до самаго конца—болѣе часа.

Благополучно спустившись за лѣсомъ, Вакуловскій попалъ въ болото и перевернулъ машину, но и это несчастье окончилось благополучно.

Только расщепился винтъ, самъ онъ остался невредимъ.

Русскіе герои летчики
НАДЪ МОРЯМИ.

Очеркъ **Я. Златогорова.**

И надъ Кавказскимъ хребтомъ, и надъ Карпатами, и надъ Чернымъ моремъ и надъ Балтійскимъ,—повсюду раздается потрескиваніе русскаго пропеллера, повсюду слышится гулъ русскихъ бомбъ.

Сегодня русскіе летчики проносятся надъ Царьградомъ, а завтра мы уже слышимъ о подвигахъ надъ австрійскими Черновицами.

Итакъ, изо дня въ день новыя дѣянія, новые успѣхи не перестаютъ украшать страницы исторіи героической Россіи.

Нерѣдко слышно было о выдающихся полетахъ нашихъ офицеровъ надъ непріятельскими войсками, укрѣпленіями, крѣпостями, но о полетахъ надъ моремъ мы услышали впервые только въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Этотъ день въ исторіи не только русской, но и міровой авіаціи долженъ быть признанъ историческимъ, такъ какъ въ этотъ день произошелъ впервые въ исторіи военнаго искусства бой между воздушными и морскими силами.

До сего времени морскіе аэропланы нападали на военныя суда въ открытомъ морѣ только во время маневровъ.

На этотъ разъ произошелъ бой не на жизнь, а на смерть между нашими морскими аэропланами и германо-турецкимъ крейсеромъ «Бреслау», намѣревавшимся напасть на Севастополь.

Бой аэроплановъ съ «Бреслау».

Наши летчики налетѣли на «Бреслау» съ неслыханной смѣлостью и преслѣдовали его съ изумительной храбростью.

Картина нападенія нашихъ аэроплановъ на крейсеръ дала возможность понять всю красоту и поэзію войны.

Около восьми часовъ утра нашъ дежурный катеръ вышелъ изъ Севастополя, обогнулъ Херсонесскій маякъ и принялся за свою обычную работу.

День выдался на рѣдкость ясный, солнечный, совсѣмъ лѣтній. Море было чрезвычайно спокойно, что съ нимъ въ это время года бываетъ очень часто.

Производя свою обычную работу, катеръ все дальше и дальше уходилъ отъ берега.

Вдругъ въ десятомъ часу утра съ катера замѣтили какое-то военное судно, направлявшееся со стороны мыса Фіолентъ къ Севастополю. Корабль этотъ по типу не принадлежалъ къ составу Черноморскаго флота.

Тотчасъ же катеръ прекратилъ работу и направился къ Севастополю, стараясь укрыться подъ защиту береговыхъ батарей. Непріятельское судно открыло катеръ и послѣдовало за нимъ. Не было никакого сомнѣнія, что это—турецкій крейсеръ «Бреслау».

На «Бреслау», видно, поняли, что попытка захватить катеръ врасплохъ не удалась, такъ какъ съ крейсера сейчасъ же была открыта по катеру стрѣльба изъ орудій съ очень большого разстоянія.

Все это продолжалось нѣсколько минутъ.

«Бреслау», видимо, производилъ только развѣдку и совершенно не имѣлъ намѣренія итти дальше къ Севастополю. Какъ только опасность появилась оттуда, откуда меньше всего онъ могъ ее ожидать, онъ поспѣшилъ безнаказанно скрыться.

Но вдругъ произошло то, чего онъ никакъ не могъ предполагать. Словно стая черныхъ коршуновъ надъ Севастопольской бухтой съ шумомъ пронесся отрядъ нашихъ морскихъ аэроплановъ,

а одновременно снялись съ якорей и наши крейсеры.

«Бреслау» замѣтилъ погоню и развилъ наибольшую скорость, но, увы, на этотъ разъ скорость хода мало помогла ему. Наши аэропланы быстро нагнали непріятельскій корабль. Взявъ сразу довольно большую высоту, около 1500 метровъ, они закружились надъ непріятелемъ и открыли самую ожесточенную бомбардировку. Одна бомба слѣдовала за другой, одинъ взрывъ заглушалъ другой. Нѣкоторыя бомбы взрывались на палубѣ корабля, но о размѣрахъ разрушенія трудно было судить, такъ какъ съ такой значительной высоты корабль казался почти лодочкой.

Положеніе корабля становилось затруднительнымъ. Единственнымъ спасеніемъ было развить максимальный ходъ и уйти въ открытое море. Но убѣжать отъ нашихъ летчиковъ оказалось не такъ просто. Вцѣпившись крѣпко въ свою добычу, они старались не выпускать ее изъ своихъ когтей.

«Бреслау» сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку. Взявъ предѣльный уголъ высоты для своихъ орудій, онъ попытался сбить наши аэропланы, но летчики оставались неуязвимы.

Они продолжали жестоко преслѣдовать его и забрасывать снарядами. По словамъ летчиковъ, ихъ снаряды потрясали воздухъ и отъ сильныхъ взрывовъ слегка покачивало аппараты. Такъ они гнались за крейсеромъ нѣсколько миль и все время сбрасывали бомбы, взрывавшіяся на «Бреслау».

Наконецъ запасы бомбъ изсякли. Дальнѣйшее преслѣдованіе теряло всякій смыслъ. Да и задача была блестяще выполнена: «Бреслау» позорно бѣжалъ отъ своихъ воздушныхъ преслѣдователей.

Прогнавъ крейсеръ, аэропланы благополучно вернулись на свои севастопольскія квартиры. Вернулись и черноморскіе крейсеры.

Между нашей крейсерской эскадрой и «Бреслау» разстояніе съ самаго начала было настолько велико, что погоня не могла дать никакихъ результатовъ. Одни только аэропланы могли догнать «Бреслау», и то лишь развивъ скорость свыше 100 верстъ въ часъ.

Такъ блестяще окончился бой между нашимъ воздушнымъ флотомъ и непріятельскимъ судномъ.

Наши герои воздуха побѣдили и своей побѣдой открыли первую блестящую страницу русской морской авіаціи.

Чуть ли не въ тотъ же день наши батумскіе летчики имѣли случай помѣриться силами съ другимъ германо-турецкимъ колоссомъ, «Гебеномъ», и въ этомъ случаѣ они также успѣшно выполнили возложенную на нихъ задачу.

Первая бомбардировка Босфора.

Прошло 3 мѣсяца.

Наступила весна. И эта весна оказалась весною для будущаго Россіи: 15 марта въ 10 час. 35 м. утра съ судовъ русской эскадры грянулъ первый залпъ по укрѣпленіямъ Босфора, пробившій брешь въ многовѣковой стѣнѣ, отдѣлявшей Россію отъ ея многовѣковой завѣтной мечты господства надъ Царьградомъ.

Когда эскадра вышла въ свой очередной походъ, для всѣхъ моряковъ, находившихся на ней было ясно, куда ведетъ на сей разъ ихъ путь: курсъ лежалъ прямо на Босфоръ.

Наканунѣ бомбардировки въ судовой церкви служили всенощную. Всю ночь готовились къ чему то торжественному.

7 часовъ утра... Тепло... Море спокойное, гладкое.

На совершенно безоблачномъ небѣ поднималось солнце. День обѣщалъ быть удачнымъ.

Впереди вырисовывалось знакомое очертаніе турецкихъ береговъ. Босфоръ былъ уже близко... Вскорѣ открылся узкій входъ въ проливъ. Тамъ дымилъ турецкій дозорный миноносецъ. Онъ спѣшилъ въ Царьградъ извѣстить о появленіи русской эскадры.

У турокъ уже поднялась тревога.

Русскіе корабли продолжали итти впередъ спокойнымъ ходомъ съ каждой секундой приближаясь къ проливу.

Вдругъ позади кораблей раздался мощный грохотъ... Одинъ за другимъ надъ кораблями пронеслись наши морскіе аэропланы... Первыя русскія ласточки полетѣли на Царьградъ.

Турецкія орудія еще молчали.

Аэропланы достигли берега и летѣли очень низко. Невольно закрадывалось сомнѣніе въ успѣшномъ окончаніи ихъ воздушнаго налета. Возникало опасеніе за ихъ судьбу. Турки соблазнились такой великолѣпной добычей. Войска и форты открыли по летчикамъ самую отчаянную пальбу. Весь берегъ гремѣлъ выстрѣлами. Въ воздухѣ, по всѣмъ направленіямъ, плыли бѣлые дымки шрапнелей. Однако летчики оставались невредимы и смѣло продолжали свой опасный путь.

Огонь эскадры переходилъ съ одного азіатскаго форта на другой. Туда же сбрасывали свои бомбы и наши аэропланы.

Затѣмъ бомбардировка перенеслась на европейскій берегъ. Вскорѣ раздались одинъ за другимъ оглушительные взрывы.

Наши летчики все время наблюдали за стрѣльбой и сообщали объ успѣшности бомбардировки. Они также отмѣчали большую панику среди защитниковъ пролива. При каждомъ новомъ взрывѣ солдаты разбѣгались и прятались.

Взятый въ плѣнъ австрійскій аэропланъ системы «Авіатикъ».

Вотъ головной повернулъ уже обратно. Онъ успѣлъ пролетѣть весь проливъ и все внимательно осмотрѣть и спѣшилъ первымъ съ донесеніемъ о томъ, что ни въ проливѣ ни въ Золотомъ Рогѣ большихъ судовъ нѣтъ. Батареи продолжали неустанно обстрѣливать ихъ. Но они, невзирая на опасность, направлялись прямо на орудія, кружась надъ ними и забрасывая ихъ своими бомбами.

Гдѣ-то въ сторонѣ наша эскадра разстрѣляла турецкое торговое судно. Скоро донесся грохотъ ужаснаго взрыва, и пароходъ началъ окутываться дымомъ. Но не было времени слѣдить за нимъ, такъ какъ головной корабль нашей эскадры уже открылъ бомбардировку.

Одинъ летчикъ сбросилъ бомбу въ группу солдатъ, занимавшихся обстрѣломъ нашихъ аэроплановъ. Бомба разорвалась въ самой гущѣ солдатъ. Это произвело на турокъ тяжелое впечатлѣніе. Послѣ этого при приближеніи аэроплановъ они еще быстрѣе разбѣгались во всѣ стороны и прятались.

Отчаянная пальба по аэропланамъ все продолжалась, но они благополучно долетѣли до Золотого Рога. Здѣсь передъ ними открылась волшебная панорама Царьграда съ сотнями мечетей, освѣщенныхъ солнцемъ. Легко себѣ представить панику, возникшую на улицахъ оттоманской столицы при появленіи воздушнаго врага.

Летчики признаются, что великъ былъ у нихъ соблазнъ полетать надъ Царьградомъ, но, имѣя опредѣленное серьезное порученіе, они должны были вернуться обратно.

Со столь незначительной высоты, на которой держались наши летчики, имъ видна была вся жизнь на Босфорѣ. Они вернулись невредимыми. Невредимыми остались и ихъ аэропланы. Какъ видно, турецкая стрѣльба велась крайне безпорядочно, свидѣтельствуя о растерянности турокъ. Изъ всѣхъ выпущенныхъ по нашимъ летчикамъ снарядовъ всего четыре пули попали въ одинъ изъ нашихъ аэроплановъ.

Другой, атакуя въ проливѣ миноносецъ, сбросилъ на него бомбу, которая упала и разорвалась за кормой. Вторая бомба, сброшенная съ аэроплана на фортъ Эльмасъ, разрушила зданіе у батареи.

На слѣдующій день, 16 марта въ 9 час. утра, русская эскадра снова появилась передъ Босфоромъ. Но погода испортилась, поднялся туманъ и оріентироваться было невозможно. Летчики сверху ничего не видѣли и не могли направлять стрѣльбу.

Тогда часть эскадры получила приказаніе осмотрѣть цѣлый рядъ гаваней вдоль Анатолійскаго побережья.

Съ ними отправились и наши аэропланы. Воздушная развѣдка обнаружила, что всѣ укрѣпленія Сангулдака разрушены. Но летчики не удовольствовались береговой развѣдкой и ушли далеко въ глубь побережья.

Турецкія войска открыли по нимъ ружейный огонь, не причинившій имъ существеннаго вреда. Въ свою очередь наши летчики брошенными бомбами разрушили центральную электрическую станцію. Нѣсколько бомбъ упало въ угольныя копи, вызвало взрывъ и произвело значительное разрушеніе.

Эскадра еще разъ бомбардировала побережье и уничтожила все, что удалось туркамъ исправить.

Съ нашей стороны не было никакихъ потерь, всѣ летчики остались совершенно невредимы.

Вторая бомбардировка Босфора.

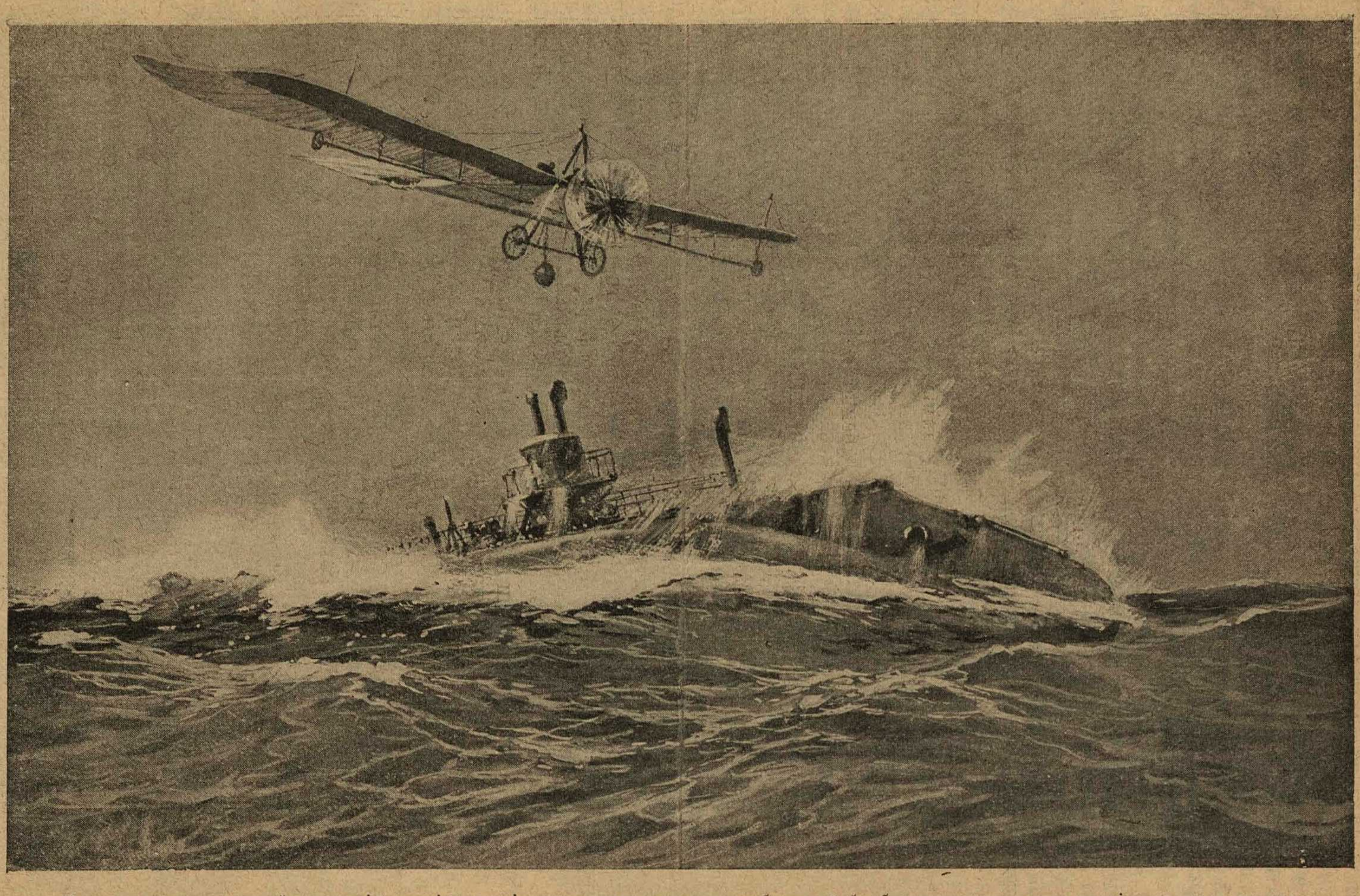
Прошелъ мѣсяцъ, и наша эскадра снова атаковала укрѣпленія Босфора. И въ этомъ бою успѣшно дѣйствовали наши морскіе аэропланы, безъ которыхъ не обходится во время этой войны ни одна стрѣльба по береговымъ укрѣпленіямъ.

Этотъ, впервые примѣняемый на практикѣ, новый видъ оружія оказалъ неоцѣнимыя услуги нашему флоту. Огонь нашихъ судовъ все время корректировался летчиками гидроаэроплановъ. По летчикамъ турки открывали самый жестокій ружейный и артиллерійскій огонь, но летчики всегда возвращались невредимыми и ни одинъ изъ ихъ аппаратовъ не былъ задѣтъ.

Въ апрѣльскіе дни наши летчики особенно много поработали при операціяхъ нашего флота у Босфора. Здѣсь имъ пришлось летать въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней. Одинъ разъ наши летчики на гидропланахъ долетѣли до самаго Константинополя, гдѣ вызвали страшную панику, а затѣмъ благополучно вернулись на суда.

Когда летчики 19 апрѣля поднялись въ воздухъ, то благодаря ясной погодѣ, весь Босфоръ развернулся передъ ними, какъ громадная великолѣпная панорама. У входа въ проливъ стояли и дымили какія-то суда. Сейчасъ же одинъ летчикъ отдѣлился отъ воздушной эскадры и отправился посмотрѣть фортъ Эльмасъ, который въ это время бомбардировался нашимъ линейнымъ кораблемъ. Летчика поразила та мѣткость, съ которой стрѣляли съ нашихъ кораблей. Эльмасъ былъ почти разрушенъ и весь объятъ пламенемъ. Уцѣлѣли лишь два молчавшихъ орудія.

Летчикъ описывалъ одинъ кругъ за другимъ, а въ это время непрерывно слѣдовавшіе залпы завершали начатое дѣло. Подъ развалинами форта уже исчезли послѣднія орудія. Вдругъ раздался оглушительный взрывъ, все заволокло дымомъ; видно, взорвались пороховые погреба. Эльмасъ перересталъ существовать. Картина разрушенія, которая представилась летчикамъ сверху, была потрясающая.

Гидро-аэропланъ, выслѣживающій непріятельскія подводныя лодки и снабженный бомбометомъ для атаки непріятельскихъ судовъ.

Тѣмъ временемъ, другіе летчики направились прямо на Босфоръ. Стоявшія у входа въ проливъ военныя суда оказались миноносцами, типа «Милетъ». Замѣтивъ наши аэропланы, миноносцы дали полный ходъ и стали удаляться изъ Босфора. Сейчасъ же летчики взяли параллельный курсъ и начали бросать бомбы. Но миноносцы, стараясь затруднить прицѣлъ, начали продѣлывать различныя эволюціи. Попасть въ столь малыя суда было очень трудно, и, не желая тратить напрасно бомбъ, наши летчики прекратили преслѣдованіе и приступили къ развѣдкѣ.

Въ это время надъ проливомъ появился турецкій аэропланъ. Нашъ летчикъ устремился на него, желая атаковать. Онъ быстро забралъ высоту и началъ кружиться надъ непріятельскимъ аппаратомъ, но турецкій аэропланъ тотчасъ приземлился, сѣлъ и больше не подымался.

Замѣтивъ въ сторонѣ отъ входа въ проливъ два темныхъ предмета и полагая, что это турецкія военныя суда, нашъ летчикъ отправился осмотрѣть ихъ. Но оказалось, что это былъ обыкновенный буксирный пароходъ съ громадной баржей. Какъ только буксиръ замѣтилъ аэропланъ, онъ сейчасъ же бросилъ баржу и началъ удирать. На баржѣ произошла паника. Турки въ безпорядкѣ начали спасаться въ лодкахъ.

Заниматься баржей было некогда и неинтересно, и летчикъ направился вдоль пролива.

Турки встрѣчали отчаяннымъ огнемъ каждый появляющійся надъ проливомъ аэропланъ. Подъ однимъ изъ нашихъ гидроаэроплановъ взорвались сразу три шрапнели, къ счастью безъ всякаго вреда.

Въ это время огонь нашего флота былъ весь сосредоточенъ на главныхъ фортахъ Босфора—Румели-Кавакъ и Анадоли-Кавакъ. Летчики все время наблюдали за стрѣльбой судовъ и сигнализировали, кружась надъ фортами. Эти форты до того жестоко обстрѣливались флотомъ, что, отвѣчая кораблямъ, они совершенно забыли о летчикахъ. Видно туркамъ приходилось очень плохо. Особенно сильно пострадалъ Анадоли-Кавакъ. Здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли грандіозные взрывы. Фортъ былъ окутанъ желтовато - коричневымъ дымомъ; на немъ вспыхнули большіе снопы пламени, дымъ поднимался очень высоко и закрывалъ окрестности. Несомнѣнно, взорвались склады боевыхъ припасовъ. Стрѣльба форта стала рѣже и носила безпорядочный характеръ, какъ будто фортъ находился въ агоніи. Наши залпы накрывали Анадоли - Кавакъ правильными рядами, производя все новыя разрушенія.

Картина боя развертывалась сверху, какъ въ кинематографѣ.

Все время летчики констатировали успѣшность стрѣльбы флота. На свѣжей травѣ были отчетливо видны воронки отъ нашихъ снарядовъ. Земля была точно вспахана. На фортахъ никакихъ признаковъ жизни. Около берега приткнулось военное судно, какъ видно канонерка, вѣроятно, сильно поврежденная.

Флотъ перешелъ къ болѣе глубокому обстрѣлу пролива, нанося поврежденія одному форту за другимъ.

Пролетѣвъ весь проливъ, нашъ летчикъ добрался до самого Царьграда. Поднявшись надъ Дольма - Бахче, летчикъ сбросилъ бомбу въ военную казарму. Внизу началась невообразимая паника. Послѣ окончанія бомбардировки летчики вернулись обратно.

Цѣлыхъ три дня подъ рядъ летчики проводили время въ боевыхъ развѣдкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ пробыли въ воздухѣ надъ Босфоромъ 18 часовъ и, несмотря на столь продолжительные полеты и тяжелыя условія, они чувствовали себя великолѣпно.

По словамъ летчиковъ, полеты надъ Босфоромъ легче и спокойнѣе, чѣмъ надъ Севастополемъ. Нѣтъ никакихъ особенно сильныхъ воздушныхъ теченій, нѣтъ воздушныхъ ямъ. О турецкихъ залпахъ они почти не говорятъ, настолько они безвредны и неопасны.

Полеты въ ясные безоблачные дни, когда можно наблюдать всю волшебную панораму Босфора и его окрестностей, доставляютъ истинное наслажденіе. Нѣкоторые летчики успѣшно произвели фотографическіе снимки Босфора и Царьграда.

Надъ Варной.

Какъ только Россія рѣшила наказать Болгарію за ея измѣну дѣлу славянства, сейчасъ же воины нашей воздушной рати не замедлили явить всю мощь русской силы.

Благопріятный случай представился имъ во время бомбардировки Варны.

Едва только взошло солнце, какъ наши первые летчики уже появились надъ Варной. Воздухъ былъ прозраченъ, и передъ ними развернулась величественная картина. Вся Варна,—гавань, портовыя сооруженія, магазины, береговыя батареи и самъ городъ были видны, какъ на ладони. Вдали сверкалъ совершенно неподвижный и какъ будто мертвый Лиманъ.

Летчики шли прямо къ берегу; они быстро достигли его и поднялись нѣсколько выше медленно плывшихъ облаковъ. Облака были довольно рѣдки и не мѣшали наблюденіямъ. Непріятельскія батареи еще молчали. Но едва только гидроаэропланы приблизились къ Варнѣ, какъ сразу по нимъ былъ открытъ ураганный огонь съ мыса Галата-Бурну. Но они не оказались беззащитными. Въ отвѣтъ на обстрѣлъ загрохотали съ нашей эскадры орудія и открыли первую бомбардировку Варны. Летчикамъ было не до обстрѣла; ихъ все время занимала одна задача—наблюденіе за стрѣльбой эскадры. Первые снаряды легли вблизи болгарскихъ батарей, не причинивъ, однако, вреда непріятелю, затѣмъ, благодаря указаніямъ воздушныхъ развѣдчиковъ, эскадра быстро пристрѣлялась и сразу прикрыла болгарскія батареи, тамъ показался дымъ и вслѣдъ за этимъ сила огня болгарскихъ орудій и батарей сразу уменьшилась. Еще нѣсколько залповъ, и болгарскія батареи совсѣмъ замолкли. Какъ видно, наши попаданія оказались очень удачными и довольно чувствительными.

Наблюденія въ бинокль за непріятельскимъ аэропланомъ.

Затѣмъ стрѣльба перенеслась на портъ. Здѣсь однимъ залпомъ былъ зажженъ штабель каменнаго угля, лежавшій на набережной. Появились языки пламени и къ небу потянулись клубы чернаго дыма. Раздался слѣдующій залпъ, и вслѣдъ за нимъ сѣверный молъ Варны очутился почти весь въ ранахъ. Въ это время въ гавани летчиками было замѣчено усиленное движеніе. Непріятельскіе миноносцы, старавшіеся укрыться отъ обстрѣла нашихъ орудій, спѣшили къ берегу подъ защиту батарей; туда же быстро направлялся почтовый пароходъ ведя на буксирѣ груженыя баржи. Пора было произвести панику. Нѣсколько бомбъ, сброшенныхъ летчиками надъ портомъ, и сейчасъ же одна баржа вспыхнула и вскорѣ затонула, а буксиръ,

бросивъ свои баржи, одинъ поспѣшилъ къ Галатѣ.

Летчики все время производили наблюденія и корректировали стрѣльбу. Нѣсколько бомбъ они сбросили въ мѣстахъ расположенія непріятельскихъ батарей. Нѣкоторыя бомбы попали въ большія военныя казармы и быстро подожгли ихъ. Гидроаэропланы дѣйствовали также и въ западной части города, гдѣ расквартированы турецкія войска. Сброшенными бомбами летчики убили многихъ солдатъ, главнымъ образомъ, моряковъ, охранявшихъ портъ.

Работа нашихъ героевъ оказалась не легкой. Одинъ аэропланъ увлекшійся своею задачей, подвергся бѣглому огню двухъ сосѣднихъ болгарскихъ батарей, къ которымъ вскорѣ присоединились пулеметы, а затѣмъ и пѣхота, стрѣлявшая пачками. Однако, благодаря блестящему маневрированію, летчику удалось благополучно уйти изъ охватившей его со всѣхъ сторонъ сферы огня.

Выполняя различныя самыя сложныя заданія, нѣкоторые летчики оставались въ воздухѣ надъ Варной по нѣскольку часовъ и, несмотря на сильный огонь, всѣ вернулись невредимыми.

Герои Чернаго моря.

Всѣ участники этихъ воздушныхъ боевъ и развѣдокъ, всѣ они въ одинаковой степени могутъ быть названы героями.

Каждый изъ нихъ находился въ обстановкѣ, въ которой грань между жизнью и смертью совершенно стиралась и исчезала. Но среди всѣхъ этихъ смѣльчаковъ особенно выдѣлился лейтенантъ Викторъ Утгофъ II, о подвигахъ котораго было опубликовано въ Высочайшемъ приказѣ. Онъ награжденъ былъ Георгіемъ 4-й степени за отличные подвиги храбрости и самоотверженности, оказанные имъ при производствѣ воздушныхъ развѣдокъ для нашего флота.

15 мая 1915 г., дѣйствуя въ районѣ Риза — Анатоли — Фенеръ, онъ обнаружилъ батареи и пороховой погребъ и бросилъ бомбу, попавшую въ толпу солдатъ, стрѣлявшихъ по аэроплану, а затѣмъ подъ жестокимъ огнемъ, видя разрывы шрапнелей у аппарата, не отступилъ отъ задачи. На слѣдующій день, находясь надъ Босфоромъ, въ туманѣ, подвергаясь обстрѣлу, онъ обнаружилъ выходъ изъ пролива турецкаго флота и крейсера «Гебенъ». Не медля ни секунды, онъ быстро помчался къ нашей эскадрѣ и заблаговременно предупредилъ ее объ этомъ. Благодаря этому наши суда имѣли возможность построиться въ боевомъ порядкѣ и встрѣтить достойнымъ образомъ непріятеля.

На третій день онъ уже дѣйствовалъ далеко отъ Босфора надъ Сангулдакскимъ портомъ и не останавливался передъ самымъ ожесточеннымъ обстрѣломъ со стороны непріятельскихъ береговыхъ батарей. Онъ поставилъ себѣ задачей уничтожить зданіе центральной электрической станціи, питающей всѣ угольныя копи и всѣ сооруженія для погрузки угля. Благодаря своему мужеству и неустрашимости, онъ направился прямо на зданіе этой станціи, сбросилъ три бомбы и одной изъ нихъ вызвалъ взрывъ и пожаръ главнаго зданія. Этимъ успѣшнымъ нападеніемъ онъ остановилъ надолго всю работу въ угольной гавани, въ этомъ главномъ источникѣ питанія Турціи углемъ.

Надъ Балтійскимъ моремъ.

Въ Балтійскомъ морѣ наши морскіе аэропланы выступаютъ не менѣе успѣшно. Здѣсь передъ ними врагъ болѣе могущественный и болѣе опасный— германскій боевой флотъ. Но, несмотря на всѣ трудности, нашимъ летчикамъ удается очень часто отражать атаки непріятеля. Нерѣдко они причиняютъ ему серьезный вредъ.

Въ одномъ изъ своихъ донесеній штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ о рѣдкомъ въ морской войнѣ случаѣ боя летательнаго аппарата съ военнымъ судномъ.

Нѣмцы уже давно установили правильное сообщеніе между занятыми ими Виндавой и Либавой и германскимъ побережьемъ. Все время между различными пунктами Балтійскаго моря, въ южной части крейсируютъ германскіе военные и торговые суда. И вотъ одна-

жды одинъ изъ нашихъ гидроплановъ, совершая свою обычную воздушную развѣдку, встрѣтилъ на своемъ пути недалеко отъ Виндавы, стоявшее тамъ посыльное судно (легкій крейсеръ). Нашъ летчикъ нисколько не смутился близостью непріятельской базы. Быстро направившись къ кораблю, онъ началъ сбрасывать на него бомбы. Несмотря на всѣ попытки уклониться объ боя или уйти, германскій крейсеръ долженъ былъ принять бой, который окончился для него плачевно. Летчикъ, атакуя судно заставилъ его итти къ берегу, къ скалистой части, гдѣ корабль наткнулся на мель, получилъ пробоину и оказался вынужденнымъ выброситься на берегъ.

Въ этотъ же день наши балтійскіе гидропланы атаковали и принудили къ отступленію непріятельскій цеппелинъ и два гидроплана, изъ коихъ одинъ былъ сбитъ.

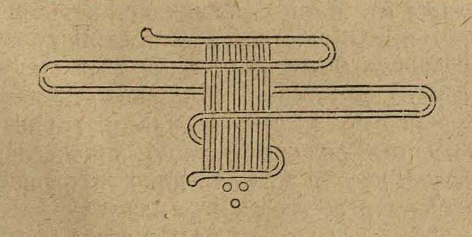
Бомба, сброшенная съ австрійскаго аэроплана.

Но особенно интересно было выступленіе нашихъ гидроплановъ 26 іюля, когда германскій флотъ въ составѣ девяти кораблей, 12 крейсеровъ и большого числа миноносцевъ упорно атаковалъ входъ въ Рижскій заливъ.

Для непріятельскаго флота крайне важно было овладѣть Рижскимъ заливомъ, ибо это позволило бы ему самымъ существеннымъ образомъ помочь своей арміи, которая находится на западномъ берегу залива. Съ цѣлью проникнуть въ Рижскій заливъ непріятель направилъ туда довольно значительныя силы, но всѣ атаки его были отражены какъ судами нашего флота, такъ и нашими морскими аэропланами.

Наши летчики, не устрашившись непріятельской артиллеріи и спеціальныхъ орудій для обстрѣла воздушныхъ цѣлей летали неустрашимо надъ нѣмецкимъ флотомъ и, сбрасывая сверху бомбы, заставляли непріятеля предпринимать такіе маневры, которые сильно мѣшали всѣмъ его операціямъ.

Иностранные летчики и военные дѣятели отзываются очень лестно о нашихъ морскихъ аэропланахъ, даже печать нашихъ противниковъ вынуждена бываетъ отмѣчать лихія дѣйствія нашихъ воздушныхъ бойцовъ.

Ильи-Муромцы.

Очеркъ **Я. Златогорова.**

Еще задолго до войны мы слышали о нашихъ аэропланахъ-гигантахъ «Ильяхъ - Муромцахъ». Многаго отъ нихъ ожидали, много на нихъ возлагали надеждъ. И какъ видно, они не обманули нашихъ ожиданій.

Сейчасъ нѣтъ возможности говорить о техническихъ и боевыхъ качествахъ аэроплана Илья-Муромецъ.

Можно только сказать, что въ дѣйствующей арміи ихъ имѣется сейчасъ нѣсколько съ опытными летчиками въ качествѣ командировъ и съ хорошо обученной командой. Сравнительно съ обыкновенными аэропланами этимъ гигантамъ даются болѣе серьезныя отвѣтственныя задачи характера не только тактическаго, но и стратегическаго.

На нихъ возлагается развѣдка значительно болѣе глубокая и продолжительная, а въ активныхъ операціяхъ—нанесеніе пораженій тѣмъ сооруженіямъ противника, которыя имѣютъ тоже стратегическое значеніе.

О дѣйствіяхъ нашихъ гигантовъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго впервые сообщилъ 7-го апрѣля. Въ этотъ день они успѣшно бомбардировали станцію Сольдау — важный желѣзнодорожный пунктъ на пути изъ Млавы къ Маріенбургу—и прервали коммуникаціонную линію противника на этомъ фронтѣ. При этомъ ими было обращено вниманіе на сосредоточенные здѣсь при узловой станціи различные военные склады, грузы, подвижной составъ и другія мѣста, имѣющія непосредственное военное значеніе.

Это первое выступленіе послужило толчкомъ для слѣдующихъ, еще болѣе удачныхъ боевыхъ экспедицій. Но между характеромъ ихъ выступленій и выступленій нѣмцевъ есть колоссальная разница.

Нѣмцы громятъ мирные города, бомбардируютъ госпитали, терроризируя населеніе и убивая женщинъ и дѣтей, а наши летчики бомбардируютъ только сооруженія военнаго характера и укрѣпленія противниковъ.

Такъ, одинъ изъ нашихъ могучихъ воздушныхъ кораблей «Илья Муромецъ» совершилъ удачно полетъ надъ Плоцкомъ, гдѣ съ него было брошено пятнадцать бомбъ значительнаго вѣса. Часть этихъ бомбъ попала въ нѣмецкія баржи на Вислѣ, а нѣсколько бомбъ удачно разорвалось на городской площади среди обозовъ противника.

Два другихъ воздушныхъ корабля «Илья-Муромецъ-Кіевскій» и «№ 3» бомбардировали станцію Млава и нѣмецкій аэродромъ въ Санникахъ. Каждый изъ этихъ кораблей сбросилъ бомбы, общимъ вѣсомъ свыше 15 пудовъ, причемъ бомбы попали: 3 въ станціонныя сооруженія, 2 въ ангары, 2 въ открыто стоящіе аэропланы и нѣсколько штукъ въ окопы противника.

Въ этихъ операціяхъ видно преслѣдованіе цѣли строго стратегическаго характера. Желѣзная дорога отъ Маріенбурга на Млаву и далѣе на Цѣхановъ являлась важной коммуникаціовной линіей противника на Варшавскомъ фронтѣ. И вотъ двумя послѣдовательными воздушными нападеніями на Сольдау и Млаву наши летчики внесли въ эту линію значительное разрушеніе, несомнѣнно произведя большую задержку въ желѣзнодорожномъ сообщеніи, а атака на Санники съ уничтоженіемъ ангаровъ и отдѣльныхъ аэроплановъ, представляетъ собою прямую борьбу съ летчиками нашего противника, уничтожая у нихъ матеріальную часть и убѣжище на землѣ.

Особенно пріятно было отмѣтить, что «Ильи-Муромцы», летая на большой вы-

сотѣ, оставались совершенно неуязвимыми для огня съ земли.

Спустя нѣсколько дней 2 воздушныхъ корабля системы «Илья-Муромецъ» снова бомбардировали станцію Сольдау, сбросивъ около 30 бомбъ. Наблюденіями и фотографическими снимками установлено исключительно удачное попаданіе: 4 бомбы разорвались надъ постройкой желѣзнодорожнаго депо, 3 бомбы попали въ подъѣздные пути, а одна изъ нихъ въ середину подвижного состава. Остальныя бомбы разорвались вблизи вокзала.

Утромъ 11 апрѣля наша воздушная эскадра въ составѣ кораблей «Илья-Муромецъ Кіевскій» и «№ 3» бомбардировала Нейденбургъ и сбросила десятокъ бомбъ общимъ вѣсомъ свыше 30 пудовъ, при чемъ одна бомба была въ 5 пудовъ. Попаданія бомбъ установлены были на желѣзнодорожномъ пути вблизи вокзала, въ самое зданіе вокзала и наиболѣе выдающіяся городскія зданія, изъ коихъ нѣкоторыя загорѣлись. Спустя 2 мѣсяца, 14 іюня, одинъ изъ нашихъ аппаратовъ типа «Илья-Муромецъ» отправился на 4-хчасовой поискъ въ районъ рѣки Сана и, выполнивъ другія порученія, бросилъ 3 бомбы въ непріятельскіе обозы у Лежайска, а затѣмъ бросилъ 7 бомбъ вѣсомъ отъ одного до 5-ти пудовъ на станцію Пржеводскъ, надъ которой корабль въ теченіе 15-ти минутъ описалъ 4 круга. На станціи находилось 5 поѣздовъ большого состава.

Въ одинъ изъ поѣздовъ попала бомба съ «Ильи-Муромца», послѣ чего поѣздъ былъ охваченъ пламенемъ, а во всѣ стороны начали разлетаться громадныя огненныя искры и дымки. Пожаръ поѣзда продолжался въ теченіе всего времени наблюденія его «Ильей-Муромцемъ». Дымъ охватилъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. По сообщенію германскихъ газетъ нашъ воздушный корабль взорвалъ поѣздъ съ боевымъ комплектомъ для артиллеріи. Непріятель лишился, по крайней мѣрѣ, 30.000 выстрѣловъ, понесъ значительныя потери въ людяхъ и желѣзнодорожное движеніе въ тылу его было временно дезорганизовано. Съ огромнаго пожара на станціи Пржеводскъ наши летчики сняли фотографію.

Но самымъ блестящимъ эпизодомъ въ исторіи боевыхъ подвиговъ нашихъ воздушныхъ гигантовъ, является бой «Ильи-Муромца» съ тремя непріятельскими летчиками.

Это было 6-го іюля.

Въ этотъ день нашъ воздушный корабль производилъ развѣдки и металъ бомбы на Холмскомъ направленіи. Закончивъ свою работу и возвращаясь назадъ, «Илья-Муромецъ» на высотѣ 3500 метровъ между Щебржешинымъ и Красноставомъ былъ атакованъ тремя германскими аэропланами и выдержалъ съ ними геройскій бой.

Казаки-развѣдчики стрѣляютъ по непріятельскому аэроплану.

Непріятельскіе аэропланы, проходя въ 50-ти метрахъ выше и ниже «Ильи-Муромца», обстрѣливали его пулеметами. Неблагопріятныя условія помѣшали нашему воздушному кораблю развить полную силу огня изъ всего его вооруженія. Однако, одинъ изъ нападавшихъ аэроплановъ, подлетѣвшій особенно близко, получилъ значительныя поврежденія и круто пошелъ внизъ, а другіе аэропланы непріятеля были вынуждены держаться болѣе осторожно.

Поручикъ Башко, управлявшій нашимъ воздушнымъ кораблемъ, получилъ 2 легкія раны.

Поврежденія, полученныя нашимъ воздушнымъ кораблемъ весьма многочисленны и несомнѣнно вызвали бы гибель всякаго другого аэроплана, но «Илья-Муромецъ», имѣя нѣсколько моторовъ и одинъ пропеллеръ поврежденными, съ перебитыми стойками, съ 16-ю пробоинами въ бакахъ съ бензиномъ, пролетѣлъ еще полчаса и спокойно спустился на своемъ аэродромѣ. Кромѣ поручика Башко, изъ числа экипажа пострадалъ вольноопредѣляющійся унтеръ-офицеръ Лавровъ, который задѣлывалъ пробоину въ бакахъ съ бензиномъ, при чемъ отморозилъ себѣ обѣ кисти рукъ.

Эти отдѣльные эпизоды изъ боевой жизни нашего «Ильи-Муромца» показываютъ какое огромное завоеваніе сдѣлано нами въ области военнаго воздухоплаванія.

Всѣ предыдущіе факты познакомили насъ съ внѣшней показной стороной этого воздушнаго дредноута.

Но что переживаютъ, что чувствуютъ участники воздушныхъ экспедицій, предпринимаемыхъ на этомъ воздушномъ кораблѣ?

Съ этими переживаніями знакомятъ насъ отдѣльные очерки участниковъ полетовъ, недавно опубликованные въ печати.

На боевой развѣдкѣ.

4 часа утра.

На аэродромѣ всѣ еще спятъ.

Въ нѣсколькихъ огромныхъ переносныхъ ангарахъ стоятъ готовые къ полету аэропланы Сикорскаго.

Вскорѣ просыпается жизнь — дежурный будитъ людей; метеорологическій наблюдатель, вольноопредѣляющійся, наполняетъ водородомъ воздушный шаръ и вмѣстѣ съ помощникомъ пускаютъ его въ свободный полетъ, слѣдя въ трубу за направленіемъ и скоростью вѣтра; механики осматриваютъ машину.

Человѣкъ 15 становится вокругъ аппарата и дружными усиліями выкатываютъ его на площадку передъ ангарами.

Подъ наблюденіемъ офицера пускаются въ ходъ всѣ двигатели.

— Пожалуйте наверхъ, сейчасъ поднимаются.

Взбираемся въ каюту. Пилотъ садится въ свое кресло. Кромѣ него еще трое: артиллеристъ, механикъ и я, въ качествѣ наблюдателя. Большіе баки съ бензиномъ помѣщаются между входной дверью и аппаратомъ.

Все готово. Одновременно пускаются въ ходъ всѣ моторы, и гигантская птица, пробѣжавъ по землѣ всего двадцать—тридцать шаговъ, плавно поднимается на воздухъ. Сразу становится свѣжо. Несмотря на толстыя стекла, вѣтеръ проникаетъ въ каюту черезъ мелкія отверстія. Шумъ моторовъ заглушаетъ слова и разговаривать при полетѣ совершенно невозможно.

Съ захватывающимъ интересомъ слѣдишь за тѣмъ, какъ земля быстро уходитъ все ниже и ниже и скоро становится похожей на развернутую карту большого увеличенія. Стада, разбросанныя по зеленому лугу, и копны сѣна кажутся игрушечными. Еще поворотъ и подъ аэропланомъ—городокъ, утопающій въ зелени пышныхъ садовъ, освѣщенный розоватыми лучами едва поднявшагося надъ горизонтомъ солнца.

Забираемъ высоту и беремъ направленіе прямо на югъ вдоль шоссе. Пилотъ оріентируется по компасу и повѣшенной рядомъ съ нимъ картѣ. На ней краснымъ карандашомъ прочерченъ маршрутъ сегодняшняго полета.

Въ бинокль ясно видно каждую повозку длиннаго каравана бѣженцевъ изъ района военныхъ дѣйствій, переселяемыхъ въ центральныя губерніи. То тутъ, то тамъ разбросаны еще не успѣв

шіе сняться ихъ биваки. Вотъ желѣзнодорожная линія и миніатюрный поѣздъ. Пролетаемъ вдоль поѣзда, и артиллеристъ объясняетъ мнѣ знаками надъ какой именно станціей мы находимся. Мимо насъ скользятъ со сказочной быстротой пашни, испещренныя множествомъ разноцвѣтныхъ свѣтло и темнозеленыхъ полосокъ, фіолетовыя рѣчки, лѣса, похожіе на мхи, болота и озера... Блеснули купола церквей какого-то города и исчезли.

Скоро и линіи нашихъ позицій. Поднимаемся выше. Термометръ показываетъ 5° ниже нуля, ногамъ холодно на тонкомъ полу въ каютѣ.

— Смотрите, смотрите, — говоритъ подходя ко мнѣ артиллеристъ.—Вправо идетъ бой,—указываетъ онъ на шрапнельные разрывы.

Дѣйствительно, вдоль ручья съ обѣихъ сторонъ рвутся снаряды и крохотные клочки бѣлаго дыма вспыхиваютъ и медленно таютъ еле замѣтными линіями хорошо маскированныхъ окоповъ.

Аппаратъ рѣзко поворачиваетъ направо, затѣмъ налѣво и вздымаетъ вверхъ. Надо уйти отъ обстрѣла. Двѣ шрапнели уже разорвались подъ нами и дразнить противника долѣе можетъ оказаться небезопаснымъ.

Внизу лѣса безконечные, прорѣзанные просѣками и испещренные полянками. Городокъ—словно кустарями вырѣзанная игрушка. Вокругъ обозы и биваки.

Вотъ аэродромъ!

Слѣва около старинной каменной башни рядъ ангаровъ. При нашемъ приближеніи аэропланы типа «таубе» спѣшно взлетаютъ на воздухъ и разсѣиваются во всѣ стороны.

Не разбудили ли мы осиное гнѣздо?

Вдругъ насъ будутъ атаковать германскіе воздушные истребители цѣлой эскадрой?

Но артиллеристъ знаками показываетъ мнѣ, что «таубе» попросту испугались насъ и стараются удрать отъ бомбъ.

Вдали видна станція Бѣльмежъ.

Съ каждой секундой все яснѣе и яснѣе становятся станціонные пути и поѣзда, скопившіеся у разгрузочныхъ платформъ.

Дыханіе захватываетъ отъ нетерпѣнія. Спускаемся. Идемъ прямо на станцію. Бросаемъ бомбы одну за другой. Какъ будто попали. Появился дымъ.

Поворотъ—и мы снова надъ станціей. Дымъ не разсѣялся, наоборотъ сталъ еще гуще. Значитъ, вагоны съ грузомъ горятъ. Можетъ-быть, горитъ самъ вокзалъ? Еще 5 бомбъ туда въ дымное облако...

Мы уже далеко отъ станціи, а она все еще кажется огромнымъ вулканомъ, окутаннымъ дымомъ. Вѣроятно, огонь охватилъ склады.

Задача блестяще выполнена, и намъ можно итти на свою базу. Три часа мы въ воздухѣ, пора и домой. Снова беремъ высоту и летимъ прямо на сѣверъ по компасу.

Наблюдать за движеніемъ обоза теперь уже какъ-то неинтересно, слишкомъ живы острыя впечатлѣнія разгрома непріятельской станціи.

Попадаемъ въ полосу облаковъ и теряемъ землю изъ виду.

Черезъ нѣсколько минутъ облака ниже насъ, и тѣнь «Муромца» проектируется на ихъ волнующейся пеленѣ гигантской птицей.

Время опускаться. Рѣзкое покачиваніе — это воздушныя ямы, которыхъ такъ опасаются авіаторы. Ближе къ землѣ аэропланъ выравнивается и мягко опускается на поляну. Толчка почти нѣтъ.

Полетъ воздушнаго корабля благополучно законченъ.

Бой на «Ильѣ-Муромцѣ».

Нѣсколько раньше мы сообщили о воздушномъ боѣ, который пришлось выдержать «Ильѣ-Муромцу» съ тремя непріятельскими аэропланами, изъ котораго онъ вышелъ блестящимъ побѣдителемъ.

Объ этомъ боѣ командиръ этого корабля поручикъ Башко, подѣлился своими впечатлѣніями.

Поручикъ Башко извѣстенъ уже давно какъ одинъ изъ наиболѣе опытныхъ капитановъ воздушныхъ кораблей типа «Илья-Муромецъ».

Счастливо отдѣлался онъ. Пуля скользнула по черепной кости, а то бы конецъ отважному летчику, прогремѣвшему удачнымъ подрывомъ австрійскаго поѣзда со снарядами, шедшаго въ Ярославъ.

Вотъ, что онъ разсказываетъ объ этомъ боѣ.

«Въ пять часовъ утра мы поднялись съ аэродрома и направились прямо на югъ къ Замостью. Намъ было приказано произвести глубокую развѣдку всего тыла германской арміи Макензена и опредѣлить силы противника, сосредоточенныя у Красностава. Къ 7-ми часамъ утра мы выполнили свою задачу и черезъ Шебрешенъ возвращались домой.

«Шли мы на высотѣ 2600 метровъ, порой попадая и въ облака. Я управлялъ аппаратомъ, помощникъ мой бесѣдовалъ съ механикомъ, артиллеристъ - наблюдатель, разстрѣлявшій весь запасъ бомбъ, сидѣлъ и чертилъ схему полета для представленія въ штабъ.

«Моторы работали отлично, и скорость была 90 километровъ. Все по-хорошему.

«Вдругъ правое стекло—оно у насъ не бьющееся, изъ особаго состава—дало трескъ и въ немъ появилась дырка. Пуля! Что такое?

«Я оглянулся—вижу метрахъ въ двухстахъ справа германскій аэропланъ нагоняетъ насъ и держится чуть выше.

«Крикнулъ своимъ—«нѣмецъ справа!» а самъ берусь за руль, чтобы подняться до 3000 метровъ.

«Въ это время насъ стали обстрѣливать слѣва и довольно удачно. Пробили сразу бензиновые баки наверху аппарата, и бензинъ сталъ вытекать. Хорошо, что баки расположены далеко отъ двигателя, и взрыва не произошло, а все-таки это намъ сильно повредило. Запасъ бензина сталъ изсякать...

«Я поворачиваю—оба германца за мной.

«Но тутъ затрещалъ нашъ пулеметъ, открыли верхнюю дверь, вылѣзъ, перекрестясь, нашъ артиллеристъ и принялся жарить по лѣвому истребителю, который подлетѣлъ совсѣмъ уже близко—на 100 метровъ.

«Какъ открыли огонь, тотъ сразу пошелъ внизъ и повернулъ круто влѣво. Не понравилось.

«Правый нѣмецъ продолжалъ стрѣлять изъ маузера и одной пулей угодилъ мнѣ въ голову. Слава Богу, пуля задѣла только слегка.

«Ударъ былъ здоровый, и я поспѣшилъ передать управленіе помощнику. Механикъ меня перевязалъ наскоро.

«Артиллеристъ перенесъ огонь направо на нѣмца, тотъ какъ-то завертѣлся и началъ планировать, но не ладно, бочкомъ. Вѣроятно, перебило ему пропеллеръ.

«Но и намъ обошлось не дешево. Тутъ еще третій германецъ за нами слѣдилъ и шелъ все время сзади, не показываясь. Стрѣлялъ и онъ вдогонку и попортилъ намъ 2 двигателя. Пришлось на двухъ оставшихся уходить, благо попутный вѣтеръ дулъ. Все-таки дойти до аэродрома мы не могли, бензинъ вытекъ изъ бака, и мы опустились около желѣзной дороги, хотя довольно благополучно.

«Сами виноваты. Поздно замѣтили нѣмцевъ. А то развѣ подпустили бы мы ихъ на такую опасную дистанцію! Съ пятисотъ метровъ намъ удалось бы навѣрняка выбить ихъ изъ строя, раньше чѣмъ они открыли бы огонь. Но тутъ вышло иначе. Они перерѣзали намъ бензиновый проводъ и пробили бакъ въ первую же минуту».

Герои «Ильи-Муромца».

Теперь можно уже назвать имена героевъ воздушныхъ выступленій нашихъ отечественныхъ аэроплановъ-гигантовъ.

Въ опубликованныхъ Высочайшихъ приказахъ о награжденіи георгіевскими крестами и георгіевскимъ оружіемъ названы три фамиліи лучшихъ летчиковъ, выдѣлившихся своимъ геройствомъ среди многочисленнаго экипажа воздушныхъ дредноутовъ.

Георгіевскіе кресты 4-й степени получили: командиръ воздушнаго корабля «Илья-Муромецъ Кіевскій» военный летчикъ штабсъ-капитанъ Іосифъ Башко, за то, что 11, 22 и 28 апрѣля 1-го, 4, 5, 27 и 28 мая и 11 и 14 іюня 1915 года, лично управляя кораблемъ, произвелъ 10 боевыхъ полетовъ по заданіямъ штабовъ армій. Находясь во все время полетовъ подъ обстрѣломъ артиллерійскаго огня,

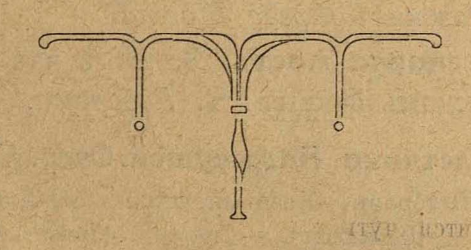
онъ сфотографировалъ важнѣйшіе укрѣпленные пункты и позиціи противника.

Брошенными съ ввѣреннаго ему корабля бомбами во время этихъ полетовъ было произведено разрушеніе желѣзнодорожныхъ путей, сооруженій, составовъ и складовъ станцій: Нейденбургъ, Билленбергъ, Ловичъ, Ярославъ и Пржеводскъ.

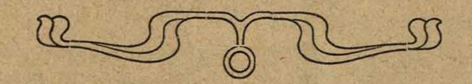
При этомъ 14 іюня брошенными въ станцію Пржеводскъ бомбами былъ взорванъ непріятельскій поѣздъ съ боевымъ комплектомъ для артиллеріи. Въ означенныхъ полетахъ летчикъ выполнилъ всѣ данныя ему задачи, обнаружилъ мѣстонахожденіе непріятельскихъ батарей и доставилъ своевременно важныя свѣдѣнія о группировкѣ и движеніи войскъ противника.

Такой же Георгіевскій крестъ 4-й степени получилъ штабсъ-капитанъ Александръ Наумовъ за то, что, состоя артиллерійскимъ офицеромъ того же воздушнаго корабля, во время указанныхъ выше боевыхъ полетовъ, сбросилъ бомбы съ корабля и произвелъ ими вышеуказанныя разрушенія.

Наконецъ, помощникъ командира того же воздушнаго корабля военный летчикъ, поручикъ Михаилъ Смирновъ получилъ Георгіевское оружіе за то, что во время этихъ боевыхъ полетовъ, находясь подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, произвелъ развѣдку, опредѣлилъ мѣстонахожденіе цѣлаго ряда непріятельскихъ батарей, сфотографировалъ самые важные непріятельскіе пункты и позиціи и обнаружилъ большое концентрированіе войскъ у города Пржеводска и наводку мостовъ, чѣмъ оказалъ войскамъ большую услугу.

СОДЕРЖАНІЕ.

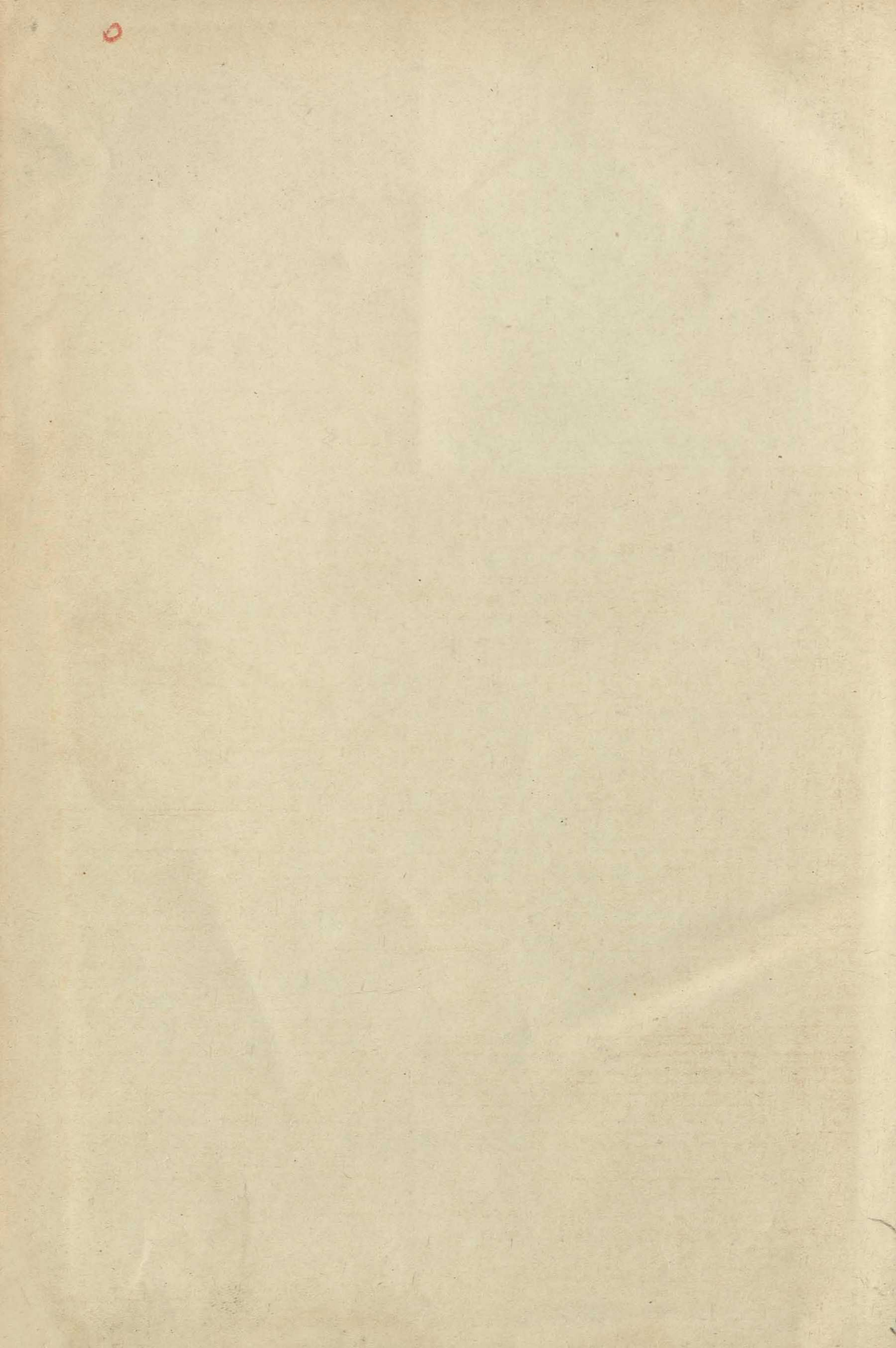

СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКОВЪ „МІРОВАЯ ВОЙНА“ за 1915 годъ.

Кн. Стр.

2011094821